

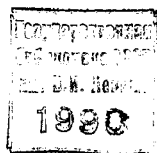
1992/102
Карельский филиал АН СССР
Институт языка, литературы и истории

***Проблемы
истории
и культуры
вепсской
народности***

Петрозаводск 1989

В. В. Пименов (отв. ред.), З. И. Строгальщикова,
Ю. Ю. Сурхаско

Художник
В. А. Базегский

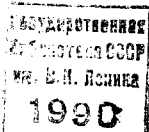
2004127376

Предисловие

Интерес науки к истории и культуре вепсов возник давно, однако в последнее время усилилось стремление творческой общественности, самих вепсов к познанию истоков культуры народа и его современного состояния. Непосредственным толчком к пробуждению такого интереса стала подготовка и проведение на вепсской земле в июне 1987 г. — впервые за всю историю народа — праздника «Древо жизни» и научно-практической конференции «Проблемы сохранения языка и культуры вепсов». Инициаторами проведения конференции были писательские организации Ленинграда и Карельской АССР. В ней приняли участие ученые и писатели Ленинграда, Петрозаводска, Тарту, Таллинна, Вологды, представители вепсской интеллигенции. Участники конференции выразили озабоченность современным положением дел и в резолюции подчеркнули, что «в целях сохранения и развития вепсского этноса, языка и культуры требуются срочные и активные действия государственных органов, общественных организаций и учреждений».

Следующим этапом в решении вепских проблем явилось состоявшееся в октябре 1988 г. в г. Петрозаводске совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». Активное участие в нем приняли советские и партийные органы Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей, ученые, писатели и представители вепского народа. Совещание поддержало резолюцию предыдущей конференции. Практические рекомендации, выработанные на нем, должны стать программой возрождения народности. Признано необходимым регулярно знакомить широкую общественность и вепское население с историей, культурными традициями вепсов, с проблемами дальнейшего существования народности.

Данный сборник подготовлен на основе материалов конференций, и мы надеемся, что он в какой-то мере выполняет эту задачу.

В. В. Пименов, З. И. Строгальщикова

ВЕПСЫ: РАССЕЛЕНИЕ, ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Вепсы — одна из коренных народностей Северо-Запада нашей страны. По языку они относятся к прибалтийско-финским народам и наиболее близки к карелам, финнам и эстонцам. Этническая территория вепсов в прошлом охватывала Межозерье — пространство между тремя крупнейшими северными озерами — Ладожским, Онежским и Белым*. К настоящему времени она значительно сократилась и занимает восточную часть Межозерья — сопредельные районы Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей (рис. 1).

Самые северные поселения вепсов расположены на юго-западном побережье Онежского озера — на окраине Прионежского района КАССР. Живущих здесь вепсов называют прионежскими. В некотором отдалении — за р. Свирь начинается основная исконная территория обитания вепсской народности. Сейчас большее число вепсских деревень сохранилось в верховьях р. Ояты в Подпорожском районе Ленинградской области. Эту группу вепсов обычно называют оятскими. К ним примыкают и несколько вепсских поселений Лодейнопольского и Тихвинского районов Ленинградской области. К востоку от них — уже в Вологодской области (Бабаевский район) остались две небольшие группы вепсских деревень — пязозерские и куйско-пондальские вепсы. Последних в литературе называют также белозерскими — место их обитания находится всего в 70 км от Белого озера. Отдаленными от остальных вепсов оказались и вепсы, именуемые южными: они обитают на юге региона между верховьями рек Лидь и Колпь в Бокситогорском районе Ленинградской области.

Разделение народности, проживавшей еще до середины 1950-х годов почти единым этническим массивом, на изолированные группы произошло по нескольким причинам: нерешенность многих задач национально-культурного развития в 20—30-е годы, полный отход от принципов ленинской национальной политики в 1937 г., безучастие к судьбе народности со стороны руководства

* Подробнее об этом см. в ст. М. Йоалайд в наст. сб.

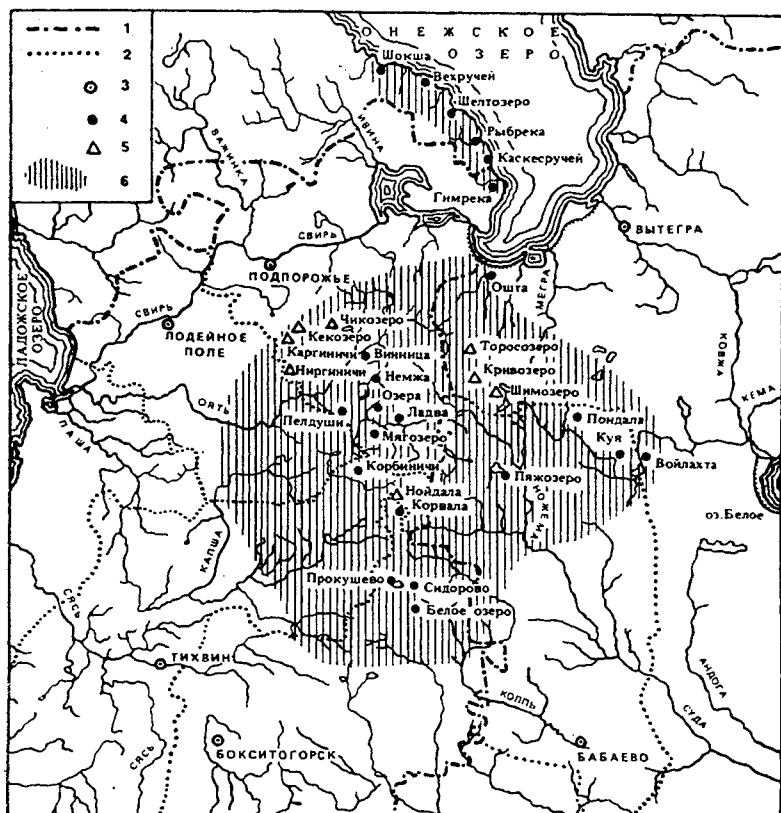

Рис. 1. Современная территория расселения вепсов

1 — границы республики и областей, 2 — границы районов, 3 — районные центры, 4 — наиболее крупные в прошлом вепские села, 5 — покинутые села, 6 — территория расселения вепсской народности

Ленинградской и Вологодской областей в последующие годы. На этнотерриториальную целостность народности наиболее разрушающее действие оказало вынужденное переселение в 1958—1959 гг. из мест исконного обитания значительной части вепсов, живших в Шимозерье (Вытегорский район Вологодской области). Занимая местности, наиболее близко расположенные к вепсскому Прионежью, шимозерские вепсы являлись также и связующим звеном между оятскими и куйско-пондальскими вепсами; последние после переселения вепсов из Шимозерья оказались полностью изолированными от остальных вепсов*.

* Подробнее об этом см. в ст. А. В. Петухова в наст. сб.

Шимозерские вепсы поселились в вепских селениях Прионья, южного Прионежья (Гимрека, Щелейки, Шустручей), в городах и поселках Посвирья (Подпорожье, Лодейное Поле, Вознесенье). В настоящее время значительная группа бывших шимозерцев проживает в с. Ошта Вытегорского района Вологодской области.

В Ленинградской области разрыв связей между отдельными группами вепских поселений произошел из-за многочисленных изменений районных границ, которые проводились без учета обитания здесь вепской народности. Существующая сейчас в области структура районного деления сложилась после очередной реорганизации в 1965 г. [2: 23]. Сельские советы с вепским населением оказались на стыке четырех районов. Последовавшее затем исчезновение многих окраинных вепских деревень, признанных перспективными, бездорожье, отсутствие межрайонного транспортного сообщения, привели к прекращению естественного общения между вепским населением разных районов внутри Ленинградской области.

Вепсов разделяют по диалектным особенностям речи. Выделяют три диалекта: северный, средний и южный. Носителями северного диалекта являются прионежские вепсы, среднего — оятские, шимозерские, белозерские, а остальные — южного. Существенных различий между диалектами мало и представители разных диалектов свободно общаются друг с другом. Названия диалектов носят чисто научное происхождение — сами вепсы их не знают.

В настоящее время вепсы во всех диалектных группах чаще всего называют себя *veps*, *vepsad**, но в каждой из них бытовало раньше и существует сейчас свое самоназвание. Так, северные вепсы называют себя *lūdikel*, *lūdikeled*, средние — *vepsläine*, *vepsläized*, за исключением проживающих в Ярославском сельском совете, где распространен этноним *lūdinik*, *lūdinikad*. Южные и незначительная часть соседних с ними средних вепсов име-

---

* Возникновение этнонима *vepsä* исследователи связывают с названием родового знака (тамги), наносимого на предметы и товары прибалтийско-финских племен, воспроизводящего по форме плавник рыбы. В некоторых диалектах саамского и других прибалтийско-финских языков слово *vepsi*, *vievse*, *vieps**, *vieps*, *viesve* переводится как плавник рыбы. Видимо, впоследствии оно стало обозначать и треугольную по форме тамгу. Позднее название знака, символизирующего принадлежность изделий и товаров прибалто-финнам, закрепилось как этноним *vepsä* за одним из прибалтийско-финских племен.

Допускают, что перевод древними германцами слова *vepsä* как *finne*, означающего плавник рыбы, дало, таким образом, название прибалтийско-финскому племени — финнам. Предполагают, что в некоторых диалектах саамского и прибалтийско-финских языков ту же самую треугольную по очертаниям тамгу переводили как *vakja*, *vadja* или *suta*, *čudde* и что от этих терминов произошли этнонимы двух остальных прибалтийско-финских племен *vakja*, *vadja* — воль, *suude*, *čudde* — чудь (о другой этимологии слова чудь см. прим. на с. 7) [53: 1674, 1703].

нуют себя *čuhar'*, *čuharid'*. Здесь также бытует и самоназвание *verpslainē*, *verpslāized*, иногда в форме *beṗs*, *beṗslāized*. Единое название народности «вепсы» повсеместно в сознании носителей вепсского языка и в официальной статистике утвердилось лишь на рубеже 20—30-х годов XX в., в период национально-государственного и языкового строительства*, полностью вытеснив существовавшее в прошлом официальное название вепсов «чудь»**. В бытовой русской речи вепсов называли также чухарями и кайванами***.

Представителями южного диалекта «чухарь» воспринимался как этноним, а остальными вепсами считался прозвищем. Название «кайван» рассматривалось всеми вепсами как пренебрежительно-уничтожительное.

Имеются и научные объяснения происхождения этих слов: квенами, каянами, кайванами русские Севера называли выходцев одной из областей Финляндии, известной как «Каянская земля» [6 : 56]. Пока не ясно, каким образом это название перешло и на вепсов. Все же отметим, что в Финляндии в районе Кайнуу встречаются топонимы *Vepsä* или производные от этого слова *Vepsänjoki*, *-jarvi*, *-kangas*, *-selkä*, *-lahti*, означающие в основном названия деревень и хуторов. Довольно распространена в Фин-

---

* З. П. Малиновская, исследовавшая вепсов Винницкой волости Лодейнопольского уезда в 1926—1927 гг., отмечала: «то, что чухаря известны как вепсы, никто из чухарей не знает» [24 : 167].

** Впервые в исторических источниках этноним *Thiudos* — чудь упоминается в VI в. (Иордан). Позднее о чуде стали говорить как о воинственном и сильном народе, населявшем огромные территории на северо-востоке Европы. Однако исследователи считают, что общим названием чудь обозначались несколько родственных прибалтийско-финских народов. По крайней мере, три из них — эстонцы, воль и вепсы — отождествляют себя с «чудью». Объяснение происхождения термина «чудь» спорно. Наиболее известной является гипотеза о германских и славянских истоках этого этнонима. Предполагается, что название или самоназвание германцев *thiud^hoo*, означавшее «народ, люди, свой народ, свои люди», славянами, их соседями, было воспринято как *'tjud'*. Позднее при контактах славян с прибалто-финнами они стали называть их так же, как и германцев. Происхождение названия «чудь» связывают и со славянским «штоудь», «штоуждь», что первоначально означало «великан», «исполин», затем было, видимо, переосмыслено как «чужой», «чужак». В русских диалектах слово «чюдь, чудь» употреблялось в смысле «чужой», но в дальнейшем по созвучию приобрело значение «чуждой», «чуждак» и даже получило негативный оттенок «дикий», «бестолковый» [3, 51].

*** Среди вепсов широко бытует объяснение этого названия от вепсского слова *kaivan* «копаю». С. А. Макарьев записал несколько легенд, рассказывающих о возникновении этого прозвища. Приведем наиболее характерный сюжет: «Когда строили Аничков мост в Петербурге и вепсы копали канаву, проходивший мимо Петр I сказал им: „Бог в помощь“. Те ответили: „Кайваме (копаям)“, не поняв обращение Петра по незнанию русского языка. Петр еще дважды повторил „бог в помощь“, на что все время получал в ответ „кайваме“. Наконец, рассердившись, сказал вепсам: „Будьте, вы, кайванами весь век“. Отсюда и пошло насмешливое название — прозвище „кайваны“» [21 : 31—32].

ляндии и известная по письменным источникам еще с середины XVI в. фамилия Vepsä, Vepsänen, Vepsäläinen [53:1702]. Этимологию слова čuhar' связывают с саамским čuhč или, возможно, с коми-зырянским t'suktsi, что означает птицу-глухаря [3:199].

Внешне вепсы мало отличаются от карел и окружающего их русского населения. Антропологи их относят к восточно-балтийскому типу беломорско-балтийской расы, выделяемой в рамках большой европеоидной расы. Признаки восточно-балтийского типа проявляются в виде легкого, едва различимого налета монголоидности. Белозерские вепсы, по мнению Г. Ф. Дебеца, являются самой светлопигментированной группой среди населения нашей страны, т. е. имеют в основном светлую окраску глаз и волос [10:143]. Эта черта, очевидно, отразилась в широко бытовавшем в русском фольклоре названии вепсов «чудь белоглазая».

Как полагают, вепсы являются потомками племени весь [16]. Первое упоминание о Vas, Vasina содержится в хронике Иордана и относится к VI веку н. э. [11:89, 150, 265, прим. 367]. К тому времени весь, видимо, уже обитала в Межозерье. Недавно обнаруженные на восточной окраине Межозерья в юго-западном Белозерье археологические памятники VI—XIII вв. отнесены к древневепским [5:14—17]. Веси — вепсам, по мнению большинства исследователей, принадлежит яркая и богатая культура Европейского Севера (погребальные памятники — курганы конца X — начала XIII в.)*.

Менее всего выяснена история веси до ее появления в Межозерье. Согласно наиболее распространенной гипотезе, основанной прежде всего на факте принадлежности вепского языка к прибалтийско-финской языковой группе финно-угорской семьи языков, сложение веси как отдельного племени связано все же с более западным регионом и, вероятно, происходило на территории Прибалтики, откуда весь продвинулась в Межозерье, ставшее с того времени коренной областью обитания веси — вепсов. Первоначальным населением здесь, скорее всего, была лопь (предки современных саамов), частично оттесненная пришельцами на север, а частично, видимо, растворившаяся среди вепского населения.

На рубеже I и II тысячелетий на эти земли начинают проникать славяне, и с тех пор исторические судьбы вепского и русского народов связаны неразрывно. С IX по XI в. весь неоднократно упоминается в русских летописях. Она предстает как данница и союзница Руси. Из летописных сообщений (участие в «призвании варягов», многочисленных военных походах) видно, что весь являлась крупной этнической группой, игравшей заметную роль в эпоху складывания единого древнерусского государства, которую знали и с которой считались современники [34:20—27]. Не

* См. ст. С. И. Кочуркиной в наст. сб.

удивительно, что о веси были наслышаны и зарубежные авторы X—XI вв. (Адам Бременский, Саксон Грамматик)*.

Социально-экономическому развитию веси способствовал тот факт, что поблизости от ее земель проходил торговый путь из варяг в греки. Да и сама весь вела оживленную торговлю, поставляя в основном меха в Волжскую Булгарию, являвшуюся посредником между Восточной Европой и Востоком, в частности Арабским Халифатом. От жителей Булгарии известия о веси попали в сочинения многих арабских писателей и путешественников**.

В дальнейшем весь как бы сходит с исторической сцены, письменные источники сведений о ней не содержат. Предполагают, что весь вместе с другими прибалтийскими народностями на страницах летописей стала выступать под именем чудь.

Заметное влияние весь — вепсы оказали на формирование карельского народа: их участие в этногенезе карел стало причиной возникновения диалектных различий между южно-карельскими (ливвиковским и людиковским) и собственно карельским диалектами. Это связано с усилившимся в XI—XII вв. взаимодействием отдельных групп веси и корелы на окраинах своих этнических территорий. Древние вепсы, заселившие земли севернее р. Свирь (Олонецкий перешеек), вступили в контакты с пришлой из Северного и Северо-Западного Приладожья частью корелы. Вепский субстрат весьма ощутим в речи карельского населения этих мест. Оба южно-карельских диалекта по всем основным чертам значительно ближе к языку вепсов, чем к собственно карельскому. В ливвиковском наречии обнаруживается меньше сходства с вепским языком, чем в людиковском. Финляндские лингвисты не решаются отнести людиковский диалект к диалектам карельского языка. Они считают его самостоятельным языком, в образовании которого на равных основаниях приняли участие вепский и карельский языки [4 : 89].

* Сообщение Саксона о Visinpus очень кратко, Адам Бременский пишет, что на Руси живут Wizzi (Виссы) и что они от рождения седовласы, в стране их много собак, которые и защищают ее от нападений.

Разумеется, к таким сообщениям нельзя относиться без критики. Но они, несомненно, отражают и реалии. Возможно, седовласость есть не что иное, как поразившая информантов А. Бременского светловолосость народа. Сведения о множестве собак в стране «Виссов» имеют оттенок достоверности, если учесть, что в быту древней веси пушная охота играла важную роль, а это, как правило, охота с собакой. См. об этом [34 : 27—28].

** Анализ многочисленных сведений восточных авторов о Visu (Вису) см. [34 : 29—32]. Приведем лишь наиболее полное замечание Абу-Хамида аль Гарнати: «Я видел группу их в Булгаре во время зимы — красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды, а на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобровое и белчице мясо и мед» [37 : 34—35].

Возможно, в XIV в. и позднее последняя волна вепских эмигрантов, шедшая в северном направлении, хлынула на юго-западное побережье Онежского озера, образовав здесь группу прионежских вепсов.

Древние вепсы осваивали местности и северо-восточнее Межозерья. Вероятно, отдельные группировки вепсов, пройдя значительные пространства, достигли бассейна р. Северной Двины. Предполагается, что их обитание здесь отражено в русских исторических источниках в сообщениях о заволочской чуди, а в скандинавских сагах они известны как легендарная Биармия (Bjarmaland, Beorotas)*. Наиболее восточные из этих групп, дошедшие до Удорского края, вошли в состав коми-зырян [43: 168—172]. Остальные растворились в потоке хлынувшей в эти районы славянской колонизации [34: 169—170].

Таким образом, этническая история вепсов была весьма сложной. Вепсы сталкивались со многими этносами, испытывали при этом различные воздействия и сами оказывали влияние на них и, несмотря на значительные «потери» в связи с миграциями и участием в этногенезе других народов, они сохранились как самостоятельная народность на своей территории. С ними в 1824 г. во время экспедиции встретился академик А. И. Шегрен. В неизвестном науке того времени народе он сразу же предположил потомков летописной веси. С тех пор финляндские ученые проявляют к вепсам большой интерес. Им принадлежат ранние описания быта и культуры вепсов, записи их фольклора. Особенно велики заслуги финляндских лингвистов в изучении вепского языка. Ему посвящают свои работы такие известные исследователи, как Э. Леннрот, А. Алквист, Э. Сетяля и др. Они образно называют вепский язык «северным санскритом», подчеркивая его научное значение как одного из самых древних прибалтийско-финских языков**.

В конце 70-х годов XIX в. появляются первые работы о вепсах русских краеведов и этнографов — В. Н. Майнова, Д. П. Никольского, Н. Подвысоцкого, Н. Ф. Лескова, А. И. Колмогорова и др. [15, 19, 20, 27, 35]. В оценке состояния этой народности финляндские и русские исследователи во многом сходятся: выражают общие сожаления по поводу утраты вепсами „былого величия” вепсов, потомки которой оказались загнанными в глухие дебри***, под-

* Этническая принадлежность заволочской чуди определяется по-разному [18].

** Подробнее об этом см. в ст. Н. Г. Зайцевой в наст. сб.

*** Такая кажущаяся «загнанность» вепсов могущественным соседом в глухие леса, отдаленные бездорожьем от крупных центров, видимо, объясняется тем, что вблизи крупных дорог и водных путей вепсы уже слились с русскими. Сегодня описания поездок дореволюционных исследователей стали письменными свидетельствами более широкого расселения вепсов в недавнем прошлом. Подробнее об этом см. в ст. М. Йоалайд в наст. сб.

черкивается архаичность и бедность их быта. Но в высказываниях русских исследователей более отчетливо выражена обреченность народности на неизбежное и быстрое обрусение. Процесс ассимиляции представлялся некоторым исследователям таким стремительным, что даже срок исчезновения вепсов был определен: «Пройдет два десятка лет и от стародавней веси останутся лишь намеки», — писал в 1877 г. В. Н. Майнов [20 : 143]. А по мнению А. И. Колмогорова, приступившего к их изучению в 1905 г., конец был уже близок: «Не за тридевять земель, а бок о бок со столицей... где шум, гремят витии... в беспросветной нужде и невежестве доживает свои последние дни целая народность» [15 : 114].

Как сейчас, спустя столетие, относиться к рассуждениям о беспросветной нужде и невежестве вепсов, мрачным предсказаниям об их судьбе? Они, несомненно, не могут быть отнесены ко всей народности в целом, поскольку эти исследователи посещали в основном южную часть вепсского региона. Полных сведений о численности и расселении народности до публикации материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не имелось. Ее данные показали, что вепсы (чудь) отнюдь не были на грани исчезновения. Численность их достигала 25,6 тыс. чел., из них 7,3 тыс. жили в Прионежье (Петрозаводский уезд Олонецкой губернии), а основная часть вепсов несколько южнее — от прионежских вепсов они были отделены населенной русскими Вознесенской волостью — в прилегающих районах Олонецкой (Лодейнопольский уезд) и Новгородской (Тихвинский и Белозерский уезды) губерний [31 : 68, 104—105; 32 : 42—43].

Разделение вепсских земель между Олонецкой и Новгородской губерниями сказалось на различиях в социально-экономическом и культурном развитии вепсов разных регионов. В период крепостного права вепсы Олонецкой губернии (прионежские, шимозерские, часть оятских) были государственными крестьянами, а остальные — помещичьими. В начале XVIII в. вепсы Петрозаводского уезда оказались приписанными к Олонецким (Петровским) металлургическим и оружейным заводам, а вепсы Лодейнопольского уезда — к Олонецкой судостроительной верфи [34 : 174—175]. Работа на заводах и строительстве втягивала вепсов Олонецкой губернии в экономическую и политическую жизнь края. Вепсы Шелтозерской и Шокшинской волостей поддерживали участников Кижского восстания 1769—1771 гг. [14 : 9, 52—54].

Вепсы, обитавшие в Новгородской губернии, долгое время вели замкнутый образ жизни, поэтому быт их был значительно архаичнее, чем у их более северных соплеменников: живущими «в деревянном веке» показались они финляндским ученым.

Этот район более столетия служил местом изучения «живой старины» как зарубежными, так и отечественными исследователями вепсской культуры. Здесь финляндским исследова-

телям Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянену в 1916 г. удалось встретить нескольких кантелистов [54] (рис. 2), хотя еще в 70-е годы XIX в. В. Н. Майнов писал, «что в настоящее время только один человек в Лодейнопольском уезде умеет делать кантелет и играть на нем» [20: 137—138].

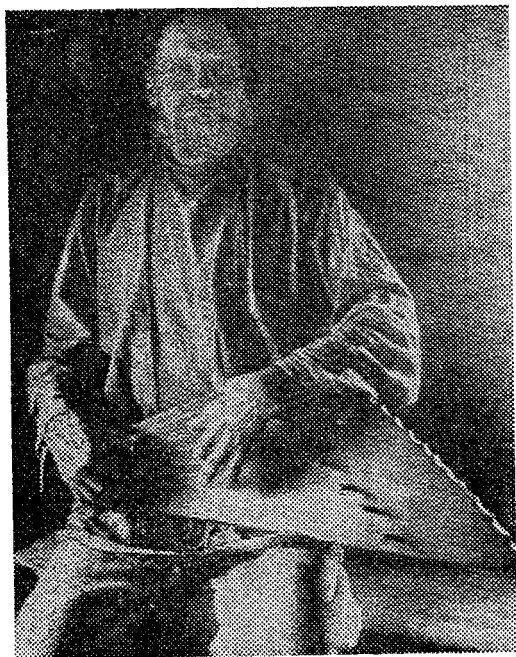

Рис. 2. Кантелист (Тихвинский уезд, Новгородская губерния). Фото А. О. Вайсянена, 1916 г. (Архив Национального музея г. Хельсинки. Коллекция 130:68)

До сих пор здесь встречаются дома с весьма оригинальным способом соединения в одну постройку двух изб — под прямым углом друг к другу (рис. 3). В финской этнографической литературе постройки с таким видом связи жилых помещений считаются очень редким и древним типом народного жилища в Финляндии и Швеции [45: 63]. Начиная со второй половины 60-х годов XX в. в южно-вепсских деревнях постоянно работают эстонские языковеды, фольклористы и этнографы, собравшие весьма ценный материал*.

Именно районы расселения южных и пограничных с ними средних вепсов обследовались и во второй половине XIX — начале XX в. отечественными учеными. Вероятно, пессимистический взгляд на будущее вепсского народа сложился у них под впечатлением исключительно трудных условий жизни крестьянства этих мест в пореформенный период**.

* Обзор их исследований см. [12, 49, 50, 52].

** После отмены крепостного права, как пишет А. И. Колмогоров, вепсам здесь «в первые годы жилось хорошо, земли было достаточно, да и господскую можно было при случае вспахать». Однако затем помещичьи земли стали скушать лесопромышленники и к ним отошло то, что вепсы привыкли считать своим. Несколько лет вепсы безрезультатно судом добивались своих прав. Так, они оказались «стиснутыми со всех сторон тесным кольцом частнособственнических земель, которые им не желают ни продавать, ни сдавать в аренду», лишенными права пользоваться в них лесами и озерами. «С тяжелым чувством я покинул Чухарию», — отмечает А. И. Колмогоров [15: 114].

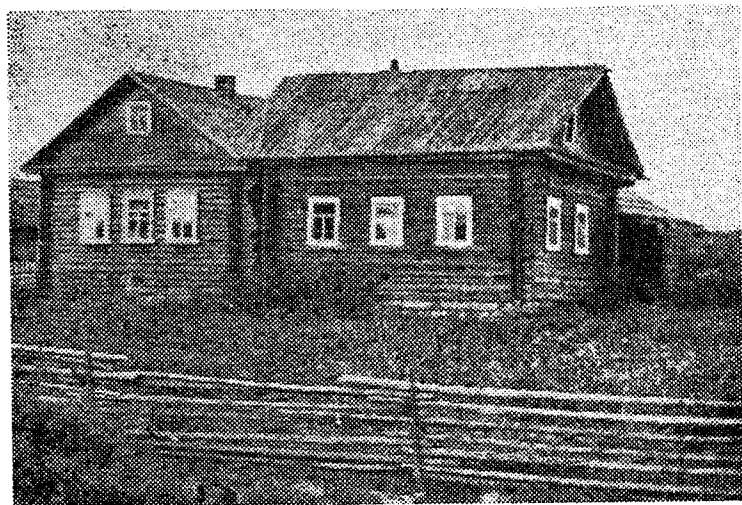

Рис. 3. Постройка с перпендикулярно расположенными друг к другу жилыми помещениями (д. Радогоща). Национальный музей Эстонской ССР, № ФК-1581 : 51 (1969 г.)

По переписи 1897 г. почти все вепское население составляли крестьяне, только 22 чел. относились к другим сословиям*. Основным занятием вепсов было земледелие, но низкое плодородие каменистых и заболоченных почв, неблагоприятные климатические условия не обеспечивали их существование только за его счет. В неурожайные годы вепсам приходилось покупать хлеб. Скотоводство играло второстепенную роль (ценилось в значительной степени как источник органических удобрений), хотя в некоторых местностях в конце XIX в. разведение племенного скота и отгонка его для продажи в Петербург давали населению этих деревень значительные доходы. Охота и рыболовство также имели вспомогательный характер, но и они приносили доход. Дичь и ценные сорта рыбы издавна вывозились для продажи на петербургские рынки. Особенно славились шимозерские охотники, недаром Шимозерье было местом охоты царской семьи [30 : 4].

Вепсы были известны в северном крае и как искусные ремесленники. До XVIII в. на местных рынках продержались изделия вепских мастеров, металлургов и кузнецов. В селениях средних вепсов изготавливались в основном железо и изделия из него. В некоторых вепских деревнях имелись весьма квалифицированные ремесленники, занимавшиеся изготовлением огнестрельного ору-

* Из них было 7 потомственных дворян, 5 лиц духовного звания, 3 почетных гражданина и 7 мещан [31 : 222—223; 32 : 136].

жия, так называемых «пищалей», «пищалей винтовых», а также орудий труда, предметов домашнего обихода, различных украшений из серебра [34 : 206]. Навыки кузнечного и ювелирного мастерства, как показывают археологические материалы, вепсы унаследовали от ремесленников веси. Также идущим из древности и сохранившимся до 30-х годов нашего века был гончарный промысел, центр которого находился на р. Оять в с. Надпорожье. Изготавливали в основном столовую посуду, ее не использовали для приготовления пищи. Промыслом занимались только мужчины в зимнее время года. Посуду формовали на гончарном круге, а мелкие поделки — игрушки, свистульки в форме фигурок животных и птиц — лепили дети, постигая таким образом мастерство. Рынок сбыта вепсской керамики был необычайно широк — она вывозилась во все северные губернии, в Петербург, Петрозаводск и даже в восточные районы Финляндии [33].

Несмотря на значительное развитие местных промыслов, потребность в денежных доходах, необходимых для уплаты податей (казенных сборов) и мирских сборов (для нужд общины), а также для покупки хлеба, постоянно росла. Поэтому все большее значение, особенно в последние десятилетия XIX в., в жизни вепсов приобретало отходничество — уход мужчин на сезонные работы. Большое распространение среди вепсов получили лесозаготовка и сплав, трудоемкая неквалифицированная работа по обслуживанию судоходства на р. Свирь — «бурлачество». Были развиты и мелкие промыслы: катовальный, кожевенно-овчинный, сапожный, бондарный и др. Каждая местность (общество, деревня) имела свою специализацию, были поделены между собой и районы заработка. Как показали исследования этнографов в 20-е годы XX в., широкое распространение промыслов и ремесел, участие в ярмарках, религиозных праздниках привело на рубеже XIX—XX вв. к сложению на значительной части вепсской территории экономических и культурных связей, несомненно, способствовавших формированию этнического единства народности. Географическая оторванность прионежских вепсов от остальных в то время не играла существенной роли, ибо весь вепсский регион был связан с центром разделяющей их волости, русским с. Вознесенем, торговыми отношениями [24 : 188—194].

Самую большую известность в Олонецкой губернии приобрели ремесленники-отходники из вепсского Прионежья. Они специализировались на камнеломно-камнетесном промысле. Большинство вепсских мастеров работали на строительстве Петербурга, где их умение использовалось с самого его основания. Особенно увеличилось число отходников в пореформенное время. Так, церковная летопись Шелтозерскобережного прихода в 1876 г. отмечает, что «жители преимущественно занимаются и снискивают себе пропитание занятием камнетесным и ходят в Петербург,

Кронштадт, на Шведские острова, где тешут камень, полируют, работают при крепостях, в доках, заводах и фабриках» [23 : 66]. По данным статистического бюро Олонецкого губернского земства, камнеломно-каменетесный промысел к началу XX в. становится одним из самых крупных в губернии по числу отходников. Сообщается, что занятые им «почти все выходят из одной Шелтозерскобережной волости Петрозаводского уезда. Мастера этого промысла в сказанной местности появились давно, еще во времена постройки Петербурга, и, несомненно, хорошо знают свое дело, так как легко находят себе заработок и притом сравнительно высокий» [17 : 77]. В Прионежье находится и месторождение уникального по своим художественно-декоративным свойствам мрамора — малинового кварцита, или, как его называли раньше, шокшинского порфира. Особенно активно оно стало разрабатываться с середины XIX в. Порфир использовали при отделке самых известных шедевров отечественной архитектуры: Казанского и Исаакиевского соборов, Зимнего дворца, храма Христа Спасителя и мн. др.* По просьбе французского правительства 27 монолитов из порфира были подарены Николаем I для создания саркофага Наполеону [48 : 130]. Им отделявали также каминные, изготовляли из него столешницы, чаши, вазы, подсвечники и т. п. Для продажи этих изделий в Петербурге был открыт специальный магазин.

Следует отметить, что знакомство вепсов-отходников со строительными традициями Петербурга весьма существенно сказалось на формировании своеобразной народной архитектуры в Прионежье. Здесь сложилась особая разновидность домостроительства, вписавшего, по мнению известного знатока народной культуры Севера В. Ополовникова, «одну из ярких, но и последних страниц истории традиционного зодчества, в котором умело сочетались переложенные в дерево, перенесенные из другого мира представления о красоте, богатстве и социальной справедливости» [29 : 105]. Дом И. И. Мелькина в с. Шелтозеро — один из наиболее ярких памятников того времени (рис. 4).

Подсобные промыслы в Прионежье и на других вепских территориях различались не только по сфере приложения труда и направленности отхода, но и по сезонной занятости работающих. Прионежские вепсы работали на местных каменных ломках и на строительстве в городах летом, тогда как остальные вепсы занимались подсобными занятиями (лесоразработками, катовальным, гончарным и другими ремеслами) зимой в свободное от поле-

---

* Свое исконное ремесло прионежские вепсы донесли до наших дней. Вепские мастера добывали и обрабатывали малиновый кварцит для облицовки Мавзолея В. И. Ленина, памятника Неизвестному солдату у стен Кремля, мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде и многих других сооружений [25 : 107—109].

Рис. 4. Дом Мелькиных в с. Шелтозеро. Будущий музей вепской культуры. Построен в начале XIX в.

вых работ время. У прионежских вепсов это привело к своеобразному разделению труда по полу, при котором летние сельскохозяйственные работы ложились преимущественно на плечи женщин*. Такие условия хозяйствования способствовали длительному, до конца 1920-х гг., сохранению в северо-вепской деревне большой неразделенной семьи, подчиненной авторитету большака (ižand) и большухи (emag).

Постоянный контакт прионежских отходников с городской культурой, овладение ими техническим мастерством определило

* Яркая характеристика этого явления дана в Олонецком Губернском вестнике от 30 июля 1909 г.: «По западному берегу Онежского озера есть селения (Шелтозеро, Рыбрека), где с ранней весны до поздней осени отсутствует почти все мужское население: оно уходит на камнетесные промыслы. Уход начинается с начала апреля и сопряжен с большими трудностями. Нужно отправиться в Эстляндию или Лифляндию, где есть надежда найти соответствующую работу, в Финляндию и, самое близкое, в Петербург... И начинается странная картина. Все полевые и домашние работы выполняются женским трудом. Женщина идет за сохой, она сеет, она ставит изгороди, она косит сено и мечет стога» [7: 13].

их более высокий культурный уровень по сравнению с вепским населением других мест. Это подтверждают данные о грамотности вепсов. В целом грамотные (по переписи 1897 г.) в Олонецкой губернии составляли у русских крестьян 22,0%, у вепсов 13,7%, однако имелись существенные различия по числу грамотных как у вепсов, так и у русских (мужчин и женщин), а среди вепсов — между прионежскими (18,4%) и остальными (10,2%)*. Так, грамотных вепсянок было немного — 2,5%, примерно в три раза меньше, чем среди русских крестьянок. Иначе было у мужчин. Здесь самый высокий процент грамотных был у прионежских вепсов — 35,5 (у русских — 34,9, у остальных вепсов Олонецкой губернии — 19,0). Значительно меньше грамотных было среди вепсов Новгородской губернии — 7,9% (у мужчин — 14,5, у женщин — только 1,6%). Среди русских крестьян этой губернии доля грамотных была чуть ниже, чем в Олонецкой губернии, — 20%, причем у мужчин — 33,5%, а у женщин — 7,9%.

Данные о грамотности вепсов отражают и уровень знания в то время вепсами русского языка. Часть вепсов, и, очевидно, не меньшая, владела и устным русским языком, поэтому масштабы вепско-русского двуязычия, особенно среди мужчин, были весьма значительны. Возможно, именно знание многими из них русского языка воспринималось отечественными исследователями В. Н. Майновым и А. И. Колмогоровым как предпосылка неизбежного перехода вепсов на русский язык, ведущая к полному и скорому обрусению народности. Причины обрусения казались очевидными: жившие в русском окружении и связанные с ним тесными экономическими и торговыми отношениями, исповедовавшие одну религию — православие, вепсы были вынуждены знать русский язык. «Топор и невод, лесопромышленник и рыбопромышленник — вот орудия и деятели обрусения на красивой и исконно чудской реке Ояти», — писал В. Н. Майнов [20 : 143]. Отмечали, что «на это особенно влияет школа, где подрастающее поколение приучается говорить по-русски, а взрослое население знакомится с русской речью при отхожих промыслах в силу необходимости» [28 : 26]. Хотя процессы обрусения среди вепсов и были заметными, но все же, судя по источникам, они происходили в основном в зоне этнического порубежья, где контакты с русским населением приводили к смешанным бракам**. Быстро ассимилировались и отдельные группы вепсов, оказавшиеся в изоляции. Одну из таких

* В то время в Российской империи доля грамотных среди православного населения уездов была 18,99%, в городах — 46,43%.

** Как показали исследования, проведенные в 20-х годах XX в. З. П. Малиновской в самом центре вепского региона, круг брачных связей вепсов был раньше чрезвычайно узок — браки заключались в своих обществах, т. е. в радиусе от 3 до 6 км, и выходы за его пределы были крайне редки [24 : 196—198]. Между тем в пограничных деревнях встречались и смешанные браки [42 : 160—162].

групп посетил в 1842 г. Э. Леннрот. Анализируя причины обрусения, он отмечает важнейшую из них — перепад этнической престижности между вепским и русским языками. Э. Леннрот считал, что к забвению вепсами родного языка ведет не столько знание ими русского языка, хотя и вызываемое необходимостью общения с соседями, сколько мнение, «что чужой язык лучше родного, и от него большая польза, а от вепского никакой... и там, где обстоятельства способствуют такому отношению к родному языку, преобладание другого над ним достигается успешней, чем с помощью любых школ с их знатоками языков и грамматик, поскольку им все же редко удается добиться того, чтобы человек забыл родной язык или стал относиться к нему с неприязнью». Также ускоряют его исчезновение, писал он, отсутствие письменности и официального использования языка [38 : 292—294].

Все же в предреволюционные годы в национально-культурном развитии вепской народности ощущался подъем. Известно, что в 1911 г. крестьянин-вепс Г. Елькин из с. Ярославичи написал пьесу на вепском языке, состоялось несколько ее представлений, но по политическим мотивам дальнейшие ее постановки были запрещены [8 : 3]. В 1913 г. появился первый чудско-русский словарь, подготовленный учителем П. Успенским [46].

После революции, как писал этнограф С. А. Макарьев, вепс по национальности, все, что было здорового в вепском народе, тянулось к свету, знаниям. Это стремление поддержала молодая Советская власть. Стали повсеместно открываться школы, улучшалось торговое и медицинское обслуживание, появились новые учреждения культуры: избы-читальни, красные уголки, разворачивали деятельность комитеты крестьянской общественной взаимопомощи, кооперативы [22 : 39—41]. Но «буйный октябрьский порыв», судя по работам этнографов, в большей степени затронул северных и средних вепсов. В. И. Равдоникас, изучавший южных вепсов в начале 20-х годов, отмечает нерешенность многих проблем в организации образования, здравоохранения, кооперации, в культурно-просветительной работе [39 : 259]. Тем не менее перемены были заметными, и об этом красноречиво свидетельствует резкий рост численности вепского народа, повышение грамотности. В 1926 г. вепсов насчитывалось уже 32773 чел. Это почти полностью сельское население, доля горожан среди них была менее процента. По сравнению с 1897 г. более чем в 3 раза возросла у вепсов доля грамотных (35,7%), но преобладание среди грамотных мужчин над женщинами (50,1 и 23,1%) сохранялось. Среди прионежских вепсов грамотных было больше (61,2 и 25,7%), чем среди остальных групп (46,2 и 22,0%) [9 : 109, 114, 117, 133, 135].

На рубеже 20—30-х годов начинается период национально-государственного и языкового строительства. Вепсы были включе-

ны в состав национальных меньшинств РСФСР, и работа по культурному и хозяйственному развитию народности находилась под контролем Отдела национальностей ВЦИК и Госплана РСФСР [41: 25—26]. Однако к тому времени земли вепсов были уже разделены административно. Вепское Прионежье, кроме нескольких деревень его южной части — Гимрека, Шустручей, Щелейки и др., в 1924 г. было присоединено к Карельской АССР [36: 34], а остальная вепская территория с 1927 г. вошла в состав Ленинградской области [2: 10]. Это, видимо, и послужило основным препятствием для создания единой вепской автономии, хотя практически все было осуществимо. По данным переписи 1926 г., вепское население проживало в десяти соседних волостях, три из которых (Шелтозерскобережная, Пелдушская, Шимозерская) населяли в основном вепсы (рис. 5). На основе этих трех волостей стали создаваться национальные районы. В 1927 г. в Карельской АССР был образован Шелтозерский национальный район [36: 38], в Ленинградской области — Винницкий район, из его 11 сельских советов национальными считались девять: Винницкий, Каргинский, Мягозерский, Озерской, Сарозерский, Ярослав-

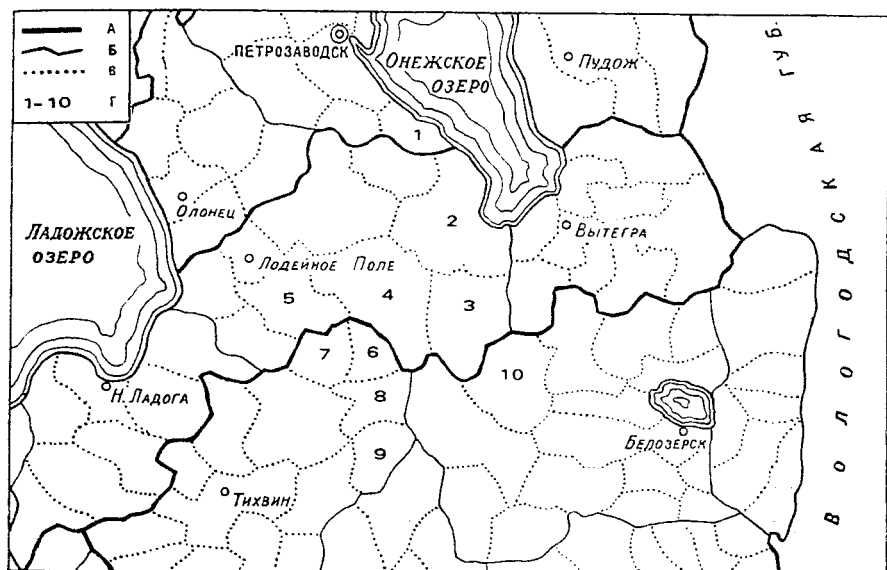

Рис. 5. Расселение вепсов на 01.01.1926 г.

Границы: А — губерний, Б — уездов, В — волостей; Г — волости с вепским населением. Петрозаводский уезд Карельской АССР: 1 — Шелтозерскобережная волость (95,6%); Лодейнопольский уезд Ленинградской губернии: 2 — Вознесенская волость (3,5%), 3 — Шимозерская волость (95,8%), 4 — Винницкая волость (48,5%), 5 — Шапшинская волость (44,5%); Тихвинский уезд Череповецкой губернии: 6 — Пелдушская волость (87,8%), 7 — Красноборская волость (10,9%), 8 — Лукинская волость (18,3%), 9 — Борисовщинская волость (66,5%); Белозерский уезд Череповецкой губернии: 10 — Тимошинская волость (27,5%)

лавский, Ладвинский, Немжинский, Пелдушский. Вепские поселения в соседних районах были выделены в 15 национальных сельских советов* (рис. 6). И только два сельских совета с вепс-

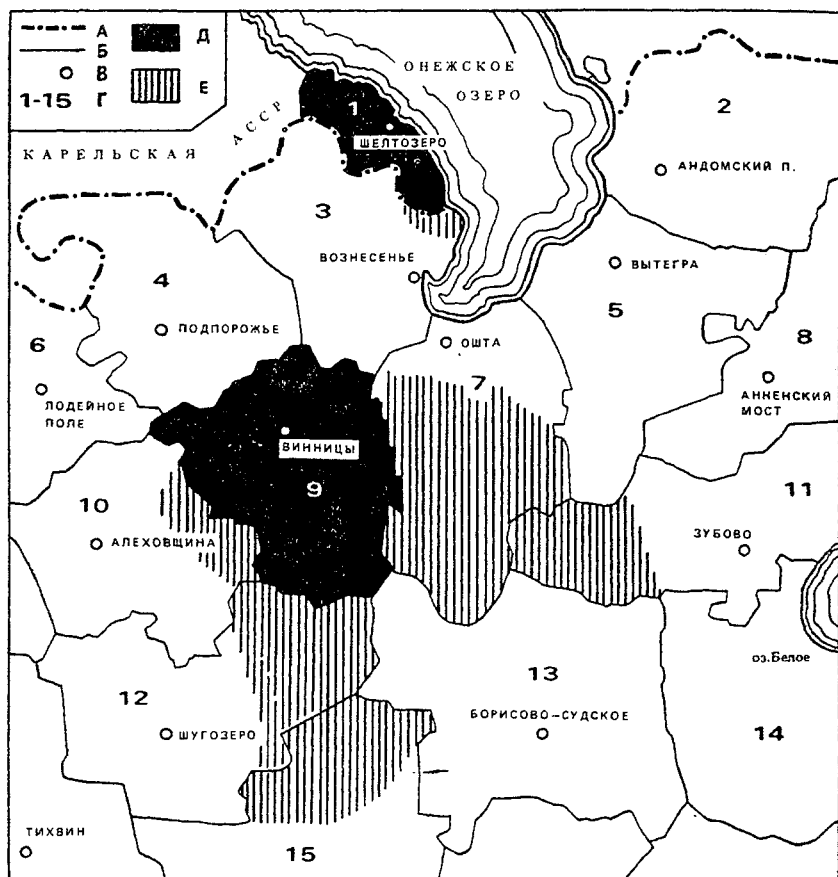

Рис. 6. Расселение вепсов на 01.01.1931 г.

А — границы Карельской АССР и Ленинградской области, Б — границы районов, В — центры районов, Г — названия районов, Д — вепские национальные районы, Е — территория вепских национальных сельских советов. Районы: 1 — Шелтозерский, 2 — Андомский, 3 — Вознесенский, 4 — Подпорожский, 5 — Вытегорский, 6 — Лодейнополюский, 7 — Оштинский, 8 — Ковжинский, 9 — Винницкий, 10 — Оятский, 11 — Шольский, 12 — Капшинский, 13 — Борисово-Судский, 14 — Белозерский, 15 — Ефимовский

* Из них 4 в Ефимовском районе (Прокушевский, Радогощинский, Сидоровский, Пожарищенский), 2 в Оятском (Вонозерский, Надпорожский), 2 в Шольском (Куйский, Пондальский) и 7 в Оштинском (Кривозерский, Нажмозерский, Пелкаский, Пяозерский, Сяргозерский, Торозерский, Шимозерский). На основе вепских сельских советов Шольского и Оштинского районов планировалось создание еще одного национального района — Шимозерского.

ским населением в Капшинском районе — Алексеевский и Корвальский не имели статуса национальных [1: 16, 25, 27—28, 55, 86—90].

Руководству Карельской АССР и Ленинградской области не удалось выработать по отношению к вепсам единой языковой политики. С момента образования Шелтозерского района в Карельской АССР в нем сразу же попытались ввести обучение вепских детей на финском языке, хотя, как признавал секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г. Ровио, «вепсы его вообще не понимали ... и поэтому заняли отрицательное отношение к финскому языку». Но после двухлетнего сопротивления все же руководству республики удалось ввести обучение вепских детей на финском языке [40: 19].

В Ленинграде в 1931 г. была создана вепсская письменность, и со следующего года в вепских селах преподавание в начальных школах стало проводиться на родном языке [26: 105—107]. В области активно шла подготовка национальных кадров: в Лодейнопольском педагогическом техникуме было открыто вепское отделение, в областной совпартшколе национальных меньшинств готовились кадры из числа вепсов для работы в местных органах власти. По сообщению С. В. Рогалева, бывшего слушателя школы (в прошлом жителя д. Радогоща), к ним на занятия приходил С. М. Киров. Осенью 1937 г. по требованию общественности и самих вепсов обучение в Шелтозерском районе Карельской АССР было переведено на вепский язык.

В конце 1937 г. вся деятельность по национальному развитию вепской народности резко прекращается. Часть вепской интеллигенции, видные партийные и советские работники вепской национальности, некоторые из авторов вепских учебников были репрессированы. Обучение в школах было переведено на русский язык, учебная литература на вепском языке изъята. С тех пор вепский язык бытует только в устной речи. Вепские сельсоветы в Оштинском и Шольском районах с почти восьмидесятичным населением вошли в состав вновь образованной Вологодской области [2: 15]. Так в конце 1937 г. этническая территория вепсов оказалась на стыке двух областей и республики. Винницкий национальный район и сельские советы утрачивают статус национальных. Даже районная газета «Вепсская правда» переименовывается в «Винницкую правду».

С 1938 г. дальнейшие действия властей Ленинградской и Вологодской областей прямо направлены на ускорение ассимиляции вепской народности. В этих областях при получении документов, удостоверяющих личность, вепсов стремились записывать русскими. При проведении переписей 1970 и 1979 гг. счетчики, согласно «установке» руководства, всех вепсов фиксировали как русских. Работникам сельсоветов, счетчикам и вепскому населению

объявили, что вепской национальности нет в официальном списке*. На этом же основании при смене паспортов в конце 70-х — начале 80-х годов многим вепсам поменяли национальность и в паспортах. Статистика отразила последствия искажений ленинской национальной политики. Численность вепсов за последние 60 лет сократилась с 32,8 тыс. чел. в 1926 г. до 8,1 тыс. чел. к 1979 г., из них 5,9 тыс. вепсов значились как жители Карелии [47 : 73, 75]. В Ленинградской и Вологодской областях вепсы, судя по официальным данным, «исчезли» из мест своего исконного проживания уже к 1970 г. [13 : 98—99], однако, по материалам специального исследования в 1981—1983 гг. Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, их там проживало от 4,0 до 4,5 тыс. человек**.

В Карельской АССР ситуация была иной. Национальный Шелтозерский район был упразднен позднее (1956 г.), но вепсам как коренному населению республики уделялось внимание со стороны партийных и государственных органов. После упразднения национального района и здесь началась убыль вепского населения (с 7,2 тыс. чел. в 1959 г. до 5,9 тыс. к 1979 г.). Из них большинство (62,1%) составляют горожане. Сельское вепское население в Карельской АССР с 1926 г. сократилось в 4 раза (с 8,4 до 2,2 тыс. чел.). Однако вепское Прионежье уже с начала 30-х годов стало заселяться прибывающими в Карелию по организованному набору переселенцами с других районов страны. При образовании Шелтозерского национального района он был почти полностью однонациональным. По переписи 1933 г. вепсы здесь составляли 80% [36 : 72], сейчас же на этой территории они составляют всего половину населения. В двух вепских сельских советах (Шокшинском и Шелтозерском) вепсы уже оказались в меньшинстве. Это ведет к быстрой естественной ассимиляции прионежских вепсов, к переходу их и в быту на русский язык.

Ассимиляцию вепсов в Ленинградской и Вологодской областях сильно ускорило сселение так называемых неперспективных деревень. К сожалению, поселения, признанные перспективными, зачастую таковыми не являлись, ибо не могли обеспечить переселенцев даже жильем, поэтому основной поток вепсов устремился в города. В целом в Ленинградской области сельское вепское население сократилось за последние 50 лет примерно в 4 раза, а в Вологодской — почти в 10 раз. Мигранты, как правило, молодежь и лица трудоспособного возраста с «русскими» паспортами, вступая в межнациональные браки, быстро подвергаются естест-

---

* В словаре национальностей и языков (списке всех живущих в стране народов и их языков), который обычно составляется перед проведением переписи, вепсы указаны под кодом 72 [44 : 7,23].

** Подробнее об этом см. в ст. З. И. Строгальщиковой в наст. сб.

венной ассимиляции. Миграция вепсов в города стала в полном смысле слова безвозвратной для народности. Она сильно деформировала и половозрастную структуру вепского сельского населения, сейчас в вепских деревнях лица пенсионного возраста составляют почти треть населения. Существует диспропорция между женским и мужским населением не только в пожилых и старых возрастах, но и среди молодежи (16—29 лет) и даже групп более зрелого возраста (до 40 лет).

Высокая доля пожилых и старых людей определила и очень низкий в целом уровень образования у вепсов, живущих в сельской местности. Сейчас вепская сельская интеллигенция (в основном учителя) очень малочисленна.

Политика ускорения ассимиляции, особенно безразличие к развитию вепского языка и объявление вепсов несуществующими в официальной статистике самым негативным образом отразились на национальном «самочувствии» народности. Здесь определяющей является оценка языковой ситуации, поскольку при смене языка вепсы обычно начинают считать себя русскими.

По данным обследования 1983 г., вепсы хорошо владеют своим и русским языком, но все же более половины считают, что вепский язык они знают лучше. Около 70% вепсов признают свой язык родным, но эти показатели тесно связаны с возрастом. Молодежь, по ее мнению, лучше знает русский язык, нежели вепский, поэтому среди нее примерно половина уже считает родным русский язык, треть — вепский, а остальные — либо оба языка, либо затрудняются сделать выбор. В молодых семьях начался переход на общение с детьми по-русски, что ведет к постепенной утрате вепского языка. Весьма сложными оказались причины отхода молодежи от своего языка. Его определяет в основном убеждение, что хорошее знание русского языка необходимо для участия в культурной и экономической жизни страны и является показателем культурного уровня личности. Но это вполне понятное стремление к знанию русского языка при полном невнимании государственных органов к судьбе вепского языка привело и самих вепсов к осознанию его «ненужности», вызвав у части народа пренебрежение к нему и даже нежелание учить своих детей вепскому языку в семье.

Однако перспектива отмирания вепского языка неодинаково воспринимается разными группами вепского населения. Так, большинство лиц старшего поколения, хорошо владеющее своим языком, относится довольно равнодушно к его судьбе, полагая, что молодежи он не нужен. Но значительная часть молодежи, которая хуже знает свой язык, смотрит на это иначе: она обеспокоена его утратой и считает необходимым ввести изучение вепского языка в школе. Если требование молодежи будет поддержано государственными органами и будут приняты срочные

меры к расширению общественных функций вепсского языка, то это может оказать влияние на ход языковых процессов и способствовать оживлению национального развития вепсской народности.

Большой урон национальному достоинству и самосознанию вепсов нанесла практика записи вепсов русскими по национальности, которая ставила под сомнение «полноценность» народности. И все же для большинства вепсов, живущих на своей этнической территории, признание их принадлежности к вепсской народности пока естественно. Оставаться вепсом или стать русским — этот выбор делает молодежь, покидающая села. По свидетельству работников сельсоветов, большинство молодых людей, выезжая из сел, не противились записи их русскими, а некоторые даже настаивали на этом. Чем же объясняет вепское население стремление молодежи выдавать себя за русских? Половина вепсов видит причину отхода молодежи от своей национальности в плохом знании ими вепсского языка, часть объясняет это русским окружением и распространением смешанных браков. Но многие (38,4%) полагают, что это вызвано отношением к национальности как со стороны внешней среды, так и со стороны самой молодежи, о чем свидетельствуют такие ответы: «русскими быть приятнее», «вепскую национальность не любят, не уважают», а «сами вепсы ее стесняются, стыдятся». Таким образом, утрата вепсского языка, этническая ассимиляция происходят не только в процессе смешанных браков, но и из-за непрестижности вепсского языка и вепсской национальности. Поэтому выход из тупика, в котором оказалась вепсская народность в результате нарушения принципов ленинской национальной политики, должен быть найден с учетом современного социально-экономического, демографического и этнопсихологического ее состояния. В основу возрождения народности должна быть положена научно разработанная программа ее развития, опирающаяся на восстановление автономии, воссоздание письменности, введение в школах преподавания вепсского языка, истории и культуры народа. Это поднимет национальное самосознание и престиж вепсской народности, обеспечит гарантированное Конституцией СССР право пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, даст импульс развитию национальной культуры.

Национально-административное переустройство должно быть подкреплено комплексом конкретных мероприятий: дорожным строительством, поднятием экономики края, повышением жизненного уровня населения, развитием сферы обслуживания.

Создание автономии, учитывая административную разобщенность, отсутствие дорожной связи между отдельными группами вепсского населения, должно осуществляться поэтапно, начиная

с выделения небольших национальных районов и сельских советов с перспективой их последующего объединения в национальный округ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1931.
2. Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973. 302 с.
3. Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь)//Этнонимы. М., 1970. С. 194—203.
4. Баранцев А. П. К вопросу о происхождении южно-карельских диалектов//Происхождение Карелии: Доклады семинара. 30.6—2.7.1976 г., Университет Йоэнсуу, 1976. С. 85—100.
5. Башенькин А. И. Юго-Западное Белозерье во второй половине I — начале II тысячелетий н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1986. 17 с.
6. Бернштам Т. В. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. 175 с.
7. Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 12.
8. Власов Г. Вепские сказки. Петрозаводск, 1941.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. Северный район, Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928.
10. Дебец Г. Ф. Вепсы//Учен. зап. МГУ. 1941. Вып. 63. Антропология. С. 139—173.
11. Иордан. О происхождении и деяниях готы. Getica. М., 1960.
12. Йоалайд М. О собирании и изучении вепского фольклора//К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 122—132.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Национальный состав СССР. 1973. Т. IV. С. 648.
14. Кижское восстание (1769—1771). Документы. Петрозаводск, 1977. 127 с.
15. Колмогоров А. И. Поездка по Чухарии//Землеведение. 1906. № 3, 4. С. 93—114.
16. Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X—начала XIII в. Петрозаводск, 1985. 223 с.
17. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. 656 с.
18. Лашук Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная//Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208—216.
19. Лесков Н. Ф. Отчет о поездке в Чудской край (Олонецкой губернии Лодейнополюского уезда) в 1894 г.//Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 1—13.
20. Майнов В. Н. Приютская чудь (весь — вепсы)//Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 2. № 5. С. 38—53; № 6. С. 133—143.
21. Макарьев С. А. Вепский фольклор. Архив Карельского филиала Академии наук СССР. Ф. 26, оп. 1, ед. хр. 15.
22. Макарьев С. А. Вепсы: этнографический очерк//Карело-Мурманский край. 1929. № 1. С. 6—10; № 2. С. 31—32; № 11—12. С. 38—42.
23. Макарьев С. А. У прионежских вепсов. Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1927. № 4—6. С. 50—74.
24. Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов//Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 163—206.
25. Мальц Ю. М. Прионежье. Петрозаводск, 1981.
26. Муллонен М. И. Вепская письменность//Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105—109.
27. Никольский Д. П. Кайваны или чухари//Живая старина. СПб., 1895. Вып. 1. С. 14—16.

28. Обзор Олонецкой губернии за 1906 г. Петрозаводск, 1907.
29. Ополовников В. Русское деревянное зодчество. М., 1983.
30. Отчет о деятельности Олонецкого губернского статистического комитета за десятилетие (1875—1884 г.)//Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. Отдел III. С. 4.
31. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVI. Новгородская губерния, тетрадь 2. СПб., 1903.
32. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVII. Олонецкая губерния, тетрадь 3. СПб., 1904.
33. Пименов В. В. Бытовая и художественная керамика вепсов//Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 155—163.
34. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 264 с.
35. Подвысоцкий Н. Кайваны//Естествознание и география. СПб., 1899. № 1. С. 51—62.
36. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
37. Путешествие Абу-Хамида аль Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.
38. Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828—1842. Петрозаводск, 1985. 319 с.
39. Равдоникас В. И. Чухари//Тихвинский край. Краеведческий сборник по Тихвинскому уезду. Тихвин, 1926. С. 242—261.
40. Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АК ССР//Карело-Мурманский край. 1931. № 1—2. С. 16—21.
41. Родневич Б. Задачи учета и планирования в осуществлении ленинской национальной политики//Революция и национальность. 1931, № 6.
42. Розов Н. С. Население дер. Шокшозеро (Ленинградская область Винницкий район)//Изв. Государственного географического общества. 1931. Т. XIII. Вып. 2—3.
43. Савельева Э. А. Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. М., 1971. 222 с.
44. Словари национальностей и языков для шифровки ответов на 7 и 8 вопросы (о национальности, родном языке и др. языках народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1978.
45. Строгальщикова З. И. Традиционное жилище Межозерья. 1900—1960 гг. Опыт сравнительно-статистического анализа. Л., 1986. 106 с.
46. Успенский П. Чудско-русский словарь. СПб., 1913.
47. Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984.
48. Шокшинский порфир в Париже. Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики, этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4.
49. Joalaid M. Vepsä rahvaluule kogumisest Eestis//Läänemere soomlaste etnokultuuri küsimusi. Tallinn, 1982. S. 8—12.
50. Kährik A. Vepsa keel lingvistide huviobjektina//Ibid. S. 13—17.
51. Ligi P. Tšuudit ajalookirjandus//Keel ja Kirjandus. Tallinn, 1980. No 10. S. 610—616.
52. Peterson A. Vepslaste materiaalse kultuuri kogumisest ja uurimisest//Läänemere soomlaste etnokultuuri küsimusi. Tallinn, 1982. S. 5—7.
53. Suomen kielen etymologinen sanakirja//Lexica societatis Fenno-ugri 2. Helsinki, 1970. T. 1; 1975. T. 5; 1978. T. 6.
54. Väisänen A. O. Vepsäläinen kantele. Eripainos Kalevalaseuran vuosikirjasta 14. 1934.

ОБ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ВЕПСКОЙ НАРОДНОСТИ

Вепсы — немногочисленная прибалтийско-финская по языку народность, проживающая в основном в пограничных районах Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей.

Они не имеют никакой формы государственного устройства, хотя и являются исконным населением на этих территориях. Лишь в КАССР вепсы наряду с карелами и финнами с момента присоединения (1924 г.) большей части вепсской территории Прионежья получили статус «националов», что давало им определенные льготы и преимущества в получении образования, при выдвижении на руководящие должности и пр. Здесь национальное и культурное развитие вепсов в определенной мере регулировалось сознательно, тогда как в Ленинградской и Вологодской областях эти процессы с конца 30-х годов происходили стихийно, что сильно осложняло положение вепсов в указанных районах. И надо признать, что в настоящее время из-за территориальной разобщенности и различий в социально-экономическом развитии разные группы вепсов не составляют демографически целого и однородного этноса. Это показывают материалы Всесоюзных переписей населения и специальные исследования.

Динамика численности вепсов по данным переписей

Прежде всего следует подчеркнуть, что материалы Всесоюзных переписей свидетельствуют об убыли вепсского населения (табл. 1). В период с 1939 по 1979 г. у вепсов отмечается самая интенсивная (по сравнению с другими народами СССР) убыль. При этом нет никаких оснований считать естественный рост вепсского населения ниже, чем у их русских соседей*, поэтому в специальной литературе резкое сокращение численности вепсов в Ленинградской и Вологодской областях объясняли активно идущим процессом их этнической ассимиляции. Но интенсивность ассимиляции была неравномерной. Так, в период с 1926 по 1939 г. численность вепсов сократилась незначительно (3,4%), причем сокращение происходило лишь в Ленинградской и Вологодской областях. В Карелии, напротив, наблюдался даже рост вепсского

---

* По материалам обследования вепсского сельского населения, в 1983 г. среднее число детей, рожденных одной женщиной, было 2,394, тогда как по РСФСР, по переписи 1979 г., — 2,038.

населения (на 9,5%). В дальнейшем численность вепского населения за два межпереписных периода сокращалась примерно наполовину. Убыль населения с 1939 по 1959 г. в известной мере обусловлена потерями во время Великой Отечественной войны, последствия которой пагубно сказались на численности и воспроизводстве малой народности. Тревожная и в дальнейшем демографическая ситуация была вызвана этнической ассимиляцией, действующей очень активно на фоне миграции по направлению «село — город», где одним из основных факторов являлась национально-смешанная брачность*.

По данным переписи, за последние 60 лет произошли весьма существенные изменения в соотношении городского и сельского вепского населения. Если по переписи 1926 г. вепсы-горожане составляли менее одного процента, то в 1979 г. — 55,5. В целом доля городского населения среди вепсов увеличилась в 17,7 раза, причем в Карелии этот рост оказался в 10 раз выше, чем в Ленинградской и Вологодской областях. Понятно, что вепское городское население формировалось как в прошлом, так и сейчас за счет миграции сельских жителей в города.

Весьма существенные сдвиги, согласно данным переписи (насколько они отвечают реальному положению, см. дальше), произошли также в территориальном размещении вепсов. По материалам переписи 1926 г., большая часть вепсов проживала на территории Ленинградской и Вологодской областей (73,8%), по данным же переписи 1979 г., примерно такая же доля вепсов зафиксирована в Карелии (72,4%), а в местах исконного обитания — селах Ленинградской области — неизвестна (сведения не были опубликованы). Причем очень резкое сокращение здесь вепского населения произошло в период между переписями 1959 и 1970 гг. (численность в 1970 г. составила всего 4,5% от численности 1959 г.). Эта интенсивная убыль вепского населения в местах их традиционного обитания объясняется несоответствием данных переписей реальному расселению и численности вепсов. В 1981 г. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР под руководством автора был собран полевой материал по расселению и социально-демографической характеристике вепсов в Ленинградской и Вологодской областях. Источником явились данные похозяйственных книг и информация работников сельсоветов. Были собраны сведения о 4860 жителях, которые в местной среде считались вепсами (независимо от записи национальности в паспортах или похозяйственных книгах). Эти данные явились основой для определения выборки при

---

* По данным 1983 г., среди опрошенных в смешанных браках находилось 24,9%, среди их родителей только 9,6, а среди их детей уже 87,3%. Более половины последних (55,5%) проживают вне этнической территории вепсов.

проведении в 1983 г. массового обследования вепсского сельского населения по специально разработанному «Этнографическому вопроснику». При опросе свою принадлежность к вепсской национальности подтвердили 92% опрошенных, 6% отнесли себя к русским (причем у половины из них один из родителей был русским) и 2% не смогли сделать выбор между вепсской и русской национальностью. Следовательно, столь резкое сокращение численности вепсского населения в Ленинградской и Вологодской областях не соответствует действительности и вызвано тем, что при проведении переписей 1970 и 1979 гг. не соблюдалась инструкция о записи национальной принадлежности по самоопределению переписываемого. В дальнейшем и в похозяйственных книгах население прежде вепсских сел было записано русским. Работники сельсоветов, изменившие национальность жителей целых сельских советов, исходили, по их словам, из распоряжений вышестоящих органов на том основании, что национальности «вепс» нет в списке национальностей*. На этом же основании меняли национальность вепсам и в паспортах**.

Учитывая результаты исследования, необходимо увеличить численность вепсского сельского населения не менее чем на 4,5—5 тыс. чел. Таким образом, в 1981 г. в РСФСР вепсов было примерно 12,5 тысячи, а в СССР — 13 тысяч. Эти данные позволяют снизить убыль вепсов с 1959 г. по 1981 г. более чем вдвое (с 49,4 до 20,6%), хотя и этот показатель остается очень высоким.

Расселение, численность и доля вепсского населения по сельским советам

Разделение территории проживания народности между тремя административными регионами — Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областями (см. рис. 1 на с. 5) крайне неблагоприятно сказалось на этническом развитии вепсов. Но и в пределах указанных территорий границы районов устанавливались без учета обитания здесь вепсов. В Ленинградской области мест-

---

* Отметим, что в словаре национальностей и языков (списке всех живущих в стране народов и их языков), который обычно составляется перед проведением переписи, вепсы указаны.

** Так, по материалам исследования 1983 г., русскую национальность по паспорту имели в Карелии всего 2,8%, а в Ленинградской и Вологодской областях 63,5% опрошенных. Из них на вопрос: «Почему Вы указали эту национальность?» — ответили «Так записали» в Карелии 2,3% и в Ленинградской и Вологодской областях 54,1%. В той и другой группе были лица, которые затруднялись указать причину, причем в Карелии таких было значительно меньше (0,2%), чем в Ленинградской и Вологодской областях (5%). Из остальных в Карелии считали себя русскими «по языку» 0,3%, в Ленинградской и Вологодской областях набор ответов был шире: «по языку» — 0,9%, по национальности одного из родителей — 1,2% и лишь 2,4% признали себя представителями русской национальности.

Динамика численности вепсов (по данным

	1926		1939		Прирост в %	1959	
	Числен- ность	В % к общей числен.	Числен- ность	В % к общей числен.		Числен- ность	В % к общей числен.
Всего	32773	100	32000	100	—3,4	16374	100
Из них							
РСФСР	32773	100	32000	100	—3,4	16170	98,8
Город	254	0,8				4739	29,3
Село	32519	99,2	...			11431	71,7
КАССР	8587	26,2	9388	29,3	+9,5	7179	44,4
Город	113	0,4	...			3623	22,4
Село	8474	25,8	...			3556	22,0
Ленинград- ская обл. ²	24186	73,8	...			8026	49,6
Город	141	0,4	...			579	3,6
Село	24045	73,4	...			7447	46,0

¹ Таблица составлена по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 г. язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 108—110, 114, 134, 183, 185, 205—207. 310, 314, 340, 364, 366. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. На- и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.

² Ленинградская область была образована 01.08.1927 г. В период проведе- относилась к Ленинградской и Череповецкой губерниям (см. рис. 5 на с. 19), тябре 1937 г. часть вепсской территории отошла к вновь образованной Во-

ности, заселенные вепсами, оказались на стыке четырех районов: Подпорожского, Лодейнопольского, Тихвинского и Бокситогорско- го, доля вепсского населения в каждом из них колеблется от 1 до 11%. Отсутствие межрайонных коммуникаций (из-за бездорожья), ликвидация части, как правило, пограничных для каждого райо- на вепских деревень, признанных неперспективными, привели к разделению народности на отдельные группы, которые посте- пенно утратили связи между собой, а некоторые оказались даже в изоляции. Возникла реальная угроза распада народности на разрозненные этнические группы.

В настоящее время вепсы плохо осведомлены о расселении своего народа: представление об этом имеют только 9,5% сель- ского населения и всего 0,9% смогли указать все районы его проживания. Основной части вепсов (74,0%), кроме собственной группы, известны и соседи, а 15,6% совсем не знали о существо- вании вепсов за пределами своего района.

В Ленинградской области самой многочисленной и довольно компактной группой являются вепсы Подпорожского района (см.

переписей) за 1926—1979 гг.¹

Прирост в %	1970		Прирост в %	1979		Прирост в %
	Числен- ность	В % к общей числен.		Числен- ность	В % к общей числен.	
—50,0	8281	100	—49,4	8094	100	—2,2
—49,7	8057	97,3	—50,2	7550	93,2	—6,2
	4468	54,0	—5,7	...		
	3589	43,3	—68,6	...		
	6323	76,3	—11,9	5864	72,4	—7,3
	3523	42,5	—2,8	3649	45,0	+3,3
	2800	33,8	—21,3	2215	27,5	—11,3
	650	7,8	—91,9	...		
	313	3,8	—45,9	...		
	337	4,1	—95,5	...		

Т. I. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 302, 306,
циональный состав населения СССР. М., 1973. С. 98—99, 138—139. Численность
М., 1984. С. 73, 75.

ния переписи 1926 г. этническая территория вепсов (кроме входящей в КАССР)
которые в 1927 г. полностью вошли в состав Ленинградской области. В сен-
логодской области. Здесь вепсы при последующих переписях не учитывались.

табл. 2). На территории трех соседних сельских советов этого
района (Курбинского, Озерского и Ярославского) проживают
преимущественно вепсы. Примыкающий к ним Винницкий сель-
ский совет имеет смешанное население.

Вепское население в Лодейнопольском районе незначительно
и проживает в двух отдаленных друг от друга сельских советах —
Подборском (д. Надпорожье и Бор) и Хмелезерском (д. Вонозеро
и Хмелезеро), составляя в первом примерно две трети, а во вто-
ром треть от их общей численности.

Вепские деревни Подборского сельского совета граничат с по-
селениями вепсов Ярославского сельского совета, а Хмелезер-
ского — с деревнями Алексеевского сельского совета Тихвинского
района. Расстояние между этими сельскими советами невелико —
всего около 12 км, но, несмотря на столь близкое соседство, ни-
какого транспортного сообщения между ними нет. Небольшая по
численности группа вепсов Алексеевского сельского совета Тихвин-
ского района, имеющего практически однонациональный состав,
оказалась полностью изолированной от остальных вепсов. Погра-

Таблица 2

**Изменение численности населения по сельским советам с вепским населением
(в период с 01.01.81 по 01.01.87 г.)**

Название районов и сельсоветов	1981			1987		Общий при- рост (+) или убыль (-) в с/с, %	Потенциальная мигра- ция среди вепсов, %	
	числен- ность в с/с	из них вепсов	% вепс- ского на- селения	числен- ность в с/с			решили выехать	раздумы- вают
В КАССР								
В Прионежском р-не	3428	1854	54,1	3535	+3,1			
Шелтозерский	1398	764	54,6	1350	-3,6	5,5	4,8	
Шокшинский	885	396	41,7	1128	+27,5	2,7	0,9	
Рыборецкий	1145	721	63,0	1057	-7,7	7,5	3,0	
В Ленинград- ской обл.	4635	4087	86,2	3902	-15,8			
В Подпорож- ском р-не	2604	2526	97,0	2230	-14,4			
Озерской	975	955	97,8	794	-18,6	9,5	2,7	
Курбинский	927	916	98,8	820	-11,5	9,4	6,3	
Ярославский	702	655	93,3	616	-12,3	2,2	6,7	
В Лодейнополь- ском р-не	562	308	54,8	480	-14,6			
Подборский	326	123	37,7	310	-4,9	...	...	
Хмелезерский	236	185	64,9	180	-23,7	...	...	
В Тихвинском р-не								
Алексеевский с/с	259	257	99,9	147	-43,2	17,9	21,4	
В Бокситогор- ском р-не	1210	996	82,3	1045	-13,6			
Радогощинский	518	501	90,2	550	+6,2	0	14,6	
Сидоровский	692	495	71,5	495	-28,5	13,5	2,7	
В Вологодской обл.								
В Бабаевском р-не	3046	773	25,6	2484	-18,6			
Куйский	536	386	72,0	443	-17,4	6,9	17,2	
Пяозерский	2510	387	15,4	2041	-18,7	10,5	2,6	
Всего населения в указанных с/с	11 109	6714	60,4	9921	-10,7			

Дополнительные данные по трем сельским советам *

Шустручейский	...	...	≈ 50,0	501	...	...	...
Оштинский	...	...	≈ 25,0	2185	...	...	...
Винницкий	...	...	≈ 40,0	3028	...	...	...

* К моменту проведения исследования мы не имели возможности получить материалы по Шустручейскому и Винницкому сельским советам Подпорожского района Ленинградской области и Оштинскому сельскому совету Вытегорского района Вологодской области. Численность и доля вепского населения в них указаны по данным похозяйственных книг и по устным сообщениям работников сельсоветов и старожил.

нические с ними вепские деревни Сидоровского сельского совета Бокситогорского района в последнее десятилетие прекратили свое существование как неперспективные. Вепсы Бокситогорского района проживают также отдельной группой на территории двух соседних сельских советов — Сидоровского и Радогощинского. Связи между населением этих сельских советов, несмотря на отсутствие транспортного сообщения, поддерживаются: часть вепсов работает в одном совхозе — «Радогощинском», расположенном на территории обоих сельских советов.

В Вологодской области вепсы живут в основном в двух соседних сельсоветах — в Куйском и Пяжозерском Бабаевского района и отдаленном от них Оштинском сельсовете Вытегорского района. Из-за крайне запущенного состояния прежде соединяющей Куйский и Пяжозерский сельские советы дороги (30 км) прямое сообщение между ними давно прервалось.

В Карельской АССР этническая территория вепсов административно не выделена. Большая часть (66,2%) вепского сельского населения республики проживает в Шокшинском, Шелтозерском и Рыборецком сельских советах Прионежского района. В настоящее время в этой местности, прежде заселенной преимущественно вепсами, в связи с начавшимся еще в 30-е годы притоком индустриального, в основном русского, населения и миграцией вепсов в города сложилось смешанное в национальном отношении население. Наибольшую долю (63%) вепсы составляли в Рыборецком, несколько меньшую (54%) в Шелтозерском и менее половины (42%) в Шокшинском сельских советах. Культурно-этнические, транспортные связи между ними (почти все селения расположены вдоль дороги Петрозаводск — Вознесенье) развиты хорошо.

Динамика численности населения по сельским советам с 01.01.81 по 01.01.87 г.

Сравнение данных от 1 января 1981 г. и от 1 января 1987 г. по сельсоветам с вепским населением позволяет выявить зоны с наиболее активной убылью населения (см. табл. 2). В Карелии убыль наблюдается в двух сельских советах — в Рыборецком (на 7,7%) и Шелтозерском (на 3,6%), хотя в целом в этом регионе из-за высокого (на 27,5%) прироста населения в Шокшинском сельском совете отмечается даже рост числа жителей на 3,1%. Иное положение сложилось в других районах проживания вепсов. В Вологодской области в обоих сельских советах численность сократилась в равных долях: в Куйском — на 17,4 и Пяжозерском — на 18,7%. Самой интенсивной убыль оказалась в Ленинградской области в небольших и изолированных группах: в Алексеевском сельском совете — 43,2, Сидоровском — 28,5, Хмелезерском — 23,7%. В остальных сельских советах отклонения от сред-

ней (15,8%) незначительны. Прирост населения (на 6,2%) имеется только в Радогощинском сельском совете.

Структуру общего прироста или убыли населения, т. е. влияния на нее естественного прироста (разницы между рождаемостью и смертностью) и миграции, из-за отсутствия данных установить нельзя, однако несомненно, что ведущую роль в этом сыграла именно миграция. Так, потенциальная миграция (намерение о выезде) в 1983 г. составила 6,8% и еще 5,4% опрошенных раздумывали о возможности выезда. Доля тех, кто твердо решился на выезд, и тех, кто только задумывался над этим, оказалась в прямой зависимости от общей тенденции, характерной для того или иного сельского совета. Наибольший процент первых (17,9) и вторых (21,4) был в Алексеевском сельском совете. Также велико их число в Сидоровском сельском совете — 13,5 и 2,7%. И, напротив, где число тех и других было меньшим (например в Радогощинском сельском совете), меньше оказалась и убыль населения, а в Радогощинском сельском совете население даже возросло.

Возрастно-половая структура

Возрастная структура сельских советов с вепским населением характеризуется значительной долей пожилых и старых людей, которая в ряде мест более чем в два раза превышает установленный порог (18%) «очень высокого уровня старости» (табл. 3). Значительное постарение населения в первую очередь связано с миграцией молодежи из сел. По регионам более молодой возрастной структурой отличается население Прионежья. Здесь выше доля детей (20,7), молодежи (22,8) и в целом лиц трудоспособного возраста (55,4%), по сравнению с Вологодской (17,5, 21,2, 54,9% соответственно) и Ленинградской (12,6, 14,8, 52,1%) областями. В некоторых сельских советах (Сидоровском, Алексеевском) доля лиц нетрудоспособного возраста 40% и более. Существует диспропорция между женским и мужским населением не только в пожилых и старых возрастах, но и среди молодежи (16—29 лет). В Прионежье преобладание мужчин в этом возрасте менее значительно (12,1 и 10,7%), чем в Вологодской (13,5 и 7,8) и Ленинградской (9,2 и 5,6%) областях. Это создает «дефицит» невест и сдерживает естественный прирост населения.

Уровень образования

Из-за высокой доли пожилых и старых людей средний уровень образования у вепсов, живущих в сельской местности, очень низкий. Среди них неграмотные составляли 10,3%, начальное образование имеют 28,6, неполное среднее — 31,6, среднее общее — 14,4, профессионально-техническое и среднеспециальное — 14,1 и всего 0,9% — высшее и незаконченное высшее. В Прионежье уро-

вень образования несколько выше, чем в остальных регионах. Здесь вдвое меньше неграмотных (6,8) и примерно в 1,5 раза — с начальным образованием (24,9%), чем среди вепсов Ленинградской и Вологодской областей, у которых неграмотные составляют 14,0 и 14,9%, а с начальным образованием — 31,7 и 37,3%. В Прионежье выше доля вепсов с неполным средним образованием (36,7), чем в Ленинградской (25,9) и Вологодской (26,9%) областях. Доли лиц, имеющих среднее общее, среднеспециальное и профессионально-техническое образование, в Прионежье и Ленинградской области почти одинаковы, первых — 15,2 и 14,2%, вторых — 14,3 и 13,3%, что значительно больше, чем в Вологодской области, где тех и других — по 10,4%. Лиц, имеющих незаконченное высшее и высшее образование, среди вепсов Вологодской области совсем не оказалось, в Ленинградской — всего лишь 0,7%, в Прионежье — 1,3%. Это объясняется тем, что среди специалистов высшего и среднего звена, работающих в вепском регионе, чрезвычайно мало вепсов.

Сферы приложения труда

Вепское население различается и по сферам приложения труда: в Прионежье половина работает в промышленности и только 29,4% — в сельском хозяйстве, тогда как в остальных регионах вепсов, занятых в сельском хозяйстве, вдвое больше, а промышленные рабочие составляют 24,6%. Незначительны различия между числом работников учреждений в Прионежье и Ленинградской области (12 и 13,5%).

Доход на одного члена семьи

По данным исследования 1983 г., у вепсов в Прионежье доход на одного члена семьи составил 100,6 р., что заметно выше, чем у вепсов Ленинградской (81,4 р.) и Вологодской (76,9 р.) областей. Это связано главным образом с действующими в Карелии с 1968 г. районными коэффициентами к заработной плате (в Прионежье — 1,15) и введенными с 01.01.73 г. процентными надбавками, которые за 5 лет непрерывного стажа достигают 30%.

Людность поселений

Вепсы на своей этнической территории — в основном жители деревень, в рабочих поселках их только 11,3%. Большинство вепсов Прионежья (69,6%) проживает в крупных селах, насчитывающих 501 и более жителей*. В средних по людности поселениях —

---

* Крупными будем считать поселения с числом жителей 501 и более, средними — 201—500, небольшими — 101—200, мелкими — 51—100, малыми — до 50 человек.

Возрастно-половая структура в сельских советах с велским населением (%)
(по данным хозяйственных книг 1983 г.)

	Шелто- зерский	Шокшин- ский	Рыборец- кий	По КАССР	Озер- ской	Курбин- ский	Ярослав- ский	Подбор- ский	Хмеле- зерский
Мужчины									
До 15 лет	9,0	10,7	9,9	9,7	5,8	7,0	8,0	7,2	7,0
16—29	9,7	19,3	9,1	12,1	10,7	10,6	7,2	8,0	11,3
30—59	17,5	12,1	22,0	17,5	20,4	22,3	22,6	16,9	17,3
16—59	27,2	31,4	31,1	29,6	31,1	32,3	29,7	26,0	28,6
60 и старше	7,2	4,5	3,3	4,9	5,8	5,1	6,0	6,4	5,4
Женщины									
До 15 лет	9,0	13,6	11,2	11,0	5,9	7,0	7,6	8,0	9,2
16—29	9,8	16,7	6,8	10,7	5,8	6,4	5,6	4,0	7,0
30—54	15,4	12,2	17,1	15,1	15,3	18,3	17,0	14,5	12,4
16—54	25,2	28,9	23,9	25,8	21,1	24,7	22,7	18,5	19,5
55 и старше	22,4	11,9	20,6	18,9	29,3	23,3	26,0	34,7	30,3
Все население									
До 15	18,0	24,3	21,1	20,7	11,7	14,0	15,6	15,2	16,2
16—29	19,5	36,0	15,9	22,8	16,5	17,0	12,8	12,0	18,3
30—59, 30—54	32,9	24,3	39,1	32,6	35,7	40,6	39,6	31,4	29,7
16—59, 16—54	52,4	60,3	55,0	55,4	52,2	57,6	52,4	43,4	48,1
55 и старше, 60 и старше	29,6	15,4	23,9	23,9	35,9	28,4	32,0	41,4	35,7

	Алексеев- ский	Радого- щинский	Сидоров- ский	По Ленин- градской обл.	Куйский	Пажоер- ский	По Воло- годской обл.	Оштин- ский*	Винни- кий*	Шустру- чейский*
Мужчины										
До 15 лет	6,1	6,8	3,4	6,3	7,6	11,3	9,4	12,4	10,3	11,6
16—29	6,7	9,8	6,9	9,2	8,9	18,9	13,5	9,2	7,3	8,4
30—59	19,3	19,0	24,4	21,3	20,0	16,2	18,2	19,3	23,4	18,2
16—59	26,0	28,8	31,3	30,5	28,9	35,0	31,7	28,5	30,7	26,6
60 и старше	8,1	7,2	7,4	6,4	5,8	3,5	4,7	6,6	5,7	4,6
Женщины										
До 15 лет	6,7	8,4	1,4	6,3	8,5	7,8	8,1	10,7	11,7	12,6
16—29	2,5	7,0	3,6	5,6	5,9	9,8	7,8	9,4	6,4	9,4
30—54	18,9	13,5	15,1	16,0	15,7	15,1	14,3	13,6	15,4	12,6
16—54	21,5	20,5	18,7	21,6	21,0	24,9	23,2	23,0	21,8	22,0
55 и старше	31,5	28,3	37,8	28,9	27,5	20,5	22,8	18,7	19,8	22,6
Все население										
До 15	12,8	15,2	4,8	12,6	16,2	19,1	17,5	23,1	22,0	24,2
16—29	9,2	16,8	10,4	14,8	14,8	28,7	21,2	18,6	13,7	17,8
30—59, 30—54	38,2	32,5	39,5	37,3	35,7	34,3	33,5	32,9	48,8	30,8
16—59, 16—54	47,5	49,3	50,0	52,1	50,5	59,9	54,9	51,6	52,5	48,6
55 и старше, 60 и старше	39,5	35,5	45,2	35,3	33,3	24,2	27,5	25,3	25,5	27,2

* Возрастно-половая структура по Оштинскому, Винницкому и Шустручейскому сельским советам приведена по данным хозяйственных книг 1987 г.

13,2%, в небольших — 9,1, в мелких — 4,6 и малых — 3,8%. В Ленинградской области (кроме Винниц) крупных вепсских сел с населением более 500 чел. не имеется, в средних поселениях проживает 52,2% вепсов, в небольших — 27,0, мелких — 16,0 и малых — 4,8%. Близкое к этому соотношение наблюдается в сельских советах Подпорожского и Радогощинском сельском совете Бокситогорского районов. В Сидоровском сельском совете и сельских советах Лодейнопольского района ситуация иная: здесь от 82,1 до 89,4% вепсов живет в небольших деревнях, а остальные — еще в меньших. В малолюдных деревнях живут вепсы Алексеевского сельского совета: 57,1 — в мелких и 42,9% — в малых. В Вологодской области в Пяозерском сельском совете половина вепсов живет в поселках с числом жителей 501 и более, а половина — в небольших деревнях; в Куйском сельском совете доля проживающих в крупных селах составляет лишь 13,5, тогда как в небольших — 41,4 и мелких — 44,8%.

Уровень развития культурно-бытовой сферы

Размер села — показатель, свидетельствующий и об уровне развития культурно-бытовой сферы обслуживания: в многолюдных селах, как правило, выше уровень ее развития. Только две трети вепсского населения в Прионежье и четверть вепсов Вологодской области (жители поселков Пяжелка и Колашма) обеспечены удовлетворяющими основные потребности населения учреждениями культуры, образования, здравоохранения, сферы обслуживания — средняя или восьмилетняя школа, Дом культуры (ДК) или клуб, больница с поликлиникой, детские сады или ясли, магазин продовольственных и промышленных товаров, столовая, комбинат бытового обслуживания (КБО — стационарный или разъездной), баня. 17,7% прионежских и 59,7% вологодских вепсов имеют в своих деревнях ограниченный набор учреждений (школа, ДК или клуб, фельдшерско-акушерский пункт), а также магазины, иногда смешанной продажи, так называемые сельмаги. Остальная часть вепсов Прионежья (12,4%) и Вологодской области (19,4%) не обеспечена полностью даже этими учреждениями либо не может ими пользоваться из-за отсутствия кадров. В вепсских деревнях Ленинградской области уровень культурно-бытовой сферы ниже, чем в Прионежье. Школой, ДК или клубом, фельдшерско-акушерским пунктом, магазинами, столовой, КБО пользуются здесь менее половины вепсского населения (43,0%), да и то лишь в сельских советах Подпорожского и Лодейнопольского и в Радогощинском сельсовете Бокситогорского районов. Остальное население указанных сельсоветов имеет неполный их набор. В вепсских деревнях Подборского (10,6% населения) и Ярославского (17,8%) сельсоветов вообще нет никаких учреждений куль-

туры и здравоохранения. Однако на самом низком уровне культурно-бытового обслуживания находятся вепсы Сидоровского и Алексеевского сельских советов: здесь нет даже начальных школ, а единственные учреждения культуры и бытового обслуживания — клубы и сельмаги. В Алексеевском сельском совете 42,9% жителей проживают в деревнях, где нет клубных учреждений, 21,4% — даже магазина.

Удаленность от райцентров и транспортное обслуживание

Существующие различия по культурно-бытовому обслуживанию вепсского населения в различных регионах усугубляются еще и тем, что самые малообеспеченные в этом отношении районы наиболее удалены от райцентров и имеют крайне несовершенную сеть транспортных коммуникаций или не имеют ее совсем. В Ленинградской области даже с центральными поселениями Сидоровского (180 км от Бокситогорска) и Алексеевского (130 км от Тихвина) сельских советов из-за бездорожья нет автобусного сообщения. Ближайшая остановка рейсового автобуса находится на расстоянии 35 км от деревень первого сельского совета и в 5 км от населенных пунктов второго. По той же причине нет транспортной связи и с деревнями внутри этих сельских советов, хотя расстояние между ними достигает 25 км. Поселения остальных сельских советов с вепским населением в Ленинградской области менее удалены от райцентров (от 87 до 120 км) и связаны как с ними, так и внутри сельских советов регулярным автобусным сообщением.

В Вологодской области центральные поселения сельских советов с вепским населением находятся от г. Бабаево на расстоянии 120 км. Но транспортное обслуживание их различно. Жители Куйского сельского совета не имеют регулярного сообщения с райцентром — автобусное движение три раза в неделю разрешено из-за дорожных условий только в зимнее и сухое летнее время года. Ближайшая остановка рейсового автобуса находится на расстоянии 15 км. Нет транспортного сообщения и между деревнями сельского совета, хотя удаленность их друг от друга составляет от 6 до 24 км. Центр Пяжозерского сельского совета, пос. Пяжелка, связан регулярным автобусным сообщением с райцентром, но с деревнями, расположенными на расстоянии 12 км от него, где проживает половина вепсов этого сельского совета, нет автобусного сообщения.

Вепсы Прионежья наименее удалены от райцентра — г. Петрозаводска (от 64 до 118 км) и имеют довольно развитую сеть транспортного обслуживания.

Уровень культурно-бытового и транспортного обслуживания в существенной мере определяет динамику населения в сельских советах, поэтому дорожное строительство и улучшение культур-

но-бытовых условий жизни в районах проживания вепсов, в первую очередь в Ленинградской и Вологодской областях, будут способствовать снижению миграции из этих мест.

Вепсский язык: знание, сферы общения
и отношение к нему

В настоящее время вепсы в пределах своей территории вепсский язык знают довольно хорошо: свободно говорит на нем 82,4%; затрудняется при разговоре 11%, только понимают вепскую речь 5,4% и признались, что совсем его не знают, лишь 1,2%. Но прионежские вепсы владеют вепским языком хуже, чем вепсы других районов. Здесь меньше доля свободно владеющих языком и лишь среди них есть совсем не знающие языка. Свободно говорят, читают и пишут на русском языке 78,8%, свободно говорят и читают, но не владеют письмом 8,4%, затрудняются при разговоре 11,9% и только понимают, но не говорят на русском языке 0,9%. Лучше других знают русский язык прионежские вепсы; среди них больше тех, кто считает, что владеет русским языком лучше, чем вепским. В других районах наоборот. В целом для большинства (68,2% опрошенных) остается родным вепсский язык, русский язык родным называли 16,9% вепсов, 11,4% признали родными как русский, так и вепсский и 3,5% затруднились дать ответ. Вепсы Ленинградской и Вологодской областей оказались более «верными» своему языку — здесь русский язык считают родным вдвое меньше вепсов, чем в Прионежье. Но сосуществование языков пока складывается не в пользу вепского. Основными хранителями своего языка являются вепсы старше 40 лет, хотя и среди них доля лучше владеющих вепским, чем русским, составляет менее половины. Правда, вепсский язык для них остается родным. Среди молодежи (18—29-летних) наблюдается обратная тенденция: лишь менее трети молодых вепсов признают вепсский язык родным, очень мало среди них тех, кто считает себя лучше владеющим вепским языком, чем русским. Поскольку вепсы старше 40 лет лучше знают свой язык, то они предпочитают пользоваться им, нежели русским. Поэтому в семейном быту по-вепски чаще разговаривают с родителями, примерно в два раза реже с супругом(-ой) и еще реже с детьми (особенно редко — молодые родители в возрасте 18—29 лет). А если учесть, что вепсский язык в настоящее время бесписьменный и научиться ему можно только в семье, то приобщение детей к вепскому языку становится проблемой.

Отношение к вепскому языку и ориентации на него в будущем видны по ответам на вопрос о необходимости изучения вепского языка в школе как отдельного предмета. Почти треть ленинградских и вологодских вепсов устранилась от ответа, среди прионежских вепсов таких оказалось меньше (18,2%). О ненужности изучения вепского языка заявили 40,6%. Большинство из

них считали, что «уже поздно, ничего не исправишь», «все равно, везде нужен русский язык». Вторая группа объяснила ненужность обучения вепсскому языку трудностями: «нет письменности», «нет учителей», «не для кого — мало детей». За изучение вепсского языка высказалась треть вепсов. Большинство из них считают, что это необходимо для того, чтобы не забылся окончательно вепсский язык, или для того, чтобы поддержать вепсов. Многие утверждают, что иначе не сохранить язык, народные традиции, культуру. Сопоставление ответов с возрастом опрошенных выявило, что среди молодежи (18—29 лет) вдвое больше тех, кто высказался за изучение языка, нежели тех, кто против (хотя молодежь не только носитель интенсивного двуязычия, но и группа, наиболее утратившая знание вепсского языка). Таким образом, если требование молодежи будет поддержано государственными органами и будут приняты меры к развитию вепсского языка, то они могут оказать благотворное влияние на ход языковых процессов и, следовательно, способствовать национальному развитию вепсов в сторону их большей этнической устойчивости.

Рекомендации и предложения

Для перехода от стихийного социально-этнического развития вепсской народности к ее сознательному планомерному развитию, регулируемому плановыми и государственными органами, необходимо, на наш взгляд, включить вепсов в число народов Севера, развитие которых уже давно стало объектом заботы государства. При получении статуса народности Севера экономическое, социальное, культурное и национальное развитие вепсов будет находиться под контролем соответствующих органов.

Экономическое развитие районов обитания вепсов должно ориентироваться на ведение сельского хозяйства на основе передовой технологии с максимальным использованием заброшенных земель.

Для предотвращения дальнейшего сокращения численности вепсов необходимо незамедлительное принятие мер по снижению миграции из вепсских сел. Для этого следует выделить значительные капитальные вложения в развитие культурно-бытовой сферы и дорожное строительство. При проектировке и прокладке шоссейных дорог нужно использовать уже существующие ведомственные грунтовые лесовозные дороги. Так как миграция в современных условиях приобретает национальный аспект и стала в полном смысле «безвозвратной» для вепсской народности, необходимо обратить внимание на следующие моменты:

— поскольку основная часть мигрантов — молодежь, выезд которой связан с получением образования, следует организовать ее целевое обучение с учетом особенностей и перспектив экономического развития отдельных регионов с выделением внеконкурсных мест в высших и средних учебных заведениях. Предусмотреть

льготы и пособия при условии возвращения выпускников в родные места;

— в мелких и средних по численности поселениях целесообразно вновь открыть начальные школы, сократив принятые нормативы необходимого числа учеников;

— следует принять специальные меры для снижения женской миграции, так как существующая ныне диспропорция полов в возрастах (18—29 лет), в которых наиболее высока возможность создания новых семей, сдерживает естественный прирост населения. При этом важную роль может сыграть развитие социальной инфраструктуры, что будет способствовать не только улучшению сферы обслуживания на селе, но и более рациональному использованию женского труда.

Не терпит отлагательства также осуществление ряда мер, направленных на подъем национального самосознания вепсов:

— рассмотреть вопрос о создании автономии в виде национальных районов или округа, желательно единого для всех вепсов. Подготовительным этапом единой автономии может стать восстановление прежних национальных районов в Карельской АССР и Ленинградской области;

— ускорить воссоздание вепсской письменности и ввести изучение вепсскому языку в начальных школах во всех районах проживания вепсов. Меры по введению преподавания вепсского языка должны быть срочными, так как анализ языковой ситуации свидетельствует о далеко зашедшем процессе языковой ассимиляции. Существование народности без знания национального языка в данных условиях неминуемо ведет к этнической ассимиляции, в результате которой вепсское население превратится в локальную этнографическую группу русского народа;

— шире использовать средства массовой информации для пропаганды исторических и культурных традиций вепсского народа;

— включить в курс школьного образования преподавание «Народоведения».

Современное национальное развитие вепсской народности — итог довольно длительной истории и обладает значительной инерционной силой, поэтому в случае принятия предложенных мер на быстрый эффект их воздействия надеяться нельзя. Для оценки происходящих изменений необходимо не позднее 1993 г. провести исследование социально-экономического и демографического развития вепсской народности.

Переписи населения в районах проживания вепсов должны проводиться под наблюдением специалистов-этнографов. По итогам переписи при несовпадении ее данных с указанием национальной принадлежности в паспорте следует разрешить вепсам обмен паспортов, ввести название женщины вепсской национальности — вепсянка.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ У ВЕПСОВ КАРЕЛИИ В 1950—1970-е ГОДЫ

По материалам Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг., основная часть вепсов считалась жителями Карельской АССР. Как показали этносоциологические исследования, здесь не было расхождений между фактической численностью вепсов и данными официальной статистики*, поэтому, опираясь на имеющиеся статистические материалы, рассмотрим демографическую ситуацию у вепсов в 1950—1970-е гг. в республике. Это позволит определить тенденции и оценить перспективу дальнейшего развития вепского этноса как на селе, так и в городе.

Характеристику существующей демографической ситуации начнем с анализа возрастно-половой структуры населения как основы, связывающей все остальные компоненты этноса. Возрастно-половая структура включает в себя, с одной стороны, соотношение трех основных демографических групп: детей до 15 лет, лиц трудоспособного возраста (15—59 лет) и старшее поколение (60 лет и более); с другой — соотношение численности мужчин и женщин: как общей, так и внутри выделенных групп. Особенно важно соотношение мужчин и женщин активного брачного возраста, к которому относят 20—29-летних.

Графически возрастно-половая структура изображается в виде пирамиды, фиксирующей ее состояние в определенный момент времени и представляющей собой двусторонне направленную диаграмму, на которой по горизонтали откладывается пропорциональная численность отдельных возрастных групп: слева — для мужчин, справа — для женщин, по вертикали — возраст в интервале от 0 до 100 лет. При нормальных условиях существования этноса без каких-либо внешних воздействий (войн, эпидемий) возрастная пирамида имеет равные грани, при высоком уровне рождаемости и сравнительно высоком уровне смертности — широкое основание и узкую вершину, при низких уровнях рождаемости и смертности — узкое основание и широкую вершину [1]. Наложенные друг на друга возрастные пирамиды разных лет показывают сдвиги в половозрастном составе, а сравнение диаграмм позволяет нагляднее представить состояние этноса, реально оценить динамику за измеряемый отрезок времени.

Рассмотрим возрастные пирамиды вепсов Карельской АССР по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1979 гг. (рис. 1, 2), используя при этом принцип группировки населения по пятилетним возрастным интервалам, численность которого да-

* Подробнее об этом см. в ст. З. И. Строгальщиковой в наст. сб.

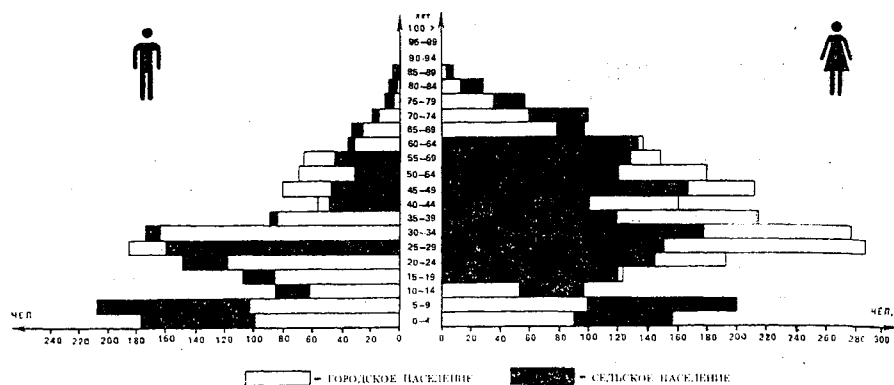

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида вепского населения Карельской АССР на 1959 г.

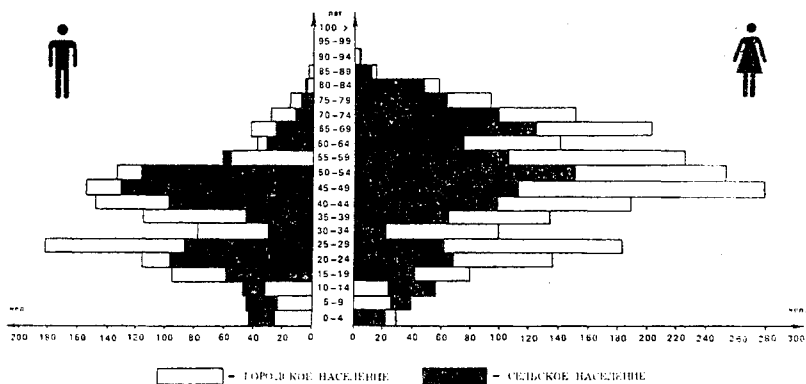

Рис. 2. Возрастно-половая пирамида вепского населения Карельской АССР на 1979 г.

на в абсолютных величинах. Городское и сельское население на рисунках представлено одновременно, что нагляднее показывает существующие между ними различия.

Великая Отечественная война резко нарушила естественное воспроизводство населения и сильно ухудшила демографическую ситуацию в Карелии в послевоенный период. В первую очередь это выразилось в половой диспропорции населения республики. Особенно острой она была в первое послевоенное десятилетие. В 50-е годы ее в определенной мере сгладил интенсивный приток мигрантов, значительную часть которых составили молодые мужчины. И хотя доля мужчин в Карелии оказалась даже выше, чем

в среднем по СССР [3], все же разница в численности мужского и женского населения в республике продолжала оставаться существенной.

У вепсов этот показатель был намного выше, чем в целом по республике (табл. 1). Потери среди мужского населения у вепс-

Таблица 1

Число женщин на 1000 мужчин

	1959 г.		1979 г.	
	Город	Село	Город	Село
По КАССР	1251	1139	1133	1148
У вепсов	1951	1480	1818	1339

Примечание. Рассчитано по: ЦГА КАССР, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 35—40, 43—48; данные Статуправления Карельской АССР.

ского этноса оказались столь велики, что продолжали сказываться на демографической структуре народа в течение всех последующих лет. Приток вепсов в Карелию из соседних Ленинградской и Вологодской областей в 50-е годы был невелик и не смог благотворно повлиять на половую структуру этноса, которая в полной мере несла на себе последствия войны. Половая диспропорция у вепсского населения постоянно оставалась самой высокой среди всех основных этнических групп Карелии. Она по-разному проявлялась в возрастных группах вепсов (табл. 2). Среди сель-

Таблица 2

Число женщин на 1000 мужчин данного возраста

Возраст, лет	Городское население		Сельское население	
	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.
0—4	929	1167	870	488
5—9	971	1043	971	886
10—14	857	719	1153	1191
15—19	1447	833	1120	712
20—24	1658	1164	973	719
25—29	1554	989	938	721
30—34	1695	1253	1023	733
35—39	2590	1155	1364	1444

Возраст, лет	Городское население		Сельское население	
	1959 г.	1979 г.	1959 г.	1979 г.
40—44	2825	1260	2104	1010
45—49	2662	1917	3574	842
50—54	2662	2030	3935	1271
55—59	2258	4018	2889	1682
60 и более	4583	5069	4047	5000

Примечание. Здесь и в табл. 3, 4 рассчитано по: ЦГА КАСР, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 40, 48; данные Статуправления Карельской АССР.

ских жителей численность мужчин и женщин в возрасте до 35 лет была примерно равной, среди молодежи 20—29 лет преобладали мужчины, среди 10—19-летних — женщины, причем превосходство тех или других было незначительным. В городской местности во всех возрастных группах старше 15 лет численность женщин заметно превышала численность мужчин. Помимо пожилого населения, наибольший дефицит мужчин на селе наблюдался среди 45—54-летних, в городе — среди 35—54-летних, причем у первых превосходство женщин в этих возрастах выражено сильнее.

На возрастно-половой пирамиде 1959 г. отчетливо видно, что при почти одинаковом количестве проживающих в городской и сельской местности* среди жителей села выше доля лиц пожилого возраста, особенно среди женщин, и выше детность. В городском населении, напротив, выше доля лиц трудоспособного возраста (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение детских и пожилых возрастных групп вепсов, %

Возраст, лет	1959 г.				1979 г.			
	Город		Село		Город		Село	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0—14	21,3	10,4	32,7	21,6	6,1	3,2	14,1	9,0
60 и более	5,6	13,2	7,5	20,3	10,1	28,2	9,0	33,5

* В городской местности проживало 50,5% вепсов: 46,5% мужчин и 52,8% женщин. (Рассчитано по: ЦГА КАСР, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 40, 48).

У женщин горожанки составляют большую часть во всех возрастных группах от 15 до 69 лет, особенно много их среди 25—39-летних. У мужчин горожане превалируют только среди лиц старшего трудоспособного возраста (40—59 лет), а также в группе 25—29-летних, но их численное превосходство над своими сельскими ровесниками не так заметно, как у женщин.

Половая диспропорция и различное соотношение пожилых и детских возрастов сказываются на возрастной пирамиде мужчин и женщин 1959 г. И в городе, и на селе у мужчин она имеет чрезвычайно зауженную вершину — результат многочисленных потерь мужского населения в период различных социальных потрясений: революция и гражданская война, Великая Отечественная война и репрессии 30-х — начала 50-х годов. Причем сужение вершины начинается уже с возрастной группы 35—39-летних, родившихся в 1920—1924 гг. и, как известно, наиболее пострадавших в годы войны, и происходит довольно резко. До 75 лет доживали единицы, преимущественно в сельской местности. Общее снижение рождаемости в военные и первые послевоенные годы деформировало и нижнюю часть возрастной пирамиды мужчин, образуя значительный «выем» в группе 10—19-летних. В то же время почти четырехкратное превосходство детской возрастной группы над старшим поколением позволяет говорить о прогрессивном типе воспроизводства мужской части вепского населения и в городе, и на селе.

На возрастной пирамиде женщин влияние внешних причин прослеживается более отчетливо: периоды снижения рождаемости (1905—1909, 1915—1919, 1940—1949 гг.) чередуются с годами повышенной рождаемости (1910—1914, 1925—1939, 1950—1959). Долгожительство среди женщин в несколько раз выше, чем у мужчин, особенно в городах, где мужчины старше 74 лет практически не встречаются. Примерное равенство пожилых и детских возрастов придает женской пирамиде очертания так называемого «колокола». Это отражает тенденцию к стационарному типу воспроизводства, когда этнос не сможет в будущем наращивать свою численность.

Среди городских вепсов обоего пола данные процессы выражены еще сильнее. Их возрастно-половая пирамида ввиду меньшей численности детских (0—14 лет) и молодых (15—24 лет) возрастных групп имеет суженное основание и постепенно начинает приобретать форму так называемой «урны», которая свидетельствует о регрессивной тенденции воспроизводства населения. Без притока извне городская часть этноса неизбежно и довольно быстрыми темпами должна была бы сокращать свой численный состав, однако этого не случилось. Напротив, за двадцать межпереписных лет, и это отчетливо видно на возрастно-половой пирамиде 1979 г., произошло общее сокращение сельского и увеличе-

ние городского населения. Доля вепсов, проживающих в городе, выросла до 62,2% (мужчины — 57,8, женщины — 65%), и городские жители стали преобладать практически в каждой из выделенных возрастных групп, за исключением детских.

Основной причиной столь стремительного роста численности городского населения явилась миграция. Из-за отсутствия прямых статистических данных о миграции вепсов попробуем проследить движение городского и сельского населения по данным тех же переписей (табл. 4). Для этого сравним численный состав выделенных возрастных групп в 1959 г. с численным составом этих же самых групп в 1979 г., соответственно «постаревших» на двадцать лет. Например, лицам, входящим в группу 20—24-летних, в 1959 г. было всего от нескольких месяцев до 4-х лет, 25—29-летним — соответственно 5—9 лет и т. д. Обозначим прирост знаком «+», а уменьшение — знаком «-».

Все возрастные группы сельского населения понесли видимые потери своего состава. Особенно сильными они оказались среди молодежи 20—29 лет (1950—1959 гг. рождения), которая за два

Таблица 4

**Движение городского и сельского населения вепсов
за 1959—1979 гг.**

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	Город	Село	Город	Село
20—24	+17	—81	+43	—85
25—29	+81	—122	+82	—140
30—34	+16	—55	+45	—76
35—39	+31	—63	+11	—56
40—44	+33	—51	— 5	—46
45—49	—30	—28	+10	—39
50—54	—30	—56	— 6	—28
55—59	—27	—25	+10	—14
60—64	—28	—16	—20	—26
65—69	—39	—21	—10	—44
70—74	—39	—18	—29	—23
75—79	—50	—36	—55	—67
80—84	—27	—30	—80	—88
85—89	—22	—33	—66	—87
90—94	—13	—	—56	—

прошедших десятилетия не досчиталась в своих рядах 203 мужчин и 225 женщин. В то же время идентичная часть городских вепсов пополнилась соответственно на 98 и 125 человек. В несколько меньших масштабах подобный «взаимообмен» произошел и среди представителей среднего возраста. В старших возрастах численность городского и сельского населения неуклонно снижается.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство в движении населения. В молодых и средних возрастах убыль сельского населения обоего пола намного превышает его прирост в идентичных группах горожан. Так, разница между убылью и приростом у мужчин 20—44 лет составила за два десятилетия 190 человек, у женщин 20—39 лет — 176 человек. Ее нельзя отнести только за счет одной смертности, хотя в приведенные цифры входит смертность и сельских, и городских мужчин и женщин: сельские мигранты компенсировали все потери городских жителей, в том числе и умерших. Тем не менее в этом возрасте смертность, как правило, не высока, особенно среди женщин. Следовательно, часть этих потерь (и, по-видимому, большая ее часть) вызвана ассимиляцией. Об ее углублении в 60—70-е годы у вепсов свидетельствуют также показатели детности (см. 53).

Таким образом, массовый отток молодежи из села, усилившийся в 60-е и особенно в 70-е годы в связи с ликвидацией так называемых «неперспективных» деревень, существенно пополнил городскую часть этноса и значительно улучшил ее демографическую структуру. В то же время миграция не только резко сократила сельскую часть этноса и решающим образом ухудшила демографическую ситуацию на селе, но по существу подорвала естественный ход воспроизводства всего этноса. Об этом свидетельствует весьма специфический вид, который приобрела возрастнополовая пирамида вепсов к концу 70-х годов (см. рис. 2). Это произошло за счет резкого увеличения лиц старшего и пожилого возраста и понижения доли детей до 15 лет. Кроме того, возрастную пирамиду сильно деформирует «военное поколение» — лица 1940—1949 гг. рождения, образуя глубокий возрастной провал в группе 30—39-летних. В 70-е годы тридцатилетние мужчины и женщины встречались среди вепсов крайне редко, особенно в сельской местности.

Диспропорция полов у вепсов за двадцать межпереписных лет существенно не менялась: мужчин по-прежнему было значительно меньше, чем женщин (см. табл. 1). Преобладание женщин среди городского населения, в целом сохранившееся на прежнем уровне; можно объяснить как усиленным притоком их из сельской местности, так и более низкой общей смертностью в городах, где лучше налажено медицинское обслуживание, более развита социальная инфраструктура. Так, в 1959 г. на 6,7 умерших

в городе приходилось 8,9 умерших на селе, в 1970 г. — 7,0 и 8,5, в 1979 г. — 8,8 и 13,0 в пересчете на 1000 человек населения*. Более высокая смертность сельских жителей может также объясняться и более высокой долей у них лиц пожилого и старческого возраста, увеличивавшейся вместе с общим постарением населения.

Преобладание женщин в сельском населении выражено слабее, чем двадцать лет назад, хотя в деревнях Карелии за эти годы диспропорция полов усилилась. По-видимому, это вызвано более активной миграцией молодых вепсянок, в результате которой среди сельской молодежи от 15 до 35 лет численность мужчин оказалась выше. Девушек, заканчивающих среднюю школу, не прельщает тяжелый физический сельскохозяйственный труд, и они устремляются в город, где находят более приемлемую для себя работу и судьбу. Мужчины чаще имеют более квалифицированную и неплохо оплачиваемую работу по месту жительства, что в определенной мере сдерживает их отъезд из села. Однако молодежь все чаще свое будущее связывает с городом. Именно в городах и рабочих поселках в эти годы сосредоточивается большинство молодых бракоспособных вепсов, что предопределяет лучшие перспективы для самовоспроизводства городской части этноса. В молодых группах городских вепсов соотношение полов в целом выравнялось, хотя наблюдаются незначительные колебания в ту или иную сторону.

Наиболее сильна диспропорция полов у людей пожилого и особенно старческого возраста. На каждого мужчину 60 лет и старше приходится примерно пять ровесниц. Это обстоятельство сказывается на соотношении детских и пожилых возрастных групп у мужчин и женщин, влияет на общий характер возрастнополовой пирамиды.

Среди мужчин доли детей и пожилых в среднем сравнивались, хотя в городской местности больше лиц пенсионного возраста, в сельской — больше детей (см. табл. 3). Среди трудоспособного населения лица 40—54 лет заметно превалируют над молодежью 20—29 лет. В целом у мужчин возрастная пирамида имеет сильно усеченную вершину и суженное основание при заметно раздавленной средней части.

Иная картина среди женщин: лица старше 40 лет составляют более 70% их численного состава. Именно поэтому у них возрастная пирамида так сильно «заваливается» вправо.

Общее постарение этноса шло как за счет накопления пожилых возрастов, так и за счет снижения детских возрастных групп населения. Уменьшение числа детей в 60—70-е годы связано

---

* ЦГА КАССР, ф. 659, оп. 14, д. 11/62, л. 2; оп. 11, д. 1442/10275, л. 83.

с общим снижением уровня рождаемости в стране, с переходом к внутрисемейному планированию и к модели, ориентированной на малодетную семью.

Из-за сильной диспропорции полов и повышенной доли женщин пожилого и старческого возраста показатели брачности вепсов оказались в конце 70-х годов значительно ниже, чем у других этнических групп Карелии. В 1979 г. у них в браке состояло всего 53% горожанок и 51,9% жительниц села. Более низкий уровень брачности зафиксирован лишь у финок. Массовая миграция девушек из села, создающая дефицит невест, а также предполагаемый собственный переезд в город* сдерживает процесс брачности у мужчин, остающихся в сельской местности, заметно повышая их возраст вступления в брак. В 1979 г. 22,5% вепсов на момент переписи не состояли в браке, причем в возрасте до 20 лет не женился ни один из них. В городе, где подобных проблем нет, доля никогда не состоявших в браке мужчин самая низкая — 17,9%. Встречаются и ранние браки.

Среди женщин-вепсянок самый высокий в республике показатель вдовых (36,6% на селе и 29,6% в городе), а среди мужчин-вепсов — наивысшая доля разведенных (5,3% на селе и 4,3% в городе). Это обстоятельство не могло не повлиять на тип семьи. Именно у вепсов зафиксирована самая высокая численность семей, в которых детей воспитывал один из родителей, чаще всего мать. Особенно много неполных семей в городах — 41,3%, причем в 6,3% таких семей проживал кто-нибудь из родственников отца или матери. В сельской местности доля неполных семей несколько ниже — 29,6%, но проживание в них родственников практически не встречается — 0,8%.

Естественно, у вепсов оказалась самая низкая доля нуклеарных семей (супружеской пары с детьми или без детей), наиболее распространенных в республике. Только 53,4% таких семей зафиксировано на селе и 49,2% — в городе, причем в последнем случае половина из них — бездетные. В 70-е годы для вепсов все более типичной становится семья с одним ребенком. В принципе в эти годы такой тип семьи начинает преобладать у всех этнических групп Карелии, за исключением белорусов, в семьях которых чаще встречаются двое детей. У вепсов доля однодетных семей самая высокая в республике — 35,7% на селе и 39,8% в городе. И если в сельских семьях еще встречаются трое, четверо, а иногда и пятеро детей, то в городских семьях многодетность — большая редкость**. Самой распространенной, по данным переписи 1979 г., является семья, состоящая всего из двух человек (59,9% —

---

* См. ст. 3. И. Строгальщиковой в наст. сб. (табл. 2).

** Рассчитано по: ЦГА КАССР, ф. 659, оп. 14, д. 19/116, л. 6—7.

в городе и 50,2% — на селе), а средний размер семьи — самый низкий, в сравнении с другими народами Карелии (табл. 5).

Таблица 5

**Средний размер семьи у основных этнических групп
Карелии, чел.**

Национальность	1970 г.		1979 г.	
	Город	Село	Город	Село
Карелы	3,4	3,9	3,0	3,2
Русские	3,4	3,7	3,2	3,2
Белорусы	3,6	3,8	3,2	3,2
Украинцы	...	...	2,9	2,9
Финны	3,1	2,9	2,8	2,5
Вепсы	2,9	3,3	2,6	2,8

Примечание. Рассчитано по: ЦГА КАССР, ф. 659, оп. 14, д. 19/116, л. 10; данные Статуправления Карельской АССР.

К сожалению, мы не имеем сведений о рождаемости. Поскольку подобной статистики по вепсам в 1959—1979 гг. не велось, некоторое представление о соотношении уровней рождаемости может быть составлено на основании данных о детности. Под ней, как известно, понимается отношение числа детей определенного возраста на 1000 женщин детородного возраста или на 1000 человек населения [2]. Этот показатель может быть рассчитан по материалам переписи населения на основании данных возрастно-половой структуры. Естественно, не учитываются дети, которые умерли, не дожив до момента переписи, а также смертность женщин. Число имеющих на момент переписи детей всегда меньше числа рождений даже при низком уровне смертности. В данном случае под детностью понимается отношение числа детей от 0 до 14 лет на 1000 женщин 20—49 лет (табл. 6).

В 1959 г. детность сельских вепсов была еще достаточно высокой и мало чем отличалась от детности прочих этнических групп, в то время как в городе она была заметно ниже. В течение 60—70-х годов детность вепсов резко упала и на селе и в 1979 г. была одной из самых низких в республике, за исключением финок. В городе их показатель был по-прежнему минимальным. В конце 70-х годов на 10 горожанок приходилось примерно

**Детность основных национальностей Карелии
(число детей 0—14 лет на 1000 женщин 20—49 лет)**

Национальность	1959 г.		1979 г.	
	Город	Село	Город	Село
Карелки	605	1294	489	868
Русские	1282	1682	1104	1504
Белоруски	806	1057	494	781
Украинки	827	1028	575	1042
Финки	808	1102	414	378
Вепсянки	379	1076	148	583

Примечание. Рассчитано по: ЦГА КАССР, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 35—40, 43—48; данные Статуправления Карельской АССР.

полтора ребенка, в то время как у финок, ближайших по этому показателю к вепсянкам, — четверо детей. Причем детность горожанок, почти в 2,5 раза превосходивших по числу способных к деторождению селянок, снижалась более высокими темпами. Так, в 1959 г. она была почти втрое, а в 1979 г. — вчетверо ниже, чем у жительниц села. Чем же вызвано такое резкое снижение детности?

Данные этносоциологического исследования 1983 г. свидетельствуют о том, что число рождений у вепсянок в сельской местности практически не уступает числу рождений среди соседних этнических групп, в частности русских и карелок*, однако лица, состоящие в межнациональном браке, нередко дают своим детям другую национальность, чаще всего русскую. Кстати, так поступают и другие народы — карелы, финны, украинцы, белорусы. Вот почему при одинаковой рождаемости у русских женщин в итоге самая высокая детность, а русские являются единственным в республике народом с ярко выраженным прогрессивным типом воспроизводства этноса.

Таким образом, в городах ассимиляция вепсов началась раньше и проходит активнее, чем в сельской местности, тем не менее сельские жители за счет более высокой рождаемости пополняли в 60—70-е годы городскую часть этноса, поддерживая ее демографическую структуру в нормальном состоянии. Однако в связи

* См. ст. 3. Н. Строгальщниковой в наст. сб.

с резким уменьшением детности не только в городах, но и в селах Карелии пополнение городской части вепсского этноса с прежней интенсивностью становится проблематичным.

Суженное основание возрастной пирамиды вепсов 1979 г. — следствие не только общего снижения детности, но и малого числа рождений у малого числа родителей, принадлежащих к более малочисленному поколению. Так, родившиеся в 1940—1949 гг. произвели на свет меньше детей (возрастная группа 10—19 лет), чем в предшествующие годы, — так называемое «демографическое эхо».

Итак, для всего периода 50—70-х годов характерно старение вепсского населения. Накопление пожилых и старческих возрастных групп, их превышение над молодым бракоспособным населением существенно влияло на все другие демографические показатели, особенно на уровень женской брачности и тесно связанный с ним показатель рождаемости. Утвердилась малодетная семья нуклеарного или неполного типа, не способная в достаточной мере к воспроизводству населения, необходимого для нормального развития и функционирования этноса, подверженного к тому же все усиливающейся и углубляющейся ассимиляции.

В результате возрастно-половая структура вепсов в 1979 г. уже даже отдаленно не напоминает классическую пирамиду. И в городе, и на селе она приобрела устойчивые очертания «урны», знаменующей стабилизацию регрессивного типа воспроизводства этноса. Это означает стремительное его исчезновение, темпы которого очень высоки и нарастают с каждым годом.

Будущее демографическое развитие вепсов, их судьба в целом зависят от того, по какому «сценарию» будет осуществляться социально-экономическое и культурное развитие районов с вепским населением. Будет ли сохранена целостность их этнической среды, что невозможно без возрождения, восстановления деревень, разрушенных в 50—80-е годы. Удастся ли снизить негативные последствия ассимиляторской политики прежних лет?

«Будет величайшей ошибкой, даже преступлением, — отмечал М. С. Горбачев, — если станут исчезать народности, если все будет сглаживаться» [4:2]. Чтобы не допустить этого, необходимо создать весь комплекс социально-экономических и культурно-политических условий, способствующих повышению национального самосознания вепсов, престижа и ценности их языка и культуры, осознанию ими своего законного места в общей семье народов СССР. И сделать это нужно немедленно, пока еще есть возможность возродить народ, если мы действительно хотим сохранить один из древнейших и своеобразнейших этносов, каковым являются вепсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 65—66.
2. Козлов В. И. Национальности СССР. М., 1975. С. 150.
3. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 108.
4. «Правда». 1988. 28 ноября. С. 2.

А. В. Петухов

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ — ФАКТОР УСКОРЕНИЯ АССИМИЛЯЦИИ ВЕПСОВ

Вепсы никогда не были объединены в одном территориально-административном районе, хотя на протяжении всего периода существования занимали и сегодня занимают почти единую и в общем-то компактную территорию на юго-запад, юг и юго-восток от Онежского озера.

В дореволюционное время вепсы, несмотря на административную разобщенность, поддерживали оживленные связи друг с другом. Эти связи обуславливались тремя факторами:

1. Ярмарки. Известно более двадцати ярмарок, активно посещавшихся вепсами всего региона независимо от административной подчиненности.

2. Храмовые и престольные праздники. На них съезжались вепсы не только из соседних волостей, но и соседствующих уездов.

3. Использование лошадей при переездах.

На первый взгляд, последний фактор кажется малозначущим. Но если учесть, что на протяжении веков лошадь у вепсов была единственным средством передвижения, то становится очевидным, что, несмотря на административную разобщенность, вепсы в прошлом имели реальную возможность общения. Кроме того, для вепса пройти 40—60 километров в один день было привычным делом. Примером межволостных связей вепсов в прошлом веке и в первые два десятилетия после революции могут служить пути контактов шимозерских вепсов: Шимозеро — Шатозеро — Тукшозеро — Винницы — 55 км, Шимозеро — Нажмозеро — Ладва — 42 км, Шимозеро — Кривозеро — Капшозеро (Винницкое) — Немжа — 48 км, Пяжозеро — Кленозеро — Ладва — Озера — 60 км. Следы некоторых этих дорог и троп сохранились до наших дней (например Шимозеро — Нажмозеро — Ладва), и старожилы их знают.

Следует сказать, что в юридическом и гражданском отношении вепсы до революции никогда не были ущемлены в правах как «иностранцы» по сравнению с соседствующими с ними русскими крестьянами. Но со стороны русских административных чи-

новников вепсы нередко терпели унижения и оскорбления нравственного порядка. Даже этнограф Майнов, стремившийся с максимальной достоверностью описать быт и культуру приютских вепсов, не смог преодолеть своего пренебрежительного отношения к народу. «Чудь была белоглаза, белобрыса, скуласта, раскоса, низкоросла, сутуловата — вовсе и на человека не похожа, неумела, неумыта.., жила в курной избе, телят и иную животину в свою красную горницу запирала, жила не чисто, ела и пила плохо — всем смахивала, одним словом, скорее на свинью, чем на человека» [3 : 40].

Октябрьская революция дала вепсам то же, что и окрестным русским крестьянам: гарантию личной свободы, все гражданские права, включая полное равноправие мужчин и женщин, и землю. Последнее для вепсов имело исключительное значение. Во-первых, потому, что 99,2% всех вепсов (1926 г.) было сельским населением, во-вторых, земля, обжитая вепсами, была мало плодородна.

С первых лет Советской власти жизнь вепсов заметно улучшилась, тем не менее в 20-е годы В. И. Равдоникас, занимавшийся изучением южных вепсов, вынужден был констатировать: «Революция не могла резко изменить быт и идеологию чухарей. Школ мало. Избы-читальни мертвы, т. к. не приспособлены к своеобразным вопросам населения. Агропомощь равна нулю, участковых агрономов нет: уездные не приезжают, да и от одних приездов толку мало. Здравоохранение ограничено одним необорудованным фельдшерским пунктом на волость. Кооперация прозябает, общественно-политическая работа не ведется, ячеек Р.К.П. и Р.К.С.М. в Чухарии нет» [5 : 259].

В. И. Равдоникас наметил вполне конкретный и в принципе реальный для осуществления план оказания помощи вепсам:

«1. Организовать секции национальных меньшинств чухарского народа в соответствующих учреждениях (Губкоме и Укоме Р.К.П. (б), в ГИКе и УИКе).

2. Организовать научное изучение чухарей и в первую очередь точно выяснить численность их, площадь и основные статистические данные, характеризующие экономическое положение чухарей и тенденции его развития.

3. Пересмотреть систему налоговых и аграрных мероприятий с целью внесения изменений (изъятия, льготы) в эту систему применительно к местным бытовым условиям чухарского народа. В частности, следовало хотя бы временно расширить право пользования лесными площадями для подсечного хозяйства, отменить местные сборы с охоты и рыбной ловли. Впрочем выполнение этого пункта немыслимо без выполнения предшествующего, т. е. без точного выяснения местных нужд, бытовых и национальных особенностей чухарей.

4. Расширить школьную сеть в Чухарии, разработать методы обучения в чухарских школах (задача местных советов ГУБОНО и УОНО), озаботиться соответствующей подготовкой учителей для этих школ, может быть, издать приспособленную учебную литературу для чухарей (по крайней мере — букварь).

5. Аналогичные мероприятия провести в области политпросветительной работы среди чухарей (расширение сети изб-читален, приспособление всей работы к бытовым и национальным условиям, подготовка работников).

6. Организовать в Чухарии здравоохранение: одну больницу на весь край с разъездным врачом и ряд дополнительных фельдшерских пунктов. Кроме того, оборудовать и снабдить медикаментами существующие пункты, прекратить практикующиеся в настоящее время поборы фельдшеров с населения и пр.

7. Поставить в крае агропомощь и агропропаганду. Желательно льготное снабжение чухарей орудиями и семенами.

8. Развить в Чухарии кооперацию — потребительскую и сельскохозяйственную с кредитной.

9. В связи со всеми намеченными мероприятиями дать в той или иной форме финансовую помощь Чухарскому краю» [5 : 260—261].

Этот хороший план мог быть реализован полностью лишь при условии выделения населенной вепсами территории в самостоятельную административную единицу. Но, к сожалению, В. И. Равдоникас исследовал лишь вепсов Тихвинского уезда и имел довольно смутное представление в целом о вепском крае, общей численности народа и даже о местах его расселения, чего впрочем и сам не отрицал, предлагая организовать «научное изучение чухарей». Однако отсутствие объективных и полных данных о вепсах не помешало В. И. Равдоникасу сделать довольно категоричный общий вывод, что «... чухарей не так уж много, а самое главное, они народность исчезающая, растворяющаяся в окружающей, засасывающей их и ассимилирующей русской массе... У чухарей, по-видимому, нет национального чувства и к русификации они относятся с полным равнодушием и потому национальная автономия им не нужна» [5 : 260].

Трудно сказать, в какой мере была взята во внимание точка зрения В. И. Равдоникаса, но административно вепсы так и не были объединены. По этой причине реализовать полностью намеченный план оказалось невозможным, и многие проблемы развития народности в 20—30-е годы остались нерешенными.

В послевоенные годы в печати стали проскальзывать уже иные объяснения отсутствия у вепсов автономии.

«Ввиду разбросанности территории расселения вепсов (подчеркнуто мной. — А. П.) и невозможности ее выделить Советская власть пошла по пути создания национальных сельских советов»

[4:106], но достаточно взглянуть на карту (см. рис. 1 на с. 5), чтобы убедиться в том, что разбросанности территории не было и нет, есть административно-территориальная обособленность вепских групп как естественный результат отсутствия единой автономии.

На рубеже 20—30-х годов был создан вепский национальный район с центром в Винницах, включавший 9 вепских сельских советов, в соседних районах образованы еще 15 вепских национальных сельсоветов, были открыты школы, больницы, библиотеки, и, как итог, в 30-е годы резко повысился уровень национального самосознания народа. Именно на 30-е годы приходится самая высокая численность вепсов — около 35 тысяч [4:105]. В качестве примера можно привести архивные документы по куйско-пондальским вепсам (Шольский район Ленинградской — ныне Бабаевский Вологодской области). Вот выдержки из отчета райисполкома «О работе среди нацменьшинств»:

«1. Председатели, секретари и счетоводы Куйского и Пондальского сельсоветов вепсы. В каждом сельсовете, кроме того, по полтора месяца работали практиканты областной школы нацменов.

2. Колхозники полностью обеспечены плугами и железными боронами, молотилками, жатками. Коллективизация по Куйскому сельсовету 100 процентов, по Пондальскому — 85. По сравнению со всеми другими сельсоветами района эти идут впереди. Куйский сельсовет премирован трактором. По подписке на заем впереди также Куйский сельсовет. Летом из 14 колхозов в 13 работали столовые, а ясли — во всех колхозах.

3. Школы: в Куде — 4, в Пондале — 1. Охвачено всеобщим: начальная школа — 242 человека из 280, ШКМ — 65 из 85.

Соображения в отношении возможностей оказать помощь Куйскому и Пондальскому нацменовским сельсоветам:

1. Открыть МТС в 1933 г.

2. Развить курсовую работу по подготовке из числа вепсов колхозных и советских кадров. При куйской школе организовать кружок колхозных кадров. Организовать заочную учебу.

3. Открыть общественные столовые в колхозах, ясли, очаги развития дела здравоохранения. Открыть куйскую больницу и фельдшерский пункт в Пондале» [2].

Следует сказать, что намеченное было полностью выполнено.

Аналогичная работа проводилась во всех 24 вепских сельсоветах. На еще более высокий уровень она была поднята в вепском национальном районе. Но все это оказалось лишь кратковременной вспышкой и не могло получить своего развития вследствие административной разобщенности.

В самом деле, о каком всестороннем и гармоничном развитии народа может идти речь, если этот народ как единое целое раз-

делен межобластными границами, а внутри областей еще раз искромсан границами районов, составляя в каждой области и районе ничтожное меньшинство от его населения.

Административная разобщенность была бы естественна и понятна, если бы, скажем, вепсы Карелии жили где-нибудь на севере республики, ленинградские — на юго-западе области, а вологодские — на востоке Вологодчины. Но территория, обжитая вепсами, почти едина. На всем пространстве от Надпорожья до Пондалы — с запада на восток (100 км) и от Немжи до Радогочи — с севера на юг (90 км) издавна жили и сегодня живут в основном только вепсы, но они отрезаны друг от друга границами. Сейчас, чтобы попасть из Пяжозера в Озера, надо ехать около полутора суток и преодолеть расстояние в 570 километров с тремя пересадками на автомобильном и железнодорожном транспорте, хотя от Озер до Пяжозера по старой гужевой дороге прошлого века немногим более 50 км.

За пятьдесят лет существования Вологодской области (образована в 1937 г.) межобластная граница полностью отделила вологодских вепсов от ленинградских. Упомянутые выше прямые тропы и дороги, существовавшие на рубеже веков между шимозерскими и оятскими вепсами, утратили роль контактных путей после того, как ушли из жизни вепсов ярмарки, храмовые и престольные праздники, а вепсский крестьянин лишился в своем хозяйстве лошади.

В конце 1937 г. в Вологодскую область было передано 9 сельских советов с вепским населением, примерно около восьми тысяч вепсов. Только шимозерских вепсов насчитывалось более пяти тысяч. К сожалению, точных данных о количестве вепсов в Вологодской области нет.

В партийном и государственном архивах Вологды послевоенного времени не оказалось ни одного документа, где бы рассматривался вопрос о положении вепсов в области. А оно к началу 50-х годов стало критическим. Урожайность зерновых — 3—4 центнера зерна с гектара, годовой удой от коровы — 300—350 литров, заработок колхозников — 80—100 рублей в год (в масштабе цен до 1961 г.). Отсутствовала техника, не было электричества, шоссейных дорог. В пору весенней и осенней распутицы на вьючных лошадях доставлялись за 50 с лишним километров все грузы, включая соль и керосин.

В 1953 г. Вологодский обком КПСС рассматривал вопрос «О мерах помощи Оштинскому району». В протоколе № 60 от 19 августа 1953 года записано: «Учитывая, что в колхозах Нажмозерского, Кривозерского, Торозерского, Пяжозерского сельсоветов крайне мелка контурность сельхозугодий с наличием большого количества камня, вследствие чего не применяется техника, а в то же время имеются большие площади земли на территории

Оштинского сельсовета, которые в настоящее время не используются, поручить областному управлению сельского хозяйства и заготовок в сентябре текущего года подготовить вопрос о целесообразности и возможности переселения этих колхозов и внести свои предложения облисполкому» [1].

Все перечисленные сельсоветы были полностью заселены только вепсами, но в решении обкома об этом нет ни слова. Было предложено в месячный срок решить судьбу народа, который жил на этой земле на протяжении многих веков. Решить не как-нибудь, а методом сселения. А подано это было как «мера помощи»!

Сселение не состоялось: добровольцев навсегда покинуть землю предков не нашлось, принудительно селять не решились, но за два года вепские колхозы Шимозерья не получили от властей ни рубля помощи, ни одного отремонтированного километра единственной дороги Шимозеро — Ошта, ведущей в сердце шимозерского края от районного центра.

А через два года Оштинский район был упразднен. Шимозерские вепсы оказались на отдаленной окраине Вытегорского района, а отсеченные от них вепсы Пяжозера, Куи и Пондалы — на окраине Бабаевского района. Таким образом, административные связи в соответствии с новой подчиненностью были направлены в диаметрально противоположные стороны: Шимозера — на север, 110 км, Пяжозера, Куи и Пондалы — на юг, 117 км.

Перед вепсами Шимозера, оказавшимися на задворках района в результате административного деления, доведенными до отчаяния равнодушием властей, неоплачиваемым трудом, нуждой и, главное, полной безнадежностью на какое бы то ни было улучшение жизни в будущем, во всей своей грозной реальности встала проблема — выжить.

В середине августа 1958 г. колхоз «Путь Октября» (Кривоозеро) решил переселиться в колхоз им. Ленина Винницкого района Ленинградской области. Затем опустели торозерские и нажмозерские деревни.

Встревоженный таким оборотом дела Вытегорский райком партии весной 1959 г. послал в центр Шимозера, в колхоз «Нацмен», двух уполномоченных с заданием убедить шимозерцев переселиться в Ошту. Но колхоз «Нацмен» принял решение объединиться с колхозом «Путь к коммунизму» Подпорожского района.

На берегах Шимозера остался последний колхоз «Путь Ленина» — Пелкаский сельсовет. В протоколе общего собрания колхозников (лето 1959 г.) записано: «Общее собрание считает, что сложившиеся местные условия связаны со множеством трудностей. Дорога, связывающая колхоз с райцентром, большую часть года является непроезжей и своими силами отремонтировать ее колхоз не в состоянии. К тому же организации и учреждения бывшего Шимозерского сельсовета — больница, семилетняя шко-

ла, маслозавод, центральная почта и др. — упразднены. Колхоз не имеет перспектив на дальнейший подъем производства».

Пелкасса решила объединиться с сельхозартелью «Новый путь» Подпорожского района Ленинградской области. Осенью 1959 г. последние вепсы Шимозерского края покинули свои деревни.

В 1960 году Вологодским облисполкомом и Министерством сельского хозяйства РСФСР было принято решение о зачислении в гослесфонд 15746 гектаров леса, ранее принадлежавших шимозерским колхозам, с общим запасом древесины 1 миллион 140 тыс. кубометров. Сельскохозяйственные угодья прекративших существование колхозов предлагалось использовать «по назначению».

За последние 50 лет мы привыкли к тому, что границы районов как административных единиц многократно перекраивались. Изменение границ административных районов с разнородным национальным составом должно осуществляться только с учетом национальных интересов всех живущих в этом регионе народов и только в интересах этих народов; в нашем регионе — в интересах как русских, так и вепсов. То, что творилось с перекраиванием районных границ на вепской и примыкающей к ней русской территории в Вологодской и Ленинградской областях, ничего общего не имело с практикой ленинской национальной политики, ибо было направлено на форсирование процесса ассимиляции, на создание искусственных трудностей и без того нелегкой жизни малого народа.

В довоенное время вепсы не получили автономии. Но что мешало в послевоенные годы объединить всех вепсов Ленинградской области в одном районе? Что помешало объединить в одном административном районе всех вепсов Вологодчины, сделав райцентром то же Шимозеро?

Трагедия Шимозера не должна повториться ни в Пяозере, ни в Пондале, ни в Корвале, ни в Ладве, ни в любом ином населенном вепсами месте. А чтобы этого не случилось, все современные вепсы Карелии, Ленинградской и Вологодской областей должны быть объединены.

Автономия (в форме вепского автономного округа в составе, скажем, Ленинградской области или Карельской АССР) сама по себе не развяжет все узлы и не обеспечит гармоничное развитие региона с учетом всех местных условий и особенностей. Выделение вепской территории в самостоятельную административную единицу — лишь первый, хотя и главный шаг, за которым должен последовать целый ряд мер социального и экономического характера. Выработка этих мер — компетенция ученых и специалистов. Однако, исходя из реальной обстановки, которая сложилась на вепской территории к настоящему времени, позво-

лю себе высказать несколько предложений, реализация которых, на мой взгляд, положительно повлияла бы на развитие региона и подняла бы уровень национального самосознания вепсов.

1. Предоставление вепсам статуса народов Севера.

2. Введение преподавания во всех школах, где учатся вепские дети, «Родного языка», «Родной речи» и «Народоведения».

3. Прекращение нескоординированной массовой заготовки леса, которую в настоящее время ведут в регионе различные министерства и ведомства без учета перспективы развития района. Возобновление лесозаготовок допустить лишь после того, как на выделенной вепской территории будет точно установлен запас спелой древесины и определена оптимальная расчетная лесосека.

4. Проектирование и прокладка дорожной сети с тем, чтобы связать между собой основные группы вепских поселений (с севера на юг — от Озер через Мягозеро, Корвалу, Прокушево до Радогощи, с запада на восток — от Ладвы через Шимозеро до Пондалы). Для удешевления строительства использовать ныне существующие и строящиеся лесовозные дороги с передачей их из ведомственной подчиненности Леноблисполкому и Минавтошосдору.

5. Предоставление населению вепского региона льгот временного характера:

— бесплатный отпуск леса для строительства домов и надворных построек в отдаленных и заново отстраивающихся деревнях;

— льготный кредит на приобретение в личное пользование сельскохозяйственной техники и других орудий производства для семейного подряда;

— вепским семьям, проживающим и работающим в сельской местности, разрешить (без увеличения налогового обложения) содержать в личном хозяйстве одну рабочую лошадь;

— увеличить размер приусадебных участков (исходя из потребностей каждого двора) и закрепить за семьями в долгосрочное пользование отдаленные, неиспользуемые сенокосные угодья; разрешить беспопшлинную заготовку сырья для занятий на договорных началах традиционными промыслами (плетение из бересты и корней деревьев, керамика, изготовление долбленых челноков и т. п.);

— разрешить регламентированный лов рыбы традиционными орудиями лова в водоемах, по берегам которых располагаются деревни, а также в озерах, не освоенных промысловым ловом.

Ни одна из вышеперечисленных мер (кроме дорожного строительства) не потребует больших капиталовложений, и никого не должно смущать, что вепский автономный округ (или район) на карте Северо-Запада России изначально будет представлять собой белое пятно со слабо развитым хозяйством и экономикой, особенно в южной и восточной части. По всей необъятной Рос-

сии сегодня работают тысячи вепсов — квалифицированных специалистов во всех отраслях хозяйственной деятельности человека. Кроме того, среди вепсов есть сегодня ученые, работники искусств, архитекторы, врачи, учителя, инженеры, строители. Отсутствие своего «угла» разметало их по нашей стране, ибо на родной земле, на этих осколках географически единой, но административно разобщенной этнической территории, пока нет им сферы приложения своих сил, знаний, навыков, опыта и энергии. Создание вепской автономии в центре треугольника Петрозаводск — Ленинград — Вологда и предоставление временных льгот неудержимо повлечет вепсов в свой полуопустевший, бездорожный, но дорогой край. И каждый вепс будет счастлив вложить лепту своего созидательного труда в возрождение земли, на которой он появился на свет и которая сегодня переживает, может быть, самый решающий момент в своей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вологодский областной государственный архив, ф. 2522, оп. 35, ед. хр. 23, л. 256.
2. Вологодский областной государственный архив, ф. 859, оп. 27, д. 62, л. 10, 18—25.
3. Майнов В. Приоятская чуда//Древняя и новая Россия. СПб., 1877. № 5. С. 38—53.
4. Муллонен М. Вепская письменность//Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967.
5. Равдоникас В. И. Чухари//Тихвинский край. Тихвин, 1926. С. 242—262.

С. И. Кочкуркина

ДРЕВНИЕ ВЕПСЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Многие исследователи предками вепсов считают племя весь. Русские летописи упоминают о ней в событиях, записанных под 859 и 862 гг., когда группа северных племен вначале сообща выступила против варягов, а затем призвала их. В «Повести временных лет» весь упоминается под 882 г. в связи с походом князя Олега на Смоленск, Любеч и Киев. В этом походе, закончившемся вокняжением Олега в Киеве, участвовали варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи. Отсутствие в дальнейшем упоминаний о веси, возможно, связано с тем, что она могла выступать на страницах русских летописей под собирательным именем чудь. Русские источники местожительством веси называли Белое озеро: «А на Беле озере седять весь» [8 : 160].

Между тем освоение вепсами Межозерья началось, судя по языковым данным, с южного Присвирья (реки Оять, Паша с притоком — р. Капшой, Свирь), а заселение восточной периферии вепсского ареала (Верхневолжский бассейн) — с берегов р. Ояти и ее притоков. Прибалтийско-финский пласт в топонимии рек Сясь и Тихвинка выражен неотчетливо, возможно, потому, что малочисленное прибалтийско-финское население здесь быстро обрусело, а прибалтийско-финская топонимия подверглась нивелирующему воздействию русского языка [4].

Юго-Восточное Приладжье и район Прионежья (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Оять, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица и северное побережье Онежского озера) в X—XIII вв. были территорией сосредоточения курганов — погребальных памятников, оставленных прибалтийско-финским населением, по мнению большинства исследователей, предками современных вепсов, до сих пор живущих на р. Ояти [1, 3, 7]. Для доказательства этой точки зрения проводилось широкое сравнение в области материальной культуры, прикладного искусства населения р. Ояти X—XIII вв., в наибольшей чистоте сохранившего своеобразие черты, и поздних вепсов. Определенное сходство наблюдалось в орнаментации тканей, производстве глиняной посуды и, возможно,

резьбе по дереву. Основной круг мотивов в изобразительном искусстве велсов, сформировавшийся в начале II тысячелетия н. э., отразился в поздневелсском искусстве. Несмотря на то что этнические характеристики искусства менялись во времени (проявившись наиболее ярко в древнем периоде истории, они исчезают на поздних этапах развития велсского искусства), отдельные национальные черты до сих пор сохранились в материальной и духовной культуре велсов [2: 189].

Очень важным для доказательства принадлежности оятских курганов летописной веси является исследование гидронимии р. Ояти. Самыми древними оказались саамские названия водных объектов, за ними по времени идут велские гидронимы и, наконец, русские, которые появляются примерно в XI—XII вв., но их немного [6].

Итак, курганы р. Ояти X—XIII вв. полнее, чем памятники других районов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья, характеризуют культуру древних велсов.

Курганы — небольшие округлые насыпи высотой 0,6—3 м, диаметром 5—12 м (иногда и больше) — содержат захоронения умерших. По представлениям той поры, умирая, люди меняли только жилище и в загробном мире продолжали ту же жизнь, что и на земле, поэтому умершего сопровождали те же вещи, которыми он пользовался при жизни. Женщина погребалась в праздничной одежде, украшенной бронзовыми и серебряными ювелирными изделиями, мужчина — с оружием. Внутреннее устройство кургана с очагом, сопровождавшимся бытовым инвентарем, напоминало жилище.

К настоящему времени на р. Ояти раскопано 247 курганов, содержащих богатый инвентарь. Интерес к ним возник давно. В XVIII в. вскрытие курганов носило хищнический характер, в результате почти все нераскопанные памятники в большей или меньшей степени повреждены. Научные интересы к курганам проявились у Д. Европеуса и Е. В. Барсова. В 70-е гг. XIX в. финляндский ученый Д. Европеус совершил ряд научных поездок по рекам Приладожья и раскопал немало курганов. К сожалению, сам он не обработал материалы раскопок, позднее за него это сделал другой финляндский исследователь (вещи хранятся в Национальном музее в Хельсинки). Е. В. Барсов в период своей службы в Петрозаводске вел активную краеведческую работу по археологии, истории, этнографии и фольклору Олонецкого края. Добытые им археологические материалы хранились в Петрозаводском краеведческом музее, но во время войны были утрачены.

В 1878—1884 гг. значительные исследования в Приладожье проводил Н. Е. Бранденбург. Его образованность, точность и тщательность, присущие людям военной науки, самым положительным образом сказались на качестве работ. Раскопки курга-

нов произведены им на высоком для того времени методическом уровне. Большая часть материалов хранится в Государственном Историческом музее (Москва) и меньшая — в Эрмитаже.

В 20—40-е годы нашего столетия изучением курганов Приладожского региона занимался известный ленинградский ученый В. И. Равдоникас. Большая заслуга в исследовании оятских памятников принадлежит А. М. Линевскому — археологу, этнографу, историку, известному карельскому писателю. За 1947—1949 гг. под его руководством раскопано 174 кургана. Богатейшие их материалы находятся в фондах Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Предметы материальной культуры, добытые при раскопках курганов, являются главным источником при изучении древней истории велсов X—XIII вв.

При сооружении кургана сначала сжигали кустарник и траву, разравнивали площадку, затем готовили очаг-костер. Останки умерших — сожженные и несожженные — укладывались по разные стороны от очага: женские — в западной части кургана, мужские — в восточной. Иногда до захоронения возводилась небольшая насыпь до 20—50 см высотой, на которой производили захоронение. На прогоревший костер (очаг) ставили кухонный инвентарь: железный (или бронзовый) котел с цепью для подвешивания, сковороду, сковородник, лопатку, горшки. Но полный набор перечисленных вещей редок в кургане, чаще присутствовал один или несколько предметов. После завершения ритуала курган насыпался до нужной высоты.

В погребальной обрядности оятского населения X—XIII вв. отмечены такие своеобразные черты, как заворачивание сожженных костей и вещей в бересту, покрывание покойных берестой. Позднее используются могильные ямы, деревянные срубы, колоды, гробовища, в которых умершие размещались чаще всего головами на юг, иногда на восток и запад. Захоронение по обряду сожжения существовало лишь в X — начале XI в. Зафиксированы и захоронения отдельных черепов, человеческие жертвоприношения. Видимо, такая участь постигала рабов, а также погибших в результате родовых распрей и междоусобиц или в боях. В курганах погребалось взрослое население, изредка подростки. Для детей, вероятно, существовал иной способ захоронения.

Для оятских памятников характерно присутствие подарков умершему в виде монет, ожерелий из бус и других предметов. При раскопках собраны кости домашних животных: коровы, овцы, свиньи; промысловых: кабана, лося, медведя. Обнаружены кости птиц, захоронения лошадей. Найдены кусочки меха медведя, белки, хорька. В дальнейшем в связи с христианизацией населения особенности погребальных обрядов нивелируются и выработывается единая погребальная обрядность. В курганах, расположенных вблизи административных и культурных центров

того времени — погостов, исчезают богатые захоронения, поскольку, видимо, феодальная верхушка приняла христианскую религию и стала хоронить людей своего круга на церковных кладбищах. Но вдали от погостов население продолжало соблюдать языческие обряды. В начале XIII в. курганы как форма погребальной обрядности перестают существовать.

Восстановлению событий далекого прошлого древних вепсов способствуют не только богатые материалы приладожских курганов, но и памятники соседних территорий и прежде всего Ладogi и ее округи. В IX—XI вв. Ладога представляла собой мощную крепость государственного значения, цветущий торговый и ремесленный центр. В сфере ее интересов оказалось и Приладожье. Именно с Ладогой у населения Приладожья в первую очередь установились экономические, политические и культурные взаимоотношения, благодаря которым в Приладожье появились некоторые ювелирные изделия, посуда, оружие, передовая технология кузнечного ремесла.

Связи с Ладогой обусловили не только внешние, но и серьезные внутренние изменения в жизни оятского населения, в результате которых происходило разрушение родо-племенных устоев и консолидация населения, приведшая со временем к образованию народности.

С XI в. у приладожского населения обозначились тесные связи с Новгородом. Единственный документ, сохранившийся от тех времен, — Уставная грамота Святослава Ольговича. Князь Святослав Ольгович вступил на новгородский престол в трудное время. Он прибыл из Чернигова в Новгород 19 июля 1136 г., после того как новгородцы подняли восстание против князя Всеволода Мстиславича, правившего в Новгороде. За четыре дня до приезда Святослава новгородцы выпускают Всеволода из заточения. Конфликтная ситуация осложняется еще и тем, что против Святослава открыто выступает епископ Нифонт. По словам летописца, «и не бе мира с ними (псковичами), ни с суждальци, ни смоляныи, ни с полочаны, ни с кыяны». В результате этих событий в первой половине XII в. и появляется Уставная грамота Святослава Ольговича, по которой церковная власть имела право собирать десятину с территории Приладожья в свою пользу. Князю Святославу пришлось уступить Нифонту. К тому же Новгород переживал голодную блокаду, которая ухудшила положение народа. Новгородцы двинулись на север в поисках свободных земель и, в частности, в Приладожье.

К Уставной грамоте 1137 г. есть приписка, начинающаяся словами: «А се Обонъзъскыи ряд», которая датируется более поздним временем (XIII в.), чем сама грамота. В ней перечисляются населенные пункты Обонежья, с которых причитается определенная сумма в пользу церкви. Из 14 названных пунктов три

приходятся на Оять: «Юскола», «Тервиничи», «Вьюница». Интересно, что взимаемая сумма с населения среднего течения р. Ояти и Олонца более высокая (три гривны), чем с других (одна гривна) [5: 176].

Приладожье находилось вблизи важнейших торговых путей раннефеодальной эпохи. Большую роль играл балтийско-волжский путь, по которому осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Византией, Поволжьем и странами Арабского Востока. Приладожье занимало видное место как во внутренней, так и во внешней торговле. Оно являлось крупным поставщиком пушнины, которая была ходовым товаром на всех рынках мира. Вот почему в курганах р. Ояти найдены 64 серебряные западно-европейские монеты X—XI вв.: английские, немецкие, чешские, а также византийские. 19 восточных монет чеканены при династиях Саманидов, Омейядов, Аббасидов, Окайлидов, правивших в VIII—X вв. У д. Шириничи в конце XIX в. обнаружен клад из 213 немецких монет и одной датской, который попал в землю около 1070 г. Свидетелями торговых операций являются сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия.

Продукция ювелирного ремесла представлена украшениями для женского костюма. С помощью изделий из цветных металлов удается выявить конкретные исторические связи народа с различными, порой весьма удаленными территориями на определенных временных отрезках. Так, для женского комплекта украшений X в. (рис. 1) характерны гривны — шейные обручи, изготовленные из железа, бронзы и изредка серебра. Наиболее употребительными в это время были гривны из круглой проволоки, один конец которой заканчивался многогранной головкой, а другой — петлей. Они импортировались из Финляндии и Прибалтики. У населения р. Ояти проявилась особая склонность к бусам. В курганах представлены целые ожерелья из сердоликовых, стеклянных, пастовых глазчатых бусин. Уникальна низка бус массой около 800 г, состоявшая из очень крупных черных глазчатых бусин. Такие бусы изготовлялись, скорее всего, в Византии и попали на Оять в результате торговых контактов.

На предплечьях одежда крепилась парными овально-выпуклыми фибулами-застежками западно-европейского, точнее, скандинавского происхождения. Эти фибулы получили широкое распространение не только в Скандинавии, но и в Центральной Европе, на территории Советского Союза. Наиболее часто встречались двускорлупные фибулы: верхняя, иногда позолоченная «скорлупка» накладывалась на нижнюю гладкую, по ободку которой шел орнамент. Поверхность фибулы покрывалась узором в виде ленточного плетения, изображениями переплетающихся чудовищ, стилизованных масок. Фибулы соединялись друг с другом цепочками или низками бус. Вместо скорлупообразных фибул могли

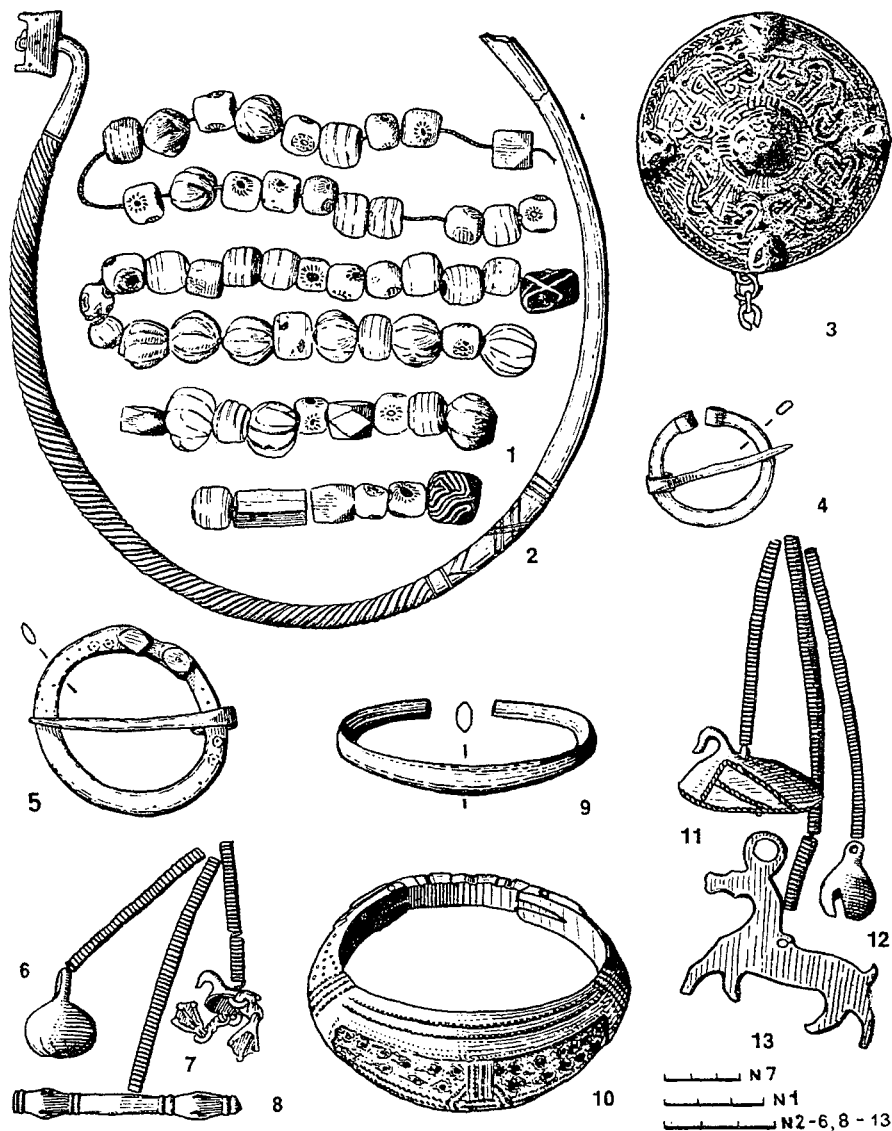

Рис. 1. Женские украшения X века

1 — стеклянные и сердоликовые бусы; 2 — гривна; 3 — 5 — фибулы; 6, 12 — бубенчики; 7, 11 — шумящие подвески-уточки; 8 — игольник; 9, 10 — браслеты; 13 — пластинчатая подвеска

использоваться подковообразные. На груди (в центре) располагалась трилистная или щитообразная фибула тоже скандинавского происхождения. На руках носили массивные бронзовые браслеты. Выпуклая, ажурная верхняя часть браслета украшалась кусочками драгоценных металлов (к сожалению, при раскопках они не обнаружены).

Не все предметы в женском костюме X в. были западно-европейскими. К парным фибулам на длинных спиральках подвешивались пластинчатые и объемные подвески-уточки, бубенчики, бусы-«флакончики» (рис. 2), ножи в ножнах и т. д., характерные

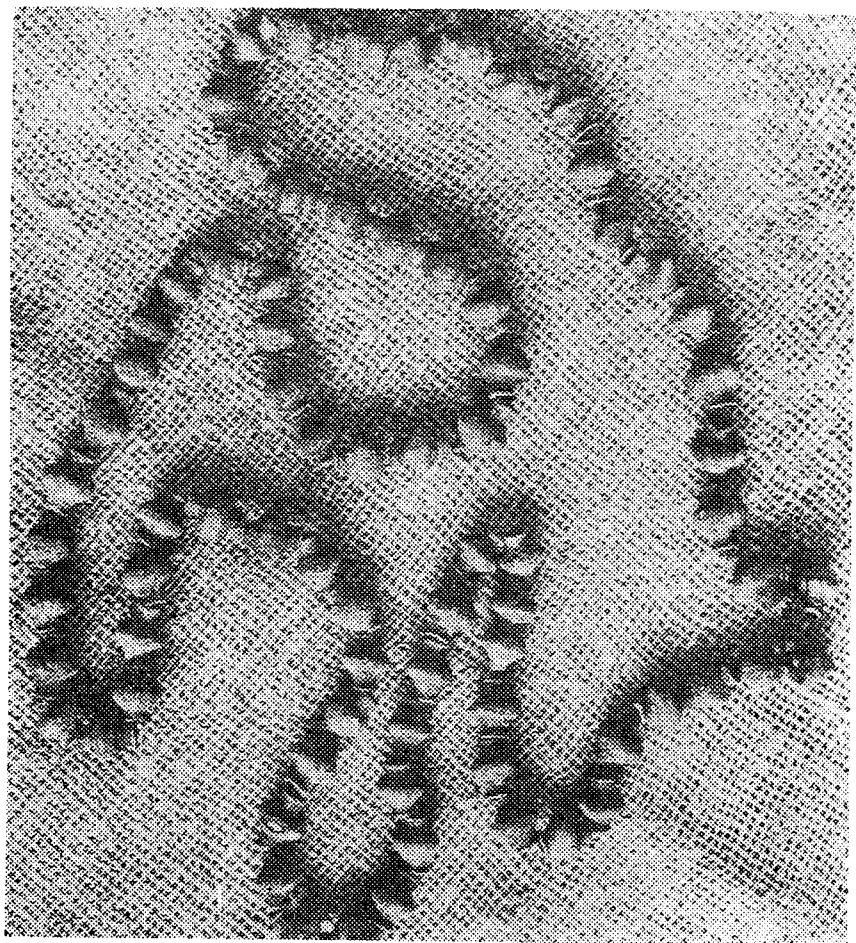

Рис. 2. Бусы-«флакончики». Фото М. Федорова

для финно-угорского мира. К началу XI в. число таких украшений увеличивается. Появляются копоушки, названные так археологами, поскольку использовались они для чистки ушей и в качестве украшений. Кроме того, входят в употребление бронзовые амулеты в виде ключей, ложечек, кресала для высекания огня с бронзовыми рукоятями и пластинчатые с ушками и прочие предметы.

В XI в. многие западно-европейские вещи исчезают, вместо них появляются разнообразные древневепские украшения, изображающие птиц и животных, к которым в свою очередь подвешивались на цепочках колоколообразные подвески, привески в виде лапок водоплавающих птиц, так называемые шумящие украшения, при движении издававшие мелодичные звуки. В целом же для женского костюма по-прежнему характерно обилие бронзовых украшений на груди, поясе и руках.

В XI—XII вв. в обиход входят славянские изделия. В одних случаях они свидетельствуют о славянском влиянии, в других — о наличии славян в древневепской среде (о движении славян на север и земли древних вепсов уже упоминалось в связи с Уставной грамотой Святослава Ольговича). Разнообразные височные кольца являлись украшением для головы. Они делались из бронзы или серебра и крепились ремешками к вискам по несколько штук с каждой стороны. Крестики и крестовидные подвески, серебро- и золотостеклянные бусы, витые браслеты, игольники (в них хранились швейные иглы) с ажурными или сплошными орнаментированными навершиями подвешивались к поясу на шнурках или ремешках и дополняли комплект украшений.

В XII—XIII вв. набор женских украшений (рис. 3) становится более скромным: конические шумящие изделия с бутылкообразными или лапчатыми привесками, бронзовые бусы с напаянными кружочками, височные кольца, браслеты.

В мужских захоронениях X в. обнаружены мечи, наконечники копий и стрел, топоры, которые соответствовали уровню развития военного снаряжения того времени и ничем не отличались от древнерусских. Это вооружение, скорее всего, закупалось в древнерусских городах. Необходимо заметить, что оятское население, судя по небольшому, по сравнению с другими районами Приладожья, количеству оружия, найденному в курганах, не отличалось особой воинственностью. Известны всего три меча. У одного на лезвии дамаскированный узор, у другого рукоять плотно обвита серебряной проволокой, от третьего остались лишь обломки. Такие мечи встречены во многих странах Центральной и Северной Европы, а также на территории Руси в X—первой половине XI в.

Разнообразны кузнечные изделия (ножи, огнива, ключи), ко-

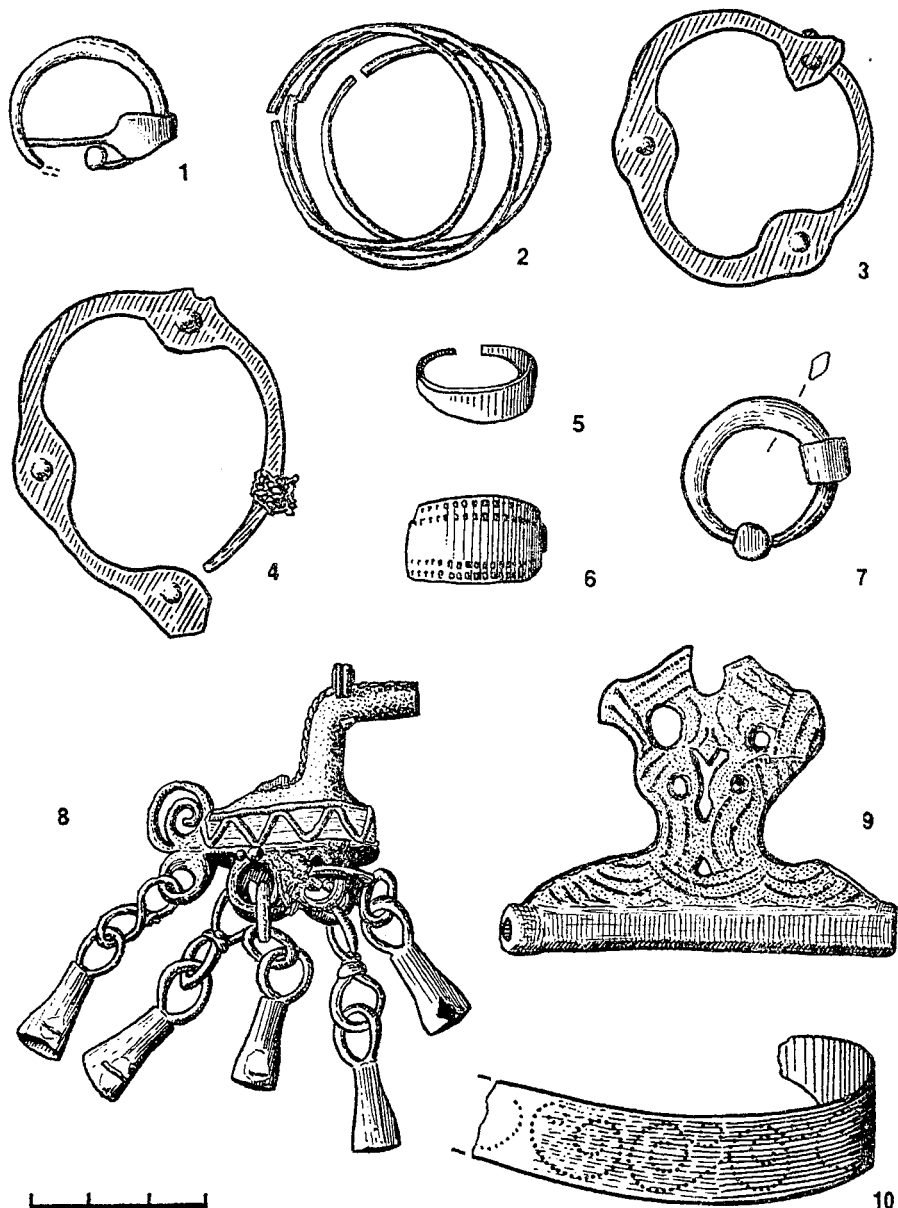

Рис. 3. Женские украшения XII—XIII веков

1 — стеклянные и сердоликовые бусы; 2 — гривна; 3 — 5 — фибулы; 6, 12 — бубенчики; 7, 11 — шумящие подвески-уточки; 8 — игольник; 8, 10 — браслеты; 13 — пластинчатая подвеска

торыми пользовалось население р. Ояти в X—XIII вв. (рис. 4). Было проведено металлографическое исследование структуры кузнечных изделий и получены интересные результаты. Оказалось, что использовались те же технологические схемы, что и в древнерусском кузнечном ремесле. Наиболее распространена, хотя и чрезвычайно трудоемка, технология трехслойного пакета. В центре изделия с выходом на лезвие располагалась стальная полоса, а по бокам — две железные. Получалось самозатачивающееся лезвие. Однако стремление к рациональному расходованию металла привело к более экономичной технологии: вварка стального лезвия в железную основу, торцовая наварка стального лезвия на железную основу предмета (со временем стальная полоса утончалась). Изготавливались цельностальные клинки и цельножелезные изделия. Широко применялась термическая обработка.

Оятские кузнецы осваивали позаимствованную у ладожских мастеров сложную технологию. В пользу местного изготовления ножей свидетельствует наличие брака. Так, у шести ножей, сде-

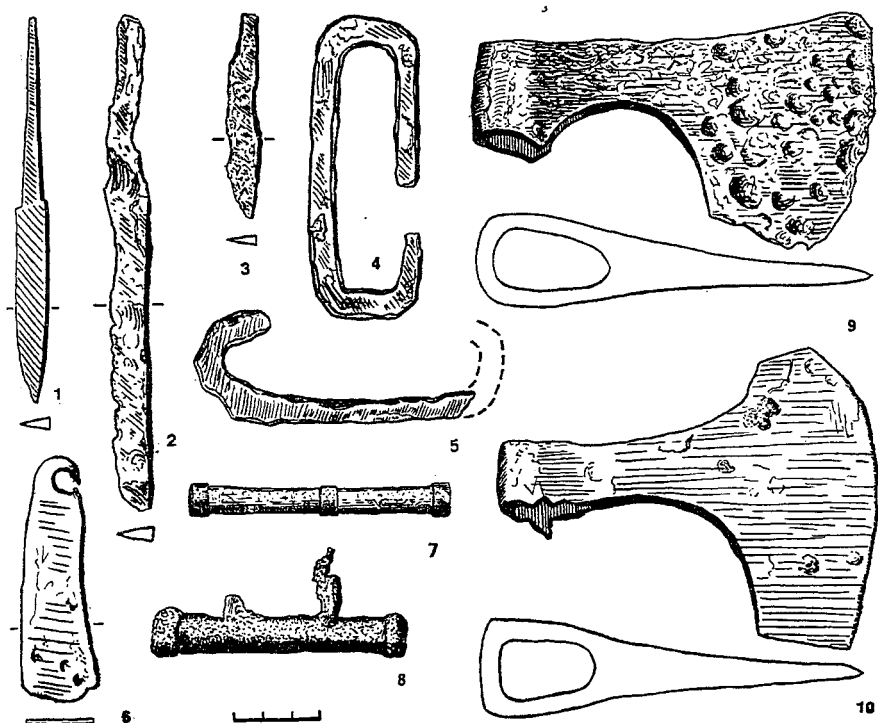

Рис. 4. Железные изделия из оятских курганов

1—3 — ножи; 4—6 — кресала; 7, 8 — игольники; 9, 10 — топоры

ланных по схеме трехслойного пакета, лишь на одном кузнеч ошибся: вместо центральной стальной полосы вставил железную, в то время как по краям наварил высокоуглеродистую сталь. В местных же традициях выполнены пластинчатые кресала [10].

В изготовлении глиняной посуды жители р. Ояти прошли несколько этапов и в конце концов достигли определенного совершенства. Если в X в. она делалась вручную из грубого с примесью зерен кварца теста, то в середине XI в. появляются сосуды, изготовленные на гончарном круге (рис. 5). Они представляют

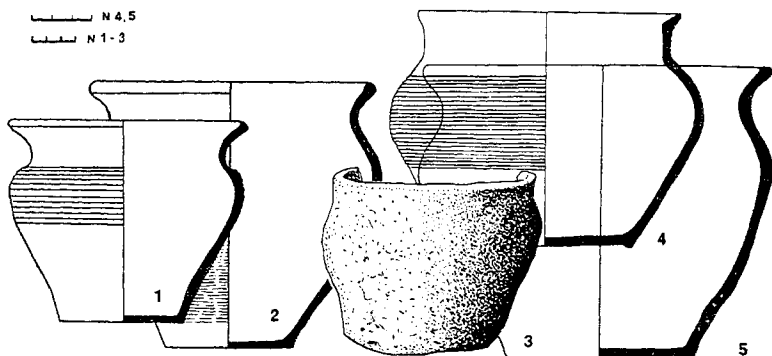

Рис. 5. Лепная и гончарная керамика

собой типичные древнерусские горшки. Некоторые из них, видимо, были привезены с Ладоги и из Новгорода. С юга нашей страны попал к жителям Ояти кувшин оранжевого цвета из глиняного теста высокого качества. Традиции изготовления глиняной посуды надолго сохранились у древних велсов. Некогда существовали центры гончарного производства в Соцком погосте на р. Ояти и в Андоме. Когда А. М. Линевский в 1950 г. показывал жителям р. Ояти добытые из курганов горшки, то они признавали их за андомские. Еще в 30-х годах нашего столетия гончарство было развито в населенных пунктах среднего течения р. Ояти, откуда поступали изделия в Ленинград, Петрозаводск, Белозерье, Тихвин [2 : 157—158].

О железных и бронзовых котлах, сковородниках и сковородках, лопатках уже говорилось при описании очага и очажного инвентаря в кургане. Они широко использовались и в быту.

Древние велсы шили одежду из шерстяных, льняных и конопляных тканей. Шерстяная одежда двух видов: грубая из ниток неравномерной толщины и тонкое кустарное сукно. Сырьем служила шерсть груборунной овцы местной породы, которая большую часть года содержалась на подножном корме. Ткани, сотканые на ткацком стане, имели полотняное или саржевое перепле-

тение. Пояса, тесьма, ленты изготовлялись нестаночным методом. Их плели на вилочке, ткали на дощечках.

Шелковые ткани попадали к древним вепсам из среднеазиатских стран в результате многоэтапных торговых контактов. Сохранился фрагмент ткани «занданачи», получившей название от бухарского селения Зандана. Высокий технический и художественный уровень тканей обеспечил им мировую известность. Еще два фрагмента шелковых тканей являются остатками воротников, вышитых золотыми нитями. Воротники сделаны из плотного, безузорного шелка фиолетового цвета полотняного переплетения, видимо, византийского происхождения. Один украшен бисеринками, другой — двумя рядами стеклянных голубых бусинок (он застегивался сзади на бронзовую пуговку).

На воротниках — золотая вышивка шириной 3 см. Орнамент состоит из повторяющихся, плотно примыкающих друг к другу полуциркульных арочек, в которых помещены крылатые грифоны и изображения «древа жизни». Вышивка выполнена способом на проем или в прокол серебряными, позолоченными нитями, спряденными на шелковую или льняную нитку. Вышивальщицы, чтобы не повредить дорогой шелк, вначале делали в шелке отверстия с помощью тонких костяных проколов, а потом уже через них пропускали иглу с металлической нитью. В результате такой работы на изнанке получались короткие стежки, а на лицевой — длинные. Таким образом создавалась блестящая поверхность вышивки [9 : 204—207].

Золотное шитье было известно в X—XII вв. не только на Руси, оно получило распространение и в странах Западной Европы, и в Византии. Оятская вышивка, хотя и не отличается по технике исполнения от других подобных изделий, но оригинальна рисунком: такие грифоны ранее на вышивках не встречались. Видимо, воротники сделаны оятскими мастерицами, которые попытались в рисунке выразить художественные вкусы и идеи своего времени. Элементы орнамента «древо жизни» и грифоны — это символы плодородия и добра в древнерусском прикладном искусстве [9].

При изготовлении тканей из растительных волокон встречались известные трудности, связанные с получением соответствующего сырья. Почвенный покров бассейна р. Ояти характеризуется средне- и легкосуглинистыми почвами. Их естественного плодородия не хватало для получения хорошего урожая. Значительные площади заняты торфяно-подзолистыми почвами, нуждающимися к тому же и в осушении, однако древние вепсы занимались и земледелием, хотя это требовало от них огромной затраты сил.

К сожалению, в наших исследованиях используются только материалы погребальных памятников. Отсутствие поселений ограничивает информацию об уровне социально-экономического

развития, о степени разрушения родо-племенных связей и развития феодальных отношений, о формировании народности у вепсов. Но тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о высоком социально-экономическом уровне развития края, хороших покупательских возможностях населения, о широких внутренних и внешних торгово-культурных связях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л. А. Вепсы и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.
2. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. 200 с.
3. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973. 150 с.
4. Кочкуркина С. И., Муллонен И. И. Об этнической карте Юго-Восточного Приладожья в эпоху средневековья (по археологическим и лингвистическим материалам)//XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов, 1987. С. 45—47.
5. Курганы летописной веси X—начала XIII века. Петрозаводск, 1985. 223 с.
6. Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти//Курганы летописной веси X—начала XIII века. Петрозаводск, 1985. С. 184—196.
7. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 264 с.
8. Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. VIII. С. 160.
9. Фехнер М. В. Изделия золотного шитья из курганов бассейна р. Ояти//Курганы летописной веси X—начала XIII века. Петрозаводск, 1985. С. 204—207.
10. Хомутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья//Там же. С. 207—217.

М. Йоалайд

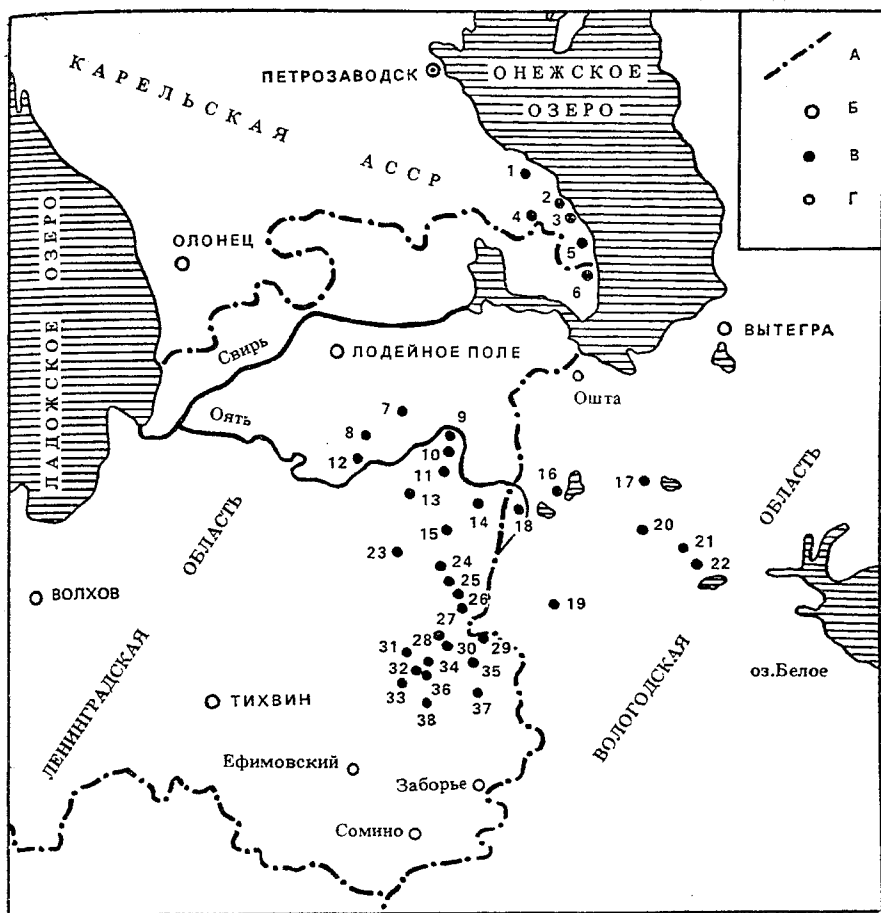
ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ВЕПСОВ В ПРОШЛОМ

В прошлом территория расселения вепсов была гораздо обширнее, чем в 50—60-е годы (рис.), об этом свидетельствуют разные источники. Так, в XIX и начале XX в. вепскими были ряд деревень, большинство жителей которых сейчас обрусели. К ним относятся деревни Прионежья: Щелейки (Kaŋi), Подщелье (Kaŋa-liine) и Гимрека (Himd'õg)*. Во время Великой Отечественной войны финнами здесь были записаны вепские тексты [26 : 158; 27 : 83—86].

Финский ученый Э. Леннрот в середине XIX в. и его соотечественник Х. Базилиер в конце того же столетия записали лингвистический материал в нынешней Вологодской области, в бывшей Исаевской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии,

* Названия вепских деревень даны по полевым материалам автора.

Вепская земля

А — границы Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей, Б — центры районов,

В — вепские деревни, Г — прочие населенные пункты

Северно-вепские деревни: 1 — Шокша (Sokš), 2 — Шелозеро (Šoutarv), 3 — Рыбрека (Kafeig), 4 — Матвеева Сельга (Matvejansel'g), 5 — Каскесручей (Kaskez), 6 — Гимрека (Himdgög), Средне-вепские деревни: 7 — Чикозеро (Čikol), 8 — Каргиничи (Karhila), 9 — Винницы (Vinŋä ~ Vidla), 10 — Немжа (Nemž), 11 — Озера (Järved), 12 — Ярославичи (Vinhal), 13 — Пелдуси (Pecoil), 14 — Ладва (Ladv), 15 — Мягозеро (Mägäriv), 16 — Шимозеро (Šimgäf), 17 — Сяргозеро (Särggäriv), 18 — Нажмозеро (Nažamjäriv), 19 — Пяжозеро (Päžaf), 20 — Пондала (Pondal), 21 — Куя (Kuja), 22 — Войлахта (Voiaht), 23 — Корбиничи (Korbal), 24 — Ребов Конеч (Rebagi), 25 — Нойдала (Noidal), 26 — Чидово (Čidoi), 27 — Корвала (Korvail), 28 — Шингола (Sigoll), 29 — Красный Бор (Bor), Южно-вепские деревни: 30 — Прокушено (Sidjäriv), 31 — Иваново (Casl), 32 — Пожарище (Požariš), 33 — Сташково (Tutuk), 34 — Кортала (Kortlaht), 35 — Сидорово (Sodjäriv), 36 — Боброзеро (Maigäf), 37 — Белое Озеро (Vägedjäriv), 38 — Радогоша (Arškahf)

в группе деревень, расположенных между городами Каргополь и Вытегра, у так называемых исаевских вепсов (вепсское *Isargv*), которые тогда уже говорили и по-русски и по-вепски [22 : 54, 71—84; 23 : 197]. Иногда их считают особой диалектной группой, восточными вепсами [28 : 11], но, на наш взгляд, это неправомерно. Они, скорее всего, связаны со средними вепсами Вологодской области, но обрусели, наверное, уже в начале этого века. В Вологодской области в середине прошлого века говорили по-вепски в деревнях Куштозеро (*Kuštar'*) и Ундозеро (*Undar'*) [21 : 50]. Поговору д. Куштозеро сохранился рукописный вепско-русский словарь середины прошлого века [2 : 48]. По словам побывавшего там археолога А. Брюсова, в 30-х годах этого века население еще преимущественно говорило по-вепски, но в 1948 г. предпочитало говорить по-русски [3 : 82]. В 1978 г. в д. Сяргозеро (*Särg'g'är'v*) Анна Васькина (70 лет), уроженка д. Куштозеро, рассказала нам о том, что в Куштозере только старые люди говорили по-вепски. Почти обрусело и население д. Сяргозеро, в 1978 г. удалось найти лишь нескольких человек, говорящих по-вепски. По Н. Богданову, юное поколение там уже в 1929 г. предпочитало говорить по-русски [3 : 82].

В 1916 г. финские ученые Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянен, а годом позже Л. Кеттунен записали вепсский материал у некоторых стариков в д. Пятино (*Pjätin*), находящейся южнее нынешних южно-вепсских деревень [24 : 40; 29 : 274]. До сих пор д. Пятино разделяется на две части: Чухарское Пятино и Русское Пятино. На северо-запад от нынешней территории вепсов, в междуречье р. Свирь (*Süvär'*) и ее притока Ояти (*Ojäť*) в недавнем прошлом также имелись вепские, но ныне обрусевшие деревни. Например, А. Алквист в середине прошлого века вепскими считал деревни Русконицы (*Rusttal*), Варбиницы (*Varbal*) и Сотский Погост (*Sadoveh*) [21 : 50]. В настоящее время жители этого района полностью обрусели [11 : 185].

Расширить территорию проживания вепсов в прошлом позволяют данные старых письменных источников. Самыми достоверными источниками из них являются списки населенных мест Российской империи второй половины XIX в., где имеются и данные об этнической принадлежности жителей. Вепсы в этих списках названы чудью. В списке населенных мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 г., кроме нынешних вепских деревень, есть еще несколько, где жители именовались как «чудь» или «чудь обруселая». Территория прионежских вепсов в Петрозаводском уезде была тогда шире и простиралась до р. Свирь на юге и Остречинки и Ивины на западе [18 : 15—19, 21].

В Вытегорском уезде мы встречаем уже упомянутых исаевских вепсов на берегах озер Исаевского и Анциферовского и

р. Индоманки: 668 жителей в 18 деревнях числились как чудь. Самая крупная часть обруселой чуди жила в Вытегорском уезде на юго-западном берегу оз. Лача — 6033 человека [18 : LXXXII, 62—66]. То обстоятельство, что около оз. Лача жили вепсы, не вызывает сомнения, так как территория находится всего лишь в тридцати километрах к северо-востоку от исаевских вепсов. Следует отметить, что эта обруселая чуда ко времени составления списков должна была сохранить какой-нибудь национальный идентитет, иначе их не стали бы записывать чудью.

Как показывают полевые данные, в бывших вепских деревнях народ, обрусевший 2—3 поколения назад, обычно считает себя русским. А. Попов, который утверждает, что карелы являлись древними насельниками этого края, этимологизирует название Лача из карельского *лаччу* 'плоский, ровный; отлогий, низкий, низменный; мелкий, неглубокий'. Оно имеется и в других прибалтийско-финских языках с тем же значением [15 : 129—130]. Этимология в принципе правильная, только речь идет, очевидно, о вепсах. Название озера по-вепски, вероятно, звучало *Лаšjärv. Всего в Олонецкой губернии (Петрозаводском, Вытегорском, Лодейнопольском и Олонецком уездах) в 1873 г. жило 26172 вепса, в том числе обрусевших 7699 [18 : LXXXII]. Утверждение В. Пименова о том, что в тех же списках отмечена «чуда обруселая» и в Пудожском уезде вокруг оз. Водлозеро [12 : 188], видимо, ошибочно. Правда, топонимия там явно прибалтийско-финская, а народные предания подтверждают известие Жития Лазаря Муромского о том, что чуда, населявшая Пудожье, была вынуждена двигаться в сторону «океана-моря» [8 : 93]. К сожалению, в списках Новгородской губернии нет сведений об этнической принадлежности жителей. Но такие данные имеются в списках населенных мест Вологодской губернии по сведениям 1859 года. В Сольвычегодском, Устьысольском и Никольском уездах отмечена «чуда обрусевшая, перемешанная с русскими» [17 : XXI]. А на бланках распределения по родному языку, использованных в Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., снова встречаются данные о чуди в пределах Вологодской губернии [5 : 40; 6 : 58]*.

Другие, более ранние источники содержат лишь косвенные данные об обитании вепсов. Среди них «Писцовые книги...» [13], где свидетельством нерусских истоков заселения выступает топонимия прибалтийско-финского (вепского) происхождения. При этом значительная часть территории, описываемой «Писцовыми книгами...», входит в вепский ареал. В некоторых из погостов,

---

* Этноним «чуда» вряд ли может служить надежным критерием для определения восточных границ расселения вепсов, ибо содержание его шире однозначного указания на вепсов (прим. ред.).

в том числе Никольском, Готславе Волок и Михайловском в Озерах (по последнему списку сохранились лишь частично), где наряду с топонимией прибалтийско-финского типа широко представлены явно русские названия деревень, видимо, жило смешанное вепское и русское население.

На это указывает и название «дер. в Чудском конце» в погосте в Озерах [13 : 53, 56], ныне Чудская. Ведь этноойконимы возникают именно там, где обитают несколько народов. Кроме того, кажется, что большинство деревень погоста Готслав Волок возникли незадолго до составления «Писцовых книг...», так как довольно многие названия деревень совпадают с именами жителей в той же деревне. Последние могли быть первопоселенцами деревни. Так, в д. Девушино жил Климко Девушин, в Гончарове Куземка Гончар, в Лопастине Микитка Лопастин и т. д. [13 : 20—21]. Русское название, конечно, не всегда значит, что жители деревни были русские, прибалтийско-финское по происхождению название тоже неоднозначно, ибо мы можем иметь дело и с обрусевшим населением. Но в совокупности топонимы все-таки дают какие-то ориентиры для разрешения этнических вопросов. При этом упоминание погоста или деревни в старинных русскоязычных источниках ни в коем случае не значит, что селение было с русским населением. Например, по этим данным пытались судить о времени расселения русских в южном Поонежье и верхнем Присвирье [7 : 219—220], хотя современное русскоязычное население там, очевидно, не пришлое русское, а обрусевшее вепское.

В Бежецкой пятине в Вольском Ивановском погосте в 1572 г. в д. Михалево жил крестьянин по имени Ковер Фомин сын [16 : 166]. Имя Ковер означает по-вепски кривой, горбатый. Этот факт дает основание предположить, что и в Вольском погосте тогда обитали вепсы, это подтверждают и топонимические данные.

В начале 1661 г. новгородский митрополит Макария выслал грамоту архимандриту Тихвинского монастыря Иосифу, где выразил недовольство уровнем богослужения «на Тихфинѣ на посадѣ и около Тихфины въ Нагорной десятинѣ, въ монастырѣхъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ, а въ погостѣхъ въ Георгіевскомъ на Кожелѣ, въ Дмитровскомъ въ Капецкомъ, въ Спаскомъ на Шижнѣ, на Явосмѣ въ Озеревскомъ, въ Пашезерскомъ, въ Шюгозерскомъ, въ Лучанскомъ, въ Волоцкомъ, въ Пелушскомъ, въ Койгушскомъ, въ Георгіевскомъ на Пашѣ». Он был недоволен и работой попов: «и православные христіане по Господьскимъ праздникомъ и по воскресеніямъ къ церквѣ Божіи не приходятъ, а которые и приходятъ, и тѣ православные христіане въ церковь пришедъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ стоятъ несмирно, межъ собою говорятъ и смѣются, и жены ихъ въ церковь приходятъ въ бѣлилахъ, и во святые великіе посты, въ четьредесятиницу, мужи и жены къ отцомъ своимъ духовнымъ не

приходить и божественных и пречистых Таинъ, тѣла и крове Христовы не причащаются, и отцы ихъ духовные ихъ православныхъ христіанъ, а своихъ дѣтей духовныхъ ко всякому благому дѣлу не поучаютъ; и которые ихъ дѣти духовные не слушаютъ, и они отцы духовные къ намъ на нихъ не пишутъ» [1 : 296]. Так как на территории большинства этих погостов и сейчас проживает вепское население, можно предположить, что в XVII в. их населяли вепсы, для которых и вера, и язык богослужения были чуждыми.

Вепское название современных русских селений, видимо, свидетельствует о их вепском происхождении. Так, почти все погосты с русскоязычным населением, окружающие южных вепсов, имеют у последних вепское название. При этом название это закреплено или за селом (например Rakšjär'v, рус. Пашозеро, Šugarv, рус. Шугозеро), или за территорией, охватывающей несколько деревень (например Jalošma, ср. Явосемский погост на территории бывшей Обонежской пятины и Калашма, ср. Коложемский погост на западной границе бывшей Белозерщины). Перечислим еще ряд русских деревень, которые имеют вепские названия: Uländ, рус. Ульяница, Mudarv, рус. Мутнозеро у приотских вепсов, Päämägi, рус. Печная Нива в соседстве южных вепсов и Jängolaht, рус. Янголохта в Вологодской области.

Данные топонимики других народов позволяют определить также территорию бывшего обитания вепсов. Топонимия территории южнее современных вепских деревень сохраняет довольно много вепского элемента, например оз. Лахта у с. Сомино, являющееся заливом оз. Горнее (вепс. *laht* 'залив'), здесь же встречаются такие этноойконимы, как Чудцы, Чудская, Чудское. Территория Белозерского края отличается обилием вепского элемента в топонимии [14 : 174]. Топонимия нижнего течения р. Ояти тоже отражает бывшее расселение вепсов [11 : 185—186]. В коми топонимике чувствуется прибалтийско-финский (вепский) элемент и этноним «чудь» нашел широкое отражение [19 : 8—9; 20 : 37—38].

Сведения об этнонимии дают ценную информацию о бывшем расселении вепсов. Русских жителей близ г. Весьегонска и с. Чамерова, где обитают и весьегонские карелы, зовут чухарями так же, как и вепсов, а через город течет речка Чухарский Ручей*. Впрочем в 1877 г. В. Майнов причисляет к вепскому ареалу и Весьегонский уезд Тверской губернии [9 : 42]. В говорах весьегонских карел усматриваются отдельные черты, сближающиеся с некоторыми явлениями, свойственными вепскому языку

---

* За эти данные автор благодарен ленинградскому археологу Ольге Щеголовой.

[12:198]. Этноним *зырьянин*, *зырь*, по А. Матвееву, сначала принадлежал прибалтийско-финскому, очевидно, вепсскому населению. Устаревшая форма *сырьяне*, *сырьяне* восходит к вепс. *sürja* 'край, конец'. Сейчас этнонимом *зырь* называют жителей некоторых русских деревень в Архангельской области в треугольнике Коноша—Шенкурск—верховье р. Устья. Русские отличают себя от них и даже относятся к ним с пренебрежительным оттенком. Это, видимо, чужь заволоцкая, за ними этноним коми-зырьяне закрепляется позже [10:84—87]. Самоназвание карел-людигов такое же, как у прионежских и части приюстных вепсов (*lūdikel*, *lūdinik*), а соседи карелы-ливвики их зовут вепсами. Такая же ситуация сложилась и в отношении южных карел по берегу р. Суны [4:8].

Вспомогательный материал для изучения этнических процессов дает языковедческий материал. В людиковском (а в меньшей мере и в ливвиковском) диалекте карельского языка можно наблюдать сильный вепсский субстрат [4:5—6]. В коми-зырянском языке имеются вепсские заимствования в северо-западной части диалектного ареала [19:8; 25:469].

Любопытный материал для выявления расселения вепсов в прошлом дает и фольклор. Наглядным примером могут служить многочисленные легенды о чуди, обзор которых дан В. Пименовым [12:117—170].

Конечно, круг доказательств, помогающих очертить ареал бывшего расселения вепсов, не ограничивается этим. Можно привести, например, данные антропологии, археологии, этнографии и т. д. Но уже из сказанного видно, что территория вепсов раньше была гораздо шире, простираясь на востоке до мест расселения народа коми. Со временем вепсский ареал сильно сократился. Следует все же отметить, что в XX в. появились вепсские колонии в Сибири, например в Иркутской и Кемеровской областях.

В последнее время к сокращению этнической территории вепсов, кроме обрусения ряда вепсских деревень, ведет и их запустение, вызвавшее миграцию вепсов, особенно молодежи, из мест своего исконного обитания. Во многих деревнях остались в основном пожилые женщины. Необходимо усилить внимание к проблемам вепсского народа, вернуть жизнь в вепсские деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические. СПб., 1842. Т. IV.
2. Баранцев А. П. О рукописном русско-вепсском словаре середины прошлого века//Фенно-ugristica. Труды по финно-угроведению. 1. Учен. зап. ТГУ. 1975. Вып. 344. С. 43—55.
3. Богданов Н. И. Вепсский язык на современном этапе развития//Тр. Карельского филиала АН СССР. 1958. Вып. 12. Прибалтийско-финское языкознание. С. 76—82.

4. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
5. Власова И. В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII — первой четверти XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
6. Власова И. В. Сельское расселение в Устюжном крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976.
7. Колесницкая И. М. Фольклорная традиция южного Поонежья и верхнего Присырья // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 219—232.
8. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Л., 1987.
9. Майнов В. Приотьяская чужь (весь — вепсы) // Древняя и новая Россия. III. СПб., 1877. № 5. С. 38—53; № 6. С. 133—143.
10. Матвеев А. К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 79—90.
11. Муллонен И. И. О гидронимии бассейна р. Ояти // Курганы летописной веси X — начала XIII в. Петрозаводск, 1985. С. 184—196.
12. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
13. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1583 гг. Л., 1930.
14. Попов А. И. Топонимика Белозерского края // Учен. зап. ЛГУ. 105. Сер. востоковед. наук. 1948. Вып. 2. Советское финно-угроведение. 1. С. 164—174.
15. Попов А. И. Лача // Русская речь. 1973. № 4. С. 129—130.
16. Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. II.
17. Списки населенных мест Российской империи. Т. VII. Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866.
18. Списки населенных мест Российской империи. Т. XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879.
19. Туркин А. И. Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар, 1981.
20. Туркин А. И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллинн, 1985.
21. Ahlqvist A. Anteckningar i Nordtchudiskan // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors, 1861. T. VI. S. 49—113.
22. Basilier Hj. Vepsäläiset Isaijevan voolestissa // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. VIII₆₁. Helsinki, 1890. S. 43—84.
23. Elias Lönnrotin matkat. II osa. Vuosina 1841—1844 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 98. Helsinki, 1902.
24. Kettunen L. Matkamuistelmia Vepsän perukoilta // Virittäjä. 1918. S. 38—62, 95—104.
25. Lötkin V. Läänmeresooe laensónad permi keeltes // Keel ja kirjandus. 1970. No 8, lk. 467—469.
26. Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 171. Helsinki, 1982.
27. Sääski S. Muistajaisissa Itä-Karjalassa // Kotiseutu. 1972. No 2—3. S. 83—86.
28. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. 228. Helsinki, 1946.
29. Väisänen A. O. Vepsäläisten luona v. 1916 // Kalevalaseuran Vuosikirja 49. Porvoo; Helsinki, 1969. S. 272—288.

ВЕПСЫ ПРИОНЕЖЬЯ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ

Прионежье — своеобразная окраина вепсской территории. От основного ареала расселения вепсов она отделена р. Свирь. Народная традиция, пытаясь по-своему объяснить этот факт, связывала переселение вепсов с именем Петра Первого, который якобы повелел отселить вепсов с берегов Свири на 30 км к северу и к югу. Как, почему и когда происходило заселение вепсами Прионежья в действительности? Есть ли какие-то свидетельства, опираясь на которые, можно ответить на эти вопросы? В этом нам сможет помочь топонимия, система географических названий Прионежья и смежных территорий.

Среди множества топонимических типов есть такие, которые являются своеобразными лакмусовыми бумажками для определения времени заселения территории. К таковым относятся, в частности, названия поселений, оформленные *l*-овым формантом. Особенности этого типа топонимов, известного всем прибалтийско-финским языкам, — распространение его в местах наиболее раннего оседлого земледельческого освоения [9]. Не является в этом смысле исключением и вепсская *-л*-овая ойконимия, центр распространения которой находится в юго-западном Присвирье (Оять и смежные районы Свири и Капши). Здесь широко распространены названия гнезд поселений на *-л* (Vingl, Cīkl, Karhil, Nīrgl, Šond'al, Noidal, Naragol) и их русские соответствия на *-ичи/-ицы* (Коковичи, Мустиничи, Курикиничи, Валданицы, Маягиничи и др.) [3]. Картографирование *-л*-овой ойконимии наглядно показывает, что довольно интенсивное ее скопление на западе вепсской территории ослабевает по мере продвижения на восточную и южную периферию вепсского ареала и совершенно затухает у северных вепсов, в Прионежье. В самом деле, в Прионежье не фиксируется ни одного примера *-л*-овой ойконимии. Здешние названия селений (гнезд поселений) в основном вторичны и восходят к соответствующим наименованиям природных реалий, ср. Soutar'v (Шелтозеро), Šokš (Шокша), Vehkoī (Вехручей), Toižegi (Другая Река), Himd'ōgi (Гимрека). Чем вызвано полное отсутствие *-л*-овой ойконимической модели в Прионежье? Очевидно, этот ареал первоначально осваивался вепсами как промысловая территория и только позднее здесь появилось оседлое население. Топонимия, сложившаяся в результате промыслового использования земель (т. е. наименования водных объектов, лесных урочищ и т. д.), переносилась на наименования основанных здесь поселений: река Šokš → деревня Šokš, урочище Mägi → деревня Mägi. Прионежье, таким образом, не входит в ареал *-л*-овой ойконимии, очерчивающей территорию первоначального вепсского освоения. Ве-

роятно, оно заселялось позднее, чем район южного Присвирья. Когда же происходил этот процесс? На основе косвенных данных [5] В. В. Пименов полагает, что Прионежье осваивалось вепсами не раньше XIV в. [4:185]. К этому времени относится активное освоение Свирь и Присвирья новгородскими славянами, которые появились на этом водном пути еще несколько столетий назад. Под их натиском вепсы вынуждены были уйти из Присвирья на новые малозаселенные или совсем пустые места, в частности в Прионежье. В языке и топонимии северных вепсов есть по крайней мере один чрезвычайно наглядный след присвирского прошлого. Это слово *posad*, служащее для обозначения понятия 'деревня'. Причем эта лексема распространена исключительно у прионежских вепсов, остальные группы вепсов ее не знают. Слово *posad* имеет несомненные русские истоки: лексема *посад* зафиксирована еще древнерусской литературой в значении 'поселение, предгорье, предместье' [7]. По мере продвижения новгородцев в ходе колонизации из Новгорода на северо-восток, в Присвирье, происходила трансформация исходной семантики. Картотека «Словаря русских говоров Карелии» (хранится в ЛГУ) фиксирует слово *posad* на Свирь в значениях 'ряд домов, улица, деревня', которые явно переключаются с семантикой северо-вепсского *posad*. Такая близость в значениях термина в русском Присвирье и вепском Прионежье указывает на Свирь как на ту территорию, где северные вепсы усвоили русское слово. Переселяясь из Присвирья в Прионежье, вепсы унесли с собой этот усвоенный термин, который затем принял участие в образовании многих названий северо-вепсских деревень: *Deremanposad* (Шелтозеро), *Posad ~ Sur'posad* (Матвеева Сельга), *Posad* (Шокша), *Vaňkanposad* (Другая Река). Уже упоминалось, что термин не проник в другие вепские говоры, также попавшие в зону новгородского влияния, а известен лишь северным вепсам. По-видимому, этот факт увязывается с более тесными, непосредственными контактами прионежских вепсов со Свирью на фоне других вепских диалектов, с их присвирским прошлым.

Здесь мы подходим к чрезвычайно сложному вопросу о вепском прошлом Свирь. Присвирье, территория вепско-карельских контактов, рано попала в зону русского освоения. В результате прибалтийско-финская топонимия на самой Свирь сохранилась лишь в качестве субстрата — факт, безусловно, затрудняющий ее надежную этническую интерпретацию. И все-таки есть основания — имеются в виду лингвистические критерии, — свидетельствующие в пользу вепского субстрата в топонимии Свирь. А следовательно, и вепского прошлого Присвирья. Вепские элементы, обнаруживающиеся в языке карел-ливвиков и карел-людинов на Онежско-Ладожском перешейке, убедительно доказывают то, что вепсы населяли не только Свирь, но и территорию Онежско-

Ладожского перешейка. Многие языковые особенности южно-карельских наречий сформировались под вепсским воздействием, причем, что касается языка людиковских карел, то по отношению к нему можно говорить даже не о вепсском субстрате, а о равном участии карельского и вепсского элементов в его сложении и не отдавать предпочтения ни одному из них [8]. Показательна и география карельских поселений в северном Присвирье. Территория распространения карел-ливвиков, расположенная вдоль рек Видлица, Тулокса, Олонка, впадающих в Ладожское озеро, практически не выходит непосредственно к Свири. Среди примыкающих к Присвирью находится лишь один куст ливвиковских поселений — Кондуши, расположенный на дороге Олонец — Лодейное Поле в пределах Лодейнопольского района. Характерно, что все без исключения языковеды, обращавшиеся к кондушскому говору, отмечают его своеобразие на фоне других ливвиковских говоров [11]. От собственно ливвиковских он отличается как раз теми признаками, которые сближают его с вепсским языком. Этот языковой факт хорошо увязывается с географической привязкой говора — Присвирье — и указывает на вепсское прошлое этой территории.

Карелы-людики, населяющие некоторые северные притоки Свири, проникли сюда не со Свири, а, скорее, с запада (Приладожье) и с севера (бассейн р. Шуи) и, вероятно, в основном не достигли самой Свири, растворившись в вепсском населении Присвирья. Показательны в связи с этим лингвистические особенности людиковского говора д. Заозерье, располагавшейся в северном Присвирье на оз. Вачозеро. Финский исследователь А. Турунен, анализируя их, приходит к выводу о том, что говор сохранил чрезвычайно прочную вепсскую основу, причем последняя сближается не с географически более близким средневепсским диалектом, но с говорами прионежских вепсов [10]. Это свидетельствует, на наш взгляд, в пользу присвирских истоков прионежских вепсов.

Таким образом, судя по данным обстоятельствам, Свирь практически не входила в ареал карельского заселения, и, следовательно, мощный прибалтийско-финский пласт в топонимии Свири оставлен вепсами. К этому следует добавить, что период колонизации карелами Олонецкого перешейка [1], видимо, совпадает по времени с активным освоением Свири русскими, что, безусловно, препятствовало проникновению карел в Присвирье.

Отсюда, со Свири, шло освоение вепсами Прионежья. Какими же путями они проникали на новую территорию? В древности единственными надежными дорогами были водные пути — реки и озера. Географическая карта вепсского Прионежья предполагает, по крайней мере, два таких пути, ведущих из Присвирья в Прионежье: Онежское озеро и бассейн р. Ивины, северного притока Свири, ограничивающего с запада северно-вепсскую территорию.

Согласно «Писцовым книгам...» [5], вся территория прионежских вепсов по административному делению входила в состав двух погостов — Остречинского и Оштинского, центры которых находились в Присвирье. Причем связь из центра погоста со всеми входящими в состав погоста поселениями вепсского Прионежья осуществлялась в одном случае через Онежское озеро, в другом — через р. Ивину. Подобное административное деление, по нашему мнению, действительно подтверждает существование и использование двух водных путей, вокруг которых группировалось вепское население Прионежья. Добавим, что до недавнего времени все юго-западное побережье Онежского озера, вплоть до самого устья Свири, было вепским: обрусение бывших вепских деревень Гим-река, Щелейки и Подщелье, располагающихся к югу от современной территории распространения прионежских вепсов — в границах бывшего Оштинского погоста, происходило еще в первой половине XX в. [2]. Более того, явное вепское прошлое и у центра бывшего Оштинского погоста — с. Ошта. Об этом свидетельствует вепский субстрат в его топонимии [6], а также само географическое положение села — в окружении вепских поселений. Таким образом, вепские села Прионежья — естественное продолжение заселения вепсами побережья Онежского озера. Примерно то же наблюдается и на территории Остречинского погоста. В топонимии русских сел, расположенных на р. Ивине (Ладва, Таржеполь, бывшее с. Остречины), обнаруживается мощный вепский топонимический пласт, свидетельствующий в пользу вепского прошлого этой территории. К примеру, из почти 400 топонимов с. Ладва и его окрестностей более 100, т. е. около трети, имеют явно вепское происхождение. Среди них само название с. Ладва (вепс. *ladv* 'вершина, исток реки'), а также названия двух расположенных при заливах р. Ивины деревень, входящих в состав села: д. Лахта, ср. вепс. *laht* 'залив', д. Кара, ср. вепс. *kar(a)* 'небольшой залив, бухта'. Вепские истоки имеют многочисленные названия лесных речек, ручьев, озер: Габручей (*hab* 'осина'), Лепручей (*lep* 'ольха'), Кивручей (*kivi* 'камень'), Каскозеро (*kask* 'подсека'), Пихкозеро (*pihk* 'молодой хвойный лес'). Чрезвычайно показателен мощный вепский пласт на микротопонимическом уровне, отличающемся подвижностью и изменчивостью: ср. урочище Вехкорга (<*Vehkorg, *vehk* 'вахта, водяной трилистник', *org* 'овраг, низина'), Гапшема (*hapšom* 'осиновый лес'), порог Коска (*kos'k* 'перекат, порог в реке'), поля Палатеса (*palatez* 'гарь, горелое место'), Палтега (*palte* 'склон, косогор') и др. Сохранение микротопонимов вепского происхождения должно, очевидно, рассматриваться, во-первых, как след значительного вепского присутствия здесь, на месте современного русского села Ладва, во-вторых, как свидетельство относительно позднего обрусения этой территории.

На мощном вепсском топонимическом фоне бассейна р. Ивины обращает на себя внимание русское по происхождению название самой реки. На первый взгляд, гидроним находится в явном противоречии с общей топонимической закономерностью: чем крупнее по размерам, значительнее по функции географический объект, тем древнее его название. Однако из каждого правила есть исключение. В русских районах Карелии и сопредельных территорий нередки названия, возникшие в результате перевода прибалтийско-финского топонима на русский язык. Некоторые примеры таких переводов можно обнаружить в «Писцовых книгах...» [5]: «Дер. на Долгом ручью, а ныне словет на Туксе на Питкое» (Pitkoja, букв. 'долгий ручей') и др. В связи с этим правомерно предположение о переводном характере названия Ивина (восходит к лексеме *ива*, оформленной гидроформантом -ин, представленным в гидронимии Присвирья, ср. реки Марина, Остречина), поддерживаемое тем обстоятельством, что один из достаточно крупных притоков Ивины носит название Пай. В основе гидронима очевидное вепсское рају 'ива'. Вероятно, после того как в северном Присвирье появились русские поселенцы, произошло постепенное размежевание вепсского названия и переведенного русского эквивалента: за материнской рекой закрепилось *Ивина*, а вепсский оригинал *Пай* был перенесен на ее приток, впадающий у с. Ладва, что, кстати, дает основание предполагать, что именно здесь и родилось название Ивина, распространившееся позднее на всю реку.

Между прочим Ивина — не единственное переводное название в интересующем нас районе. Прионежские вепсы знают реку и селение Остречины, центр бывшего Остречинского погоста, под названием Ahnuz, Ahnuzd'ögi, в основе его вепсское слово ahn 'окунь'. Но в таком случае в русском эквиваленте названия можно усматривать перевод вепсского оригинала, ибо оно восходит к русскому диалектному слову *острец* 'окунь', точному переводу вепсской лексемы.

В топонимии Ивины, современной русской территории, обнаруживается, таким образом, очень четкий достоверный вепсский субстрат, доказывающий, что в прошлом, до русского освоения, берега Ивины были освоены вепсами, которые использовали эту водную дорогу для продвижения из Присвирья в Прионежье. Материалы «Писцовых книг...» [5] отмечают в XV в. на территории современного вепсского Прионежья чрезвычайно малочисленное население, что и позволило В. В. Пименову высказать предположение о том, что вепсское население появилось здесь лишь незадолго до переписи 1496 г. [4:184—185]. В целом же территория Онежско-Ладожского перешейка осваивалась вепсами относительно рано, во всяком случае, до проникновения в этот ареал карельского населения. Очевидно, основные колонизационные потоки

вепсов, поднимаясь вверх по северным притокам Свири, первоначально проходили мимо современного вепского Прионежья или затронули его лишь незначительно. Объяснение этому следует искать, видимо, в не слишком благоприятных для народа-земледельца природных условиях этой территории: скалистый берег Онежского озера переходит в водораздельные болота. Мало плодородных речных долин, необходимых для ведения земледелия, ибо реки и ручьи Прионежья малочисленны и незначительны по размерам. Однако к XIV в. и даже, очевидно, несколько раньше ситуация на Онежско-Ладожском перешейке меняется. Здесь появляются карелы, которые активно осваивают территорию с севера и запада. Они выходят в верховья северных притоков Свири и преграждают путь вепсам на север. Судя по некоторым топонимическим свидетельствам, карелы достигают и бывших вепских территорий в верховьях Ивины. Здесь, на водоразделе рек Ивины и Лососинки, притока Онежского озера, появляются топонимы с элементом *ламба* (< кар. *lamb*, *lambi* 'небольшое лесное озеро'): озера Черная ламба, Белая ламба, Плисовая ламба, урочища Ламба, Ламбики и др. По лексическим и топонимическим материалам зоны карельско-вепских контактов, указанное слово — явный след карельского присутствия, карельского влияния, ибо вепским говорам ни в современном состоянии, ни в прошлом (судя по отсутствию его следов в топонимии в вепском ареале) оно не известно. Этническая ситуация, сложившаяся к XIV в. в северном Присвирье, вынуждала вепсов, отступавших из Присвирья под натиском русской колонизации, обратить свои взоры на обойденную прежде территорию, прилегающую к Онежскому озеру.

Еще один вопрос, для ответа на который необходимо привлечь данные топонимики, — это история Прионежья до вепского заселения. В самом деле, была ли эта территория населена до прихода вепсов, если да, то что это был за народ? Использование топонимии обусловлено тем обстоятельством, что в принципе каждый поток освоения оставляет свой след в местных названиях. Однако для того, чтобы эта топонимия сохранилась хотя бы фрагментарно, должно выполняться одно неперемutable условие — преемственность в заселении территории, т. е. последующий поток колонизации должен иметь возможность усвоить определенные элементы топонимии предшествующего населения. Как обстоят дела в этом смысле в вепском Прионежье?

Если обратиться к топонимии Онежско-Ладожского перешейка, то в ней обнаруживается бесспорный саамский след, указывающий на саамов как предшественников прибалто-финнов на этой территории. Он присутствует и в географических названиях бассейна р. Ивины. А вот в топонимии современного вепского Прионежья саамский пласт практически не ощущается. Правда, на

этой территории есть несколько рек с субстратными, довепскими названиями, но гидронимы такого ранга — недостаточно убедительный критерий преемственности в освоении территории, ибо для их усвоения необязательно оседлое заселение, смежное проживание с предшествующим населением. Они могли усваиваться, к примеру, во время охотничьих походов вепсов в Прионежье. К тому же, языковая принадлежность этих гидронимов на сегодняшний день не идентифицируется. Что же касается непосредственно саамских топонимов в вепском Прионежье, то нам удалось обнаружить тут только один топоним, могущий претендовать на саамские истоки. Это название небольшого островка, луды в Онежском озере в окрестностях Шелтозера — N'ugk, в котором скрывается, по всей видимости, саамское слово *pjuogga* 'риф, утес, луда'. Но единственное название — ненадежный показатель, оно не опровергает общего вывода: топонимия территории вепского Прионежья свидетельствует против близких контактов, смежного проживания вепсов с предшествующим саамским населением на этой территории. Надо полагать, что к тому моменту, когда вепсы начали осваивать Онежское побережье, саамы в основном уже откочевали севернее и потому вепсы заселяли тут практически пустые места. Как следствие этого — отсутствие достоверных следов саамского субстрата на этой территории. Впрочем не исключено, что саамы вообще редко заселяли указанный ареал Прионежья, отдавая предпочтение непосредственно берегу Онежского озера, с которым была связана их жизнедеятельность, в то время как вепсы, будучи земледельцами, осваивали прежде всего более плодородные речные долины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 37—38.
2. Макарьев С. А. У прионежских вепсов//Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1927. № 4—6. С. 53.
3. Муллонен И. И. Вепские ойконимические форманты//Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 102—111.
4. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
5. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
6. Рут М. Э. Вепские географические термины в русской апеллативной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области//Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 21—23.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2.
8. Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty//Virittäjä. 1971. S. 153—182.
9. Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. S. 92.
10. Turunen A. Lyydiläiset murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella//NL:instituutin vuosikirja. 25. 1977. Kielen ja kulttuurin kentältä. Helsinki, 1977. S. 173—186.
11. Virtaranta P. Über den olonetzischen Konduši-Dialekt//FUF. 1973. XL. S. 259—277.

ОСВОЕНИЕ ЗАОНЕЖЬЯ ДРЕВНИМИ ВЕПСАМИ

В истории Карелии еще достаточно нераскрытых страниц. Скудость письменных свидетельств, а то и полное их отсутствие, заставляют исследователей обращаться к таким источникам, как, например, топонимы — географические названия, возраст некоторых из них исчисляется несколькими столетиями и даже тысячелетиями. Топонимы могут оказать большую помощь при решении многих, пока еще неясных вопросов этногенеза, истории заселения и формирования этнографического облика той или иной территории.

Как известно, в освоении и заселении нашего Севера участвовало не только русское население новгородских земель, но и прибалтийские финны, в частности вепсы и карелы. Известна роль приладожских карел в освоении Беломорья и Кольского полуострова. Небезынтересно будет узнать, что и само название новгородцев, участвовавших в походах по северным рекам, — *ушкуйники**, также прибалтийско-финского происхождения [4].

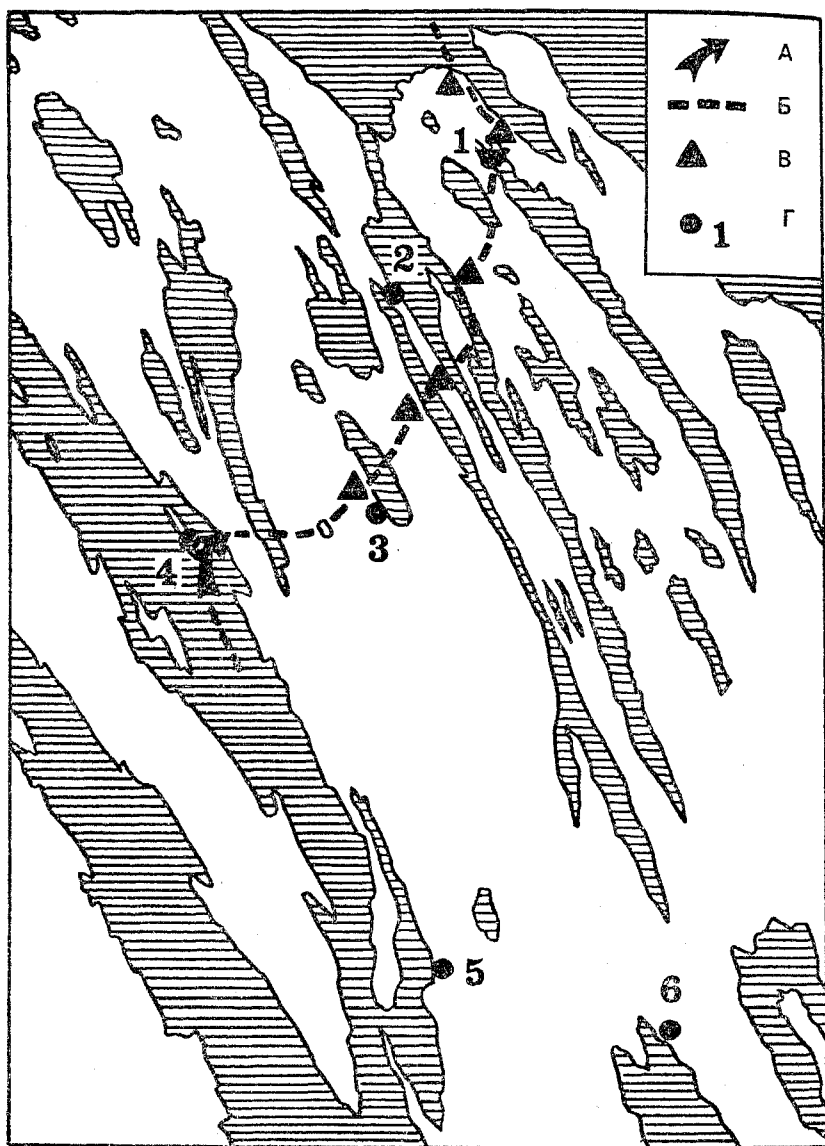
Одним из направлений движения на север был водно-волоковой путь, который начинался, как считают некоторые исследователи, в Важинах на Свири [1,5]. Несомненно, что вначале это был ключевой опорный пункт древних вепсов. По системе рек и озер Южной Карелии колонисты достигли устья рек Шуя и Суна. Освоив этот район (где, как указывает финский ученый В. Ниссиля [6], до сих пор сохраняется топонимика с вепсской спецификой), вепсы могли продвинуться дальше на север и, в первую очередь, на Заонежский полуостров. Принято считать, что определенная часть местных дославянских топонимов имеет вепсское происхождение [3].

Собранный топонимический материал (особенно важны географические названия с основой 'матк/а/'- из финского, карельского и вепсского *matka* 'путь, направление') позволяет предположить, что одним из первых форпостов вепсов на Заонежском полуострове стал участок восточного берега Уницкого залива от Мелойгубы до о. Куткостров (рис.). Нельзя не отметить, что именно в районе Мелойгубы (д. Кокорино) были обнаружены курганы X—XI вв., которые считаются древневепскими и во многом аналогичны курганам Юго-Восточного Приладожья [2].

Здесь же неподалеку находится оз. Вепсозеро. Местоположение этого водного объекта совпадает с северной границей распространения этнотопонимов с основой *versä* [6].

В районе Куткострова — Мелойгубы — самая узкая часть Зао-

* Ср. вепс. *uškoj, фин. *wisko* (лодка); эст. *huisk* 'перевоз'.

Древний заонежский водно-волоковый путь
 А — начало волока в Заонежье, Б — волок, В — топонимы с основой
 'матк/а', Г — населенные пункты
 1 — Шуньга, 2 — Кажма, 3 — Мягрозеро, 4 — Куткостров, 5 — Ламбас-
 ручей, 6 — Великая Губа

нежского полуострова. К тому же здесь много озер, что особенно важно при прокладке водно-волокового пути. Попробуем же восстановить этот путь.

Итак, из района Куткострова — Мелойгубы (mela в прибалтийско-финских языках означает весло) через урочище Вижатка волок шел на оз. Ладмозеро, откуда были возможны два направления — на Ванзезеро* или на Мягрозеро. Оба направления сходились на Шуньге, которая, видимо, уже довольно рано превратилась в заметное поселение (вначале, вероятно, саамское**) — позднее один из погостов Заонежья.

Ванзезерское направление, возможно, более раннее, было предпочтительным. Путники, миновав Ладмозеро и Ванзезеро, оказывались в Кефтенгубе Онежского озера, откуда можно было по воде достичь северо-восточного берега Повенецкого залива — места начала следующего отрезка водно-волокового пути, ведущего к Белому морю. Но возникновение Шуньги сделало предпочтительным другое направление — мягрозерское. Мягрозерским волоком пользовались наиболее активно — большая часть топонимов с основой 'матка' зафиксирована именно на этом пути.

Впоследствии мягрозерское направление вошло составной частью в Великий Олонецкий зимник, который просуществовал до 30-х годов нашего времени.

Мягрозерский волок (позднее зимник) проходил по следующим местам: Горелая Матка (западный берег Мягрозера), Ружиматка (западный берег Космозера), Региматка (западный берег залива Святуха), Кугаматка (восточный берег Святухи), Валгомозеро (вероятно, из кар./люд. *valgam* 'пристань') и Шуньга. Из Шуньги путь лежал через урочища Муняматка, Лопская Матка и Кудनावолок к противоположному берегу Повенецкого залива — Повенцу и Пигматке, откуда начинался «далекий путь в Лапландию» — к поморским поселениям Сума и Нюхча.

В атрибутивной части некоторых топонимов, возможно, содержится информация, которая прямым или косвенным образом свидетельствует о древнем заонежском пути, например оз. Пилгозеро (ср. фин. *pilikka*, кар./ливв. *pilkki*, люд. *pil'ken* 'отметка', зарубка /на дереве/); Гутनावолок (возможно, из кар. *huutaa venettä* кричать /лодку/); Региматка (из кар./вепс. *regi* 'санный путь'). Несколько удивляет отсутствие в здешней топонимии названий с основой 'тайбола' (волок), но можно предположить, что они были

---

* У названия этого озера автором зафиксированы три фонетические формы: Ванзезеро, Ванчезеро, Вандезеро, что, возможно, является отражением сложных языковых процессов, происходивших в районе Шуньги.

** В окрестностях Шуньги известно несколько этнопонимов, свидетельствующих о саамах («лопарях»): Лопская Матка, Лобская гора, Лобское и т. д.

калькированы русским термином 'волок'. В окрестностях д. Региматка зафиксированы названия полян, через которые, по-видимому, проходил волоковой путь: Волок, Маленький волок, Большой волок.

На многих озерах имелись перевозки. По сообщениям информантов, путник, приходя на берег озера, разводил дымный костер ('дым') или кричал. На дым костра или на крик из деревни на противоположном берегу приезжал на лодке человек и перевозил путника на свою сторону. К примеру, на Ладмозере было в прошлом два перевоза — Большой и Малый перевозник. Перевозом занимались обычно молодые люди.

На древнем пути постепенно возник ряд селений — Мелойгу-ба, Кокорино, Бардово, Куткостров, Пегрема, Колгостров, Борковицы, Мягрозера, Региматка, Лопская Матка и Кудनावолок. Шуньга превратилась в большое (из нескольких деревень) село, погост и стала местом проведения крупнейших на нашем Севере ярмарок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа//Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. С. 15.
2. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII в. М., 1973. С. 18.
3. Мамонтова Н. Н. О вепском субстрате в топонимике Заонежья//Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1974. С. 37—38.
4. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. С. 180—181.
5. Nissilä V. Itä-Karjalan matkanimistöä//Kalevalaseuran Vuosikirja. 35. 1955. S. 248.
6. Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967. S. 101.

Н. Г. Зайцева

ВЕПССКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Вепсский язык не однороден по своей структуре. Ученые подразделяют его на три диалекта: северно-вепсский, средневепсский и южно-вепсский. На северно-вепском диалекте говорят представители Прионежского района КАССР. Средневепсский диалект свойствен жителям вепских территорий Вологодской (Бабаевский и Вытегорский районы) и Ленинградской областей (Подпорожский, Тихвинский, Лодейнопольский районы). В Ленинградской области (Бокситогорский район) проживает и немногочисленная группа вепсов — представителей южно-вепсского диалекта.

Различия между диалектами не столь велики, чтобы существенным образом повлиять на понимание в процессе общения, но тем не менее они свойственны всем уровням языка: фонетике, морфологии, лексике. Наиболее ярки, на первый взгляд, фонетические особенности каждого диалекта. Назовем некоторые из них:

а) по-разному представлены согласные *j*, *d'*, *g'* в начале, середине и конце слова: *j* — в южно-вепсском и западных говорах средневепсского диалекта (*jāg* ~ *jaug* ~ *joug*, 'нога', *jāgv* 'озеро', *jāñiš* 'заяц'); *g'* — в восточных говорах средневепсского диалекта (*g'auq*, *g'ārv*, *g'āñiš*); *d'* — в северно-вепсском и отчасти (нерегулярно) в куйском говоре средневепсского диалекта (*d'oug*, *d'ārv*, *d'āñiš*);

б) в южно-вепсском диалекте существуют долгие гласные, на месте которых в средне- и северно-вепсском диалекте употребляют в основном дифтонги на *-i* или на *-u*, а также согласные *-л* или *-v*, например: *maidōñe* ~ *maidoiñe* ~ *maidiiñe* 'молочко', *kūd* ~ *kuud* ~ *kuud* 'золото', *lād* ~ *laud* ~ *loud* 'доска', *ha-gā* ~ *ħarav* ~ *ħarau* 'грабли' и т. д.);

в) в южно-вепсском диалекте на месте гласного *-ü* употребляется *-i* (например: *pihā* ~ *pühā* 'пост', *pihktā* ~ *pühktā* 'подметать'; подобное явление может наблюдаться и в говорах северно-вепсского диалекта (например: *kilmda* ~ *külmd'ä* 'замерзнуть', *kilbet* ~ *külbet* 'баня' и т. д.).

Из очень немногочисленных морфологических различий можно назвать следующие:

а) в северно-вепсском и западных говорах средневепсского диалекта употребляется комитатив с окончанием -*ŋke*: *vel'ŋ'eŋke* 'с братом', *vazaŋke* 'с теленком' и т. д. В восточных говорах средневепсского и в южно-вепсском диалектах (в последнем можно встретить в отдельных говорах и комитатив на -*ŋke*) употребляется комитатив с окончанием -(d)*me*, -(d)*mu*: *velleme* ~ *vellemu* 'с братом', *koirame* ~ *koiramu* 'с собакой', *Miškame* ~ *Miškamu* 'с Мишкой' и т. д.;

б) в северно-вепсском диалекте отсутствует пролатив с окончанием -(d)*me*, вместо него употребляется паритив с послесловом *mötö*: *dorogad mötö* ~ *fedme*, 'по дороге', *mecad mötö* ~ *meca(d)me* 'по лесу' и т. д.;

в) существуют некоторые отличия в системе словоизменения глаголов: например окончание -*ba(d)* для III лица множественного числа свойственно южно-вепсскому и отчасти восточным говорам средневепсского диалекта: *māneba* 'идут' (*māndas*); *sanuba(d)* 'скажут' (*sanutas*); *eba pane* 'не кладут' (*ii pangoi*) и т. д.

Но наиболее сложны для понимания лексические различия; напр. понятие 'колено': северно-вепсский диалект *roŋv*, южно- и средневепсский *komv* (правда, в пограничных говорах названных диалектов могут быть понятны обе лексемы); 'слово': средне- и северно-вепсский диалект *sapa*, южный и восточные говоры средневепсского диалекта *vajez* ~ *vajeŋ*; 'сквозь': южно-вепсский *gaŋk* средне- и северно-вепсский *iäbi*; 'черная смородина' северно- и средневепсский диалекты *čigičeiŋe* ~ *čigičaiŋe*, южно-вепсский *hajubol*, *čičik*; 'голубика': средневепсский и отдельные говоры северно-вепсского диалекта *d'õnikaiŋe* ~ *g'õnikaiŋe* ~ *joŋikeiŋe*, северно-вепсский *gilingeiŋe*, южно-вепсский *kukič* и т. д. Таких примеров можно привести довольно много. Но тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что перечисленные различия не столь существенны, чтобы серьезно затруднить или сделать невозможным общение представителей различных диалектов вепсского языка (о диалектных различиях см. [2, 3, 5: 743—745; 15, 29: 15—17]).

Вепсский язык исследуется около полутора веков. Первую поездку в места проживания вепсов совершил в 1824 г. академик А. М. Шегрен. Еще дважды (в 1842 и 1845 гг.) выезжал А. М. Шегрен к вепсам, знакомясь с их языком, обычаями, жизненным укладом; он первым высказал и попытался доказать свою мысль о том, что вепсы являются потомками древней летописной веси, которая, по убеждению ученых, считалась исчезнувшей с исторической арены.

Первая работа по вепсскому языку, вышедшая из-под пера известного финского исследователя прибалтийско-финских языков и фольклора Элиаса Леннрота, появилась в 1853 г. [26]. Она положила начало традиции исследования вепсского языка как языка близкородственного финскому в Финляндии. Финские лингвисты совершают труднейшие поездки к вепсам в места их проживания, записывая бесценный лингвистический материал. У вепсов побывали такие ученые, как А. Алквист, Х. Басилиер, Э. Н. Сетяля, Л. Кеттунен, Л. Пости и др. В результате обработки и исследования материалов появляются крупные работы по языку вепсов: «Историческая фонетика южно-вепсского диалекта» и «Синтаксис вепсского языка» Л. Кеттунена [23, 24], «Историческая фонетика вепсского языка» Э. А. Тункело [29]. Выходят в свет образцы вепсской речи [22, 25, 28], а также работы и статьи А. Генетца, А. Алквиста, Л. Пости, А. Турунена, Р. Пелтолы и мн. др. Р. Пелтола уже длительное время работает над словарем вепсского языка, который благодаря богатым материалам, собранным многими учеными в прошлом, а также в начале XX в., может быть чрезвычайно интересным и во многом уникальным, поскольку на вепсском языке нет памятников письменности.

Проблемам вепсского народа в конце XIX — начале XX в. посвящаются отдельные журнальные статьи и заметки этнографического характера, не всегда, правда, верные и бесспорные. В 1913 г. вышел в свет небольшой словарь вепсского языка, составленный сельским учителем П. Успенским [9]. А настоящий интерес в нашей стране к вепсскому языку, его проблемам, его теоретическим аспектам появляется лишь в начале 30-х годов XX в., когда предпринимается попытка создания вепсской письменности. Литература того периода свидетельствует, насколько остро тогда стояли проблемы национального языка, создания его литературных традиций, письменности, алфавита. Журнал «Революция и письменность» сообщает, что терминологическая комиссия сектора науки НКП РСФСР постановила: обслуживание вепсов и ижор по линии терминологии и разработки словарей возложено на Институт языка и мышления АН СССР (г. Ленинград) [7], а в журнале «Советская этнография» была опубликована заметка о том, что к работе приступили две бригады по созданию алфавитов и учебников, одна из них под руководством Н. И. Богданова (по языку вепсов) [10].

С 1932—1933 гг. в пределах Ленинградской обл. (в Винницком, Оштинском, Капшинском, Шольском, Оятском районах) 49 начальных и 5 неполных средних школ совершили переход на преподавание на родном языке. К 1936 г. учебная литература по вепсскому языку пополнилась шестью учебниками для начальной школы и вепско-русским словарем на 5 тыс. слов. В 1937 г. вышло еще 13 учебников для начальных и средних вепских школ.

В это же время появилось несколько переводных книг для детей на вепсском языке. А вообще за весь период с 1932 по 1937 г. было опубликовано 30 книг. Одновременно велась работа и по подготовке учительских кадров в Лодейнопольском педагогическом техникуме. В 1937 г. там училось 60 студентов-вепсов [6]. В Ленинграде были организованы курсы повышения квалификации, где проводились занятия и по методике преподавания вепсского языка. Письменность была создана на основе латинского алфавита. Комиссией, которая работала над вепским алфавитом, было признано, что латинский алфавит наиболее точно соответствует фонетической системе вепсского языка. На территории КАССР преподавание на вепсском языке велось лишь в течение 2 месяцев в конце 1937 г.* Да и в школах Ленинградской области с вепским населением не везде преподавали на родном языке, так как сказывалась нехватка учительских кадров. В конце 1937 г. выпуск вепских книг и преподавание вепсского языка в школах прекратились. Такова в общих чертах короткая история вепской письменности. Краткость этого периода не позволила вепским диалектам объединиться вокруг средневепских говоров, которые были положены в основу при подготовке учебников, не дала возможности и вырастить свою художественную интеллигенцию, своих писателей, поэтов, писавших бы на родном вепсском языке.

Несмотря на то что период функционирования вепской письменности был очень недолог, всего 5—6 лет, он занимает исключительно важное место в истории исследования вепсского языка, в истории вепсского народа.

Как свидетельствует один из первых исследователей вепской этнографии, вепс по национальности, С. Макарьев, численность вепсов того периода была наиболее высокой — около 35 тысяч человек [27]. За 5—6 лет по вепсскому языку в нашей стране было сделано значительно больше, чем за целое столетие ранее: положено начало планомерному исследованию вепсского языка; организованы экспедиции к вепсам и начат сбор лингвистического материала; зародилось вепсоведение.

Начинается исследование вепсского языка в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, где в настоящее время имеется большая коллекция фонозаписей вепсской речи, изданы ее образцы, словарь вепсского языка, активно изучается этнография вепсов. Из ученых, занимавшихся вопросами вепсского языка, следует, в первую очередь, назвать Н. И. Богданова и М. М. Хмяляйнена, которые стояли у истоков создания вепсской письменности. В Ленинграде при Институте языка

---

* На страницах печати Карелии проводилась острая дискуссия по языковым вопросам, в том числе и по вепсскому [11, 16].

и мышления существовала группа лингвистически подготовленных людей: М. Хямяляйнен, Ф. Андреев, М. Логинов, В. Романов, Г. Большаков, М. Соколов, В. Петухов, И. Силин, И. Андреева и др., руководителем которой был Н. И. Богданов. Он же возглавлял комиссию по созданию алфавита; под его руководством шла подготовка педагогических кадров в Лодейнопольском педагогическом техникуме. Н. И. Богданов был автором некоторых учебников по вепсскому языку [17, 19], им разработаны теоретические вопросы развития лексики вепсского языка, дана характеристика диалектных особенностей вепсской речи (см. напр. [1—3]).

Большой вклад в исследование вепсского языка внес М. М. Хямяляйнен. В период создания вепсской письменности деятельность его была чрезвычайно активной. В соавторстве с Ф. А. Андреевым, учителем, вепсом по национальности, было подготовлено несколько учебников по вепсскому языку [18, 20, 21 и др.] М. М. Хямяляйнен постоянно выступал в периодической печати с пропагандой знаний о вепсах и их языке.

В дальнейшем М. М. Хямяляйнен посвятил свои труды разработке вопросов исторической фонетики и истории создания падежной системы вепсского языка [12—14]. Им же подготовлена статья в третьем томе «Языков народов СССР» [15].

Большую работу по исследованию вепсского языка проводили М. И. Зайцева и М. И. Муллонен — составители довольно полного словаря вепсского языка [5], а М. И. Зайцева — автор грамматики вепсского языка, основанной на шимозерских говорах [4]. В настоящее время исследованием теоретических проблем вепсского языка занимаются в институте И. И. Муллонен и Н. Г. Зайцева*.

Ученые Эстонии П. Аристэ, А. Кяхрик, П. Алвре, Т. Р. Вийтсо, С. Кристи, М. Йоалайд также уделяют большое внимание изучению вепсского языка.

Как известно, история развивается по спирали, и вот мы снова стоим перед тем же комплексом проблем, только уже возрождения, воссоздания вепсской письменности. Если основная задача того времени заключалась в ликвидации неграмотности, в приобщении к общественной жизни малограмотных слоев вепсского населения, то в настоящее время очень остро стоит проблема сохранения и развития языка как основы культуры вепсского народа. На данном этапе язык подвергается сильному влиянию со стороны русского языка. Высок процент людей младшего поколения, плохо владеющих родным языком. Сейчас важно принять комплекс мер, которые приостановят процесс ассимиляции, а так-

---

* Вопросы вепсской топонимии, антропонимии, истории заселения вепсского края разрабатывает И. И. Муллонен, Н. Г. Зайцева занимается проблемами грамматики и лексики вепсского языка.

же поднимут престиж языка, расширят его общественные функции, вызовут более бережное к нему отношение в семье. Самое главное — это воссоздание письменности и введение предмета «Родной язык» пока хотя бы в начальной школе. В связи с решением этих вопросов важное место занимает проблема алфавита. Русская графика, русское письмо, очевидно, вепсам на первых порах могут показаться более привычными. Средствами русской графики легко обозначается оппозиция твердых и мягких согласных фонем, щелевых, аффрикат. Но все же латинская графика более адекватно отражает звуковой строй вепсского языка, особенно средне- и южно-вепсского диалектов, больше соответствует всем его законам. Очень важно, на наш взгляд, соблюсти традицию при воссоздании письменности, поскольку в 30-е годы письменность была основана на латинской графике. Легче будет воспользоваться опытом, который был накоплен в те годы. Кроме того, существует большая научная литература о вепсском языке: это и словарь вепсского языка, множество образцов вепсской речи, статей, трудов, которые передают вепскую речь латинской графикой. Записи вепсской речи, сделанные учеными в прошлом и нынешнем столетии, учебники, учебные пособия, книги для чтения, изданные в 30-е годы, — это письменная история развития вепсского языка. Надо ли, а главное будет ли правильно отказаться от нее, будет ли целесообразно начать все сначала в ситуации, когда язык подвергся сильному обрусению? При создании алфавита важно учесть опыт родственных языков. Родственные вепсскому языки — финский и эстонский — имеют письменность на латинской основе. Уже подготовлена на латинице рукопись букваря для олонечких карел. При воссоздании карельской и вепсской письменности, разработке терминологии часть вопросов необходимо решать сообща. При подготовке учебников встанет много проблем терминологического характера. Использование опыта близкородственных языков может оказать существенную помощь в этой работе, которая была удачно начата в 30-е годы. Тогда возникли такие слова, как *vajehtnik* 'словарь', *känd* 'падеж', *openduzkiŋ* 'учебник', *lugendknig* 'книга для чтения'. Эту работу следует продолжить.

Кроме того, латинский алфавит может послужить в какой-то степени своеобразным сдерживающим моментом для потока русских слов в вепсский язык.

В настоящее время создан проект алфавита на латинской основе, при составлении которого учтен опыт функционирования письменности в 30-е годы. Основной состав букв оставлен прежним, внесены и некоторые изменения. Прежний алфавит включал в себя 30 букв: а, ä, b, с, ç, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, ö, p, r, s, ş, t, u, v, y, z, z', i, '. Буквы ç, ş, i, z употреблялись только в учебниках периода функционирования письменности, но впо-

следствии не привились. Исследователи вепсского языка и фольклора вместо этих знаков употребляли и употребляют č, š, ž. Кроме того, в прежнем алфавите буква с обозначала звук, идентичный по произношению русскому ч, буква s равна русскому ш. Ни в одном из родственных языков такой традиции в обозначении названных звуков не существует. Поскольку период функционирования письменности был коротким, а традиция записи вепсской речи учеными существует уже около полутора веков, целесообразнее заменить некоторые буквы созданного в 30-е годы вепсского алфавита, учтя при этом многие факторы: большую наглядность, традицию, данные родственных языков, полиграфические возможности. Очень сложной является и проблема передачи на письме мягких согласных фонем. Принято считать, что наиболее правильно составленным является алфавит, в котором каждая фонема имеет свое буквенное обозначение. Если для каждой мягкой согласной фонемы ввести свое буквенное обозначение, алфавит чересчур разрастется, усложнятся правила орфографии. Очевидно, правильнее будет воспользоваться традицией введения в алфавит знака смягчения ('), который существовал и в 30-е годы, обговорив в правилах орфографии необходимые случаи его употребления. Таким образом, воссозданный алфавит вепсского языка включает в себя 29 букв: a, b, c, č, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, z, ž, t, u, v, ü, ä, ö, '.

Все мероприятия, которые намечено воплотить в жизнь: воссоздание письменности, введение в школе преподавания предметов «Родной язык», «Народоведение», знакомство на уроках труда с народными ремеслами (см. [8]), — должны поднять интерес со стороны младшего поколения к родному языку, к своему народу и его истории, должны содействовать повышению самосознания, а в конечном счете, сохранению вепсского народа, его культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.
2. Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык//Тр. Карельского филиала АН СССР. 1958. Вып. 12. С. 63—75.
3. Богданов Н. И. О некоторых особенностях восточно-вепсских говоров — куйского и пондальского//Там же. 1960. Вып. 23. С. 33—41.
4. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. Л., 1981.
5. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. М., 1972.
6. Муллонен М. И. Вепсская письменность//Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105—109.
7. Резолюция терминологической комиссии сектора науки НКП РСФСР//Революция и письменность. 1932. № 1—2. С. 139—142.
8. Рекомендации регионального межведомственного совещания «Вепсы. Проблемы развития экономики и культуры». Петрозаводск, 1988.

9. Успенский П. Чудско-русский словарь. СПб., 1913.
10. Хашба А. Внимание проблемам лингвистики//Советская этнография. 1931. № 1—2. С. 163.
11. Хямяляйнен М. М. Не пора ли заняться вепским языком?//Красная Карелия. 1937. 11 июня.
12. Хямяляйнен М. М. Об агглютинатах в вепском языке и в южно-карельских говорах карельского языка//Тр. Карельского филиала АН СССР. 1958. Вып. 12. С. 83—94.
13. Хямяляйнен М. М. О развитии внутринеменных падежей в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков//Там же. 1960. Вып. 23. С. 84—109.
14. Хямяляйнен М. М. Внешнеменные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков//Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 109—126.
15. Хямяляйнен М. М. Вепский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3. С. 81—101.
16. Яковлев С. Вепская литература и школа//Красная Карелия. 1937. 14 мая.
17. Andrejev F. A., Bogdanov N. J., Petuhov V. J., Silin J. A. Lugend-knig. L., 1933.
18. Andrejev F., Hämäläinen M. Bukvar', M.; L., 1936.
19. Bogdanov N., Loginov M., Bolšakov G. et al. Lugend-knig. Toine čast'. M.; L., 1936.
20. Hämäläinen M., Andrejev F. Vepskijan kelen grammatik. L., 1934.
21. Hämäläinen M. M., Andrejev F. A. Vepsa-venähine vajehnik. M.; L., 1936.
22. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä I—II. Helsinki, 1920—1925.
23. Kettunen L. Lounna-vepsa häälik-ajalugu, I—II. Tartu, 1922.
24. Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus//Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1943. T. 86.
25. Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista//Ibid. Helsinki, 1935. T. 70.
26. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Helsinki, 1853.
27. Makarjev S. Vepsäläiset. Lyhyt kansatieteellinen kuvaus. L., 1931. 5,6.
28. Setälä E. N., Kala J. N. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista//Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1951. T. 100.
29. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria//Ibid. Helsinki, 1946. T. 228.

М. Муллонен

ИЗ ИСТОРИИ ВЕПССКОЙ ЛЕКСИКИ

Многовековые контакты между русским и вепским населением наложили заметный отпечаток на всю систему вепского языка. Большие изменения претерпели фонетическая система и грамматический строй, но наиболее сильному иноязычному влиянию подверглась лексика.

В разные исторические периоды русские слова проникали в вепский язык с различной интенсивностью. На наш взгляд,

можно выделить три пласта заимствований: 1) древние заимствования, являющиеся общими для многих прибалтийско-финских языков; 2) более поздние заимствования, вошедшие в вепсский язык в период его самостоятельного развития; 3) новейшие заимствования, усвоенные вепсским языком в основном в годы Советской власти. Слова первой и второй группы подверглись полной фонетической и морфологической адаптации. Славянские и древнерусские заимствования, бытующие в вепсском языке еще с периода прибалтийско-финской общности, отражают более древнее фонетическое состояние русского языка.

Когда предки современных вепсов, отделившись от остальных западно-финских племен, обосновались в районе между Ладожским, Онежским и Белым озерами, вепсский язык начал развиваться обособленно, попав под сильное воздействие русского языка.

На протяжении столетий в вепсский язык вошло большое количество лексики из соседних северно-русских говоров. Изучение этого слоя лексики имеет определенное значение не только для истории вепсского языка (и вепсского народа), но и для исследования некоторых аспектов русской диалектологии. Вепсский язык нередко выступает как хранитель слов и выражений, давно не бытующих в живой русской речи или сильно изменивших свое значение. Некоторые из них сохранились только в произведениях устного народного творчества или древних письменных памятниках, а вепсский язык довел их до наших дней как живые слова повседневной речи. Таков, например, глагол *paveŋa* 'любить' [2] от русского 'навидеть', который в значении 'любить' встречается в русском языке лишь в произведениях фольклора (в старых народных песнях), а также в русских диалектах [4]. В вепсском языке слово бытует во всех диалектах в разных значениях: *hän paved'ib lapsid* 'он любит детей'; *hõ toiŋe toišt paveŋtaze* 'они любят друг друга'; *mina pavedin kalam* 'я люблю рыбу'. Вепсское слово *agmastada* 'любить' в некоторых говорах постепенно сужало свое значение, сохранившись лишь в значении 'ласкать' [2]. По-видимому, эти глаголы первоначально сосуществовали как синонимы. Затем, по мере того как заимствованное слово расширяло свои позиции, исконное слово сужало значение или совсем выходило из употребления.

Другой пример. Существительное *šuiġ* 'левша' [2] заимствовано из северно-русских говоров. А. Подвысоцкий дает это слово в словаре архангельского наречия и указывает, что слово 'шуй, шуяк' в значении 'левый' было полностью забыто уже в прошлом веке [3]. Слово 'шуян' в значении 'левша' находим еще в словаре Даля [1]. В вепсском языке в значении 'левый' употребляется исконное слово *hug(a)*: *hug(a) kâz'i* 'левая рука', а в значении 'левша' — чаще всего заимствованное *šuiġ*: *šuiġ hugau kâduu*

gadab 'левша работает левой рукой', хотя в отдельных говорах встречаем и производное от *huga* > *hugaš* 'левша'.

В некоторых случаях заимствованное слово полностью вытеснило исконное слово из употребления. Последнее сохранилось лишь в произведениях устного народного творчества как устойчивое фразеологическое сочетание или в топонимике. Наглядным примером может служить древнее германское заимствование *gaŋa*, которое в прибалтийско-финских языках первоначально обозначало беличью шкурку, затем деньги. В вепсском языке в этом значении слово *gaŋa* давно вытеснено русским заимствованием *d'engad*. О том, что оно когда-то бытовало, поведали нам старые похоронные плачи, в которых слово *gaŋa* встречается в значении 'серебро' (*ii tarbiz milēñ ŋi kūdad, ŋi gaŋad* — 'не нужно мне ни золота, ни серебра') и в переносном значении как прилагательное дорогой, любимый (*gaŋa matkōhūd* 'дорогая маменька').

Даже такое обиходное слово, как *pagišta* 'говорить', в южно-вепсском диалекте заменено заимствованным глаголом *baštā* от русского диалектного басить, 'говорить, разговаривать' [4]. Интересно отметить, что в отдельных говорах средневепсского диалекта тоже есть слово *baštā*, но оно получило в них значение изобразительного глагола и употребляется в сочетании с глаголом *pagišta*: *basib pagišta tūhgād* 'болтает вздор'. (Ср. также южно-вепсское *bask* 'красивый' < рус. диал. 'баский' и исконно вепсское *šoma* 'красивый'; средневепсское *maštin* < рус. диал. 'мостина' и *puzu* 'корзина'; *lāg* < рус. диал. 'ляга', 'лужа, пруд' и исконно вепсское *luht, uht* 'лужа'; *matš* 'баба, старуха' и *ak* с тем же значением). Эти примеры свидетельствуют о том, что самые обиходные, часто употребляющиеся слова нередко заменяются заимствованными. Сначала исконное и заимствованное слова сосуществуют как синонимы, но постепенно за ненадобностью в языке двух слов для обозначения одного понятия одно из них либо получает новые оттенки значения, либо совсем выходит из употребления и забывается. Рассмотрим это явление еще на примере синонимичной пары глаголов *mujutada* и *krasta* 'красить' [2]. Уже с древних времен вепсы красили рыболовные сети и домотканое полотно. В качестве красителя использовали ольховую и ивовую кору, сок черники и брусники. Когда же начали красить полы, вместе с краской появились и заимствованные из русского языка слова *krask* 'краска' и *krasta* 'красить'. Вначале эти глаголы делили свои функции: *mujutada* 'красить сети, ткани', *krasta* 'красить полы и прочие деревянные поверхности'. В отдельных говорах это деление существует по сей день, в других — глагол *mujutada* полностью вытеснен глаголом *krasta*.

Во многих случаях иноязычное влияние способствует расширению семантики исконного слова, образуя лексические кальки. Расширение значения особенно характерно для наиболее употре-

бительных глаголов. Так, в результате интерференции под влиянием русских глаголов *идти*, *ходить* появились новые значения у глаголов *astta* 'идти, шагать' и *kävelta* 'ходить'. Можно, например, сказать *lumipilv astub* букв. 'снеговая туча шагает'; *časud jälghe astubad* 'часы отстают, букв. шагают сзади'; *lapselä nellanz vož astub* 'ребенку идет четвертый год'; *kut rad astub?* 'как идет (шагает) работа'. Примеры с глаголом *kävelta*: *kudama ha klasha käveled?* 'в который класс ходишь?'; *aħa kävelob perftmu* 'ветер ходит по избе'.

Существительное *so* обозначает в некоторых южно-вепских говорах болото и мох, в соседних русских говорах слово *болото* имеет также значение 'мох' [1, 4]. Отсюда глагол *somšťa* 'мшить' рядом с исконно вепским *samauta* < *samaui* 'мох' [2].

Глагол *liñeb* 'будет' получил дополнительное значение 'хватит, достаточно' [2] в результате калькирования диалектного значения соответствующего русского слова.

Многие вепские фразеологизмы являются прямыми кальками с русского языка. Примеры: *antta vajeh* 'дать слово', *otta tuukhu* 'взять в толк', *kinged korvale* 'тугой на ухо', *mändä venciañ alle* 'идти под венец', *siižutada samvar* 'поставить самовар' и др.

Примечательно, что иногда на вепской почве заимствованный из русского языка фразеологизм сохранился в более древнем виде, в нем просвечивает еще его первоначальное значение. Например, *roig nahodib tathazo, ani jaloie valetud* 'сын похож на отца как вылитый' (досл. 'как в льяло вылитый'). В русском языке слово *ляло* давно вышло из употребления. В северно-русских причитаниях, собранных Барсовым, это слово встречается в двух вариантах — *ляло* и *яло* в значении 'форма для литья свечей' [1]. В вепском языке слово *jalo* бытует только в этом устойчивом выражении.

В заключение следует указать на то, что несмотря на столь сильное влияние русского языка, которое дает о себе знать на всех языковых уровнях, вепский язык сохранил свою фонетическую и грамматическую систему, самобытную лексику. Лексика вепского языка в ее историческом развитии еще слабо изучена. Она может дать богатый материал для исследования истории прибалтийско-финских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Словарь живого великорусского языка. СПб., 1903.
2. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
3. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
4. Словарь русских народных говоров. Т. 1—23. М.; Л., 1965—1987.

РАННИЕ ЗАПИСИ ПО ЮЖНО-ВЕПССКОМУ ДИАЛЕКТУ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В статье рассматриваются старейшие собрания материалов по южно-вепсскому диалекту — рукописи финских лингвистов Э. Н. Сетяля и Л. Кеттунена 1916—1918 гг. Материалы собраны главным образом в деревнях Радогоща, Чайгино и Кортало.

Э. Н. Сетяля готовил историческую фонетику прибалтийско-финских языков в то время, когда при изучении народностей, проживающих в России, еще не было возможности воспользоваться данными переписи населения. Первая всероссийская перепись населения была проведена 28 января 1897 г. И поэтому в работе Э. Н. Сетяля «Yhteissuomalainen äännehistoria» («Историческая фонетика прибалтийско-финских языков»), увидевшей свет в 1890—1891 гг., примеры, отмеченные им как южно-вепские говоры, распространенные в верхнем течении р. Оять, в действительности являются примерами не южно-, а средневепского диалекта. Тот факт, что южнее, в Тихвинском уезде Новгородской губернии (ныне Бокситогорский район Ленинградской области), также живут вепсы, дошел до сознания языковедов, очевидно, лишь после опубликования материалов переписи населения 1897 г.

Первой работой, в которой упоминались вепсы Тихвинского уезда, стал, вероятно, очерк «Vepsäläiset» («Вепсы») М. Ю. Эйзена [2]. Говоря о численности и регионах расселения вепсов, М. Ю. Эйзен опирался на более ранние обзоры (например П. Кёппена и А. Алквиста), а также на данные переписи населения 1897 г.: «По последней всеобщей переписи населения, в 1897 г. на берегу Онежского озера проживает 7257 и по берегам реки Оять 8880 душ, тем самым всего 16147 вепсов. К ним следует добавить вепсов из Новгородской губернии. В Белозерском уезде их насчитывается 2011 и в Тихвинском — 7136. Таким образом, численность вепсов составляла 25394 души» [2 : 169—171].

Итак, уже в 1911 г. было достоверно известно географическое местонахождение носителей южно-вепского диалекта, однако вряд ли М. Ю. Эйзен знал, отличаются ли по языковым особенностям тихвинские вепсы от остальных вепсов. Не знали об этом и другие лингвисты, иначе Э. Н. Сетяля не стал бы высказывать предположение, что изучение языка «новых» южных вепсов может осветить некоторые до сих пор не решенные проблемы [8].

Лишь в 1916 г. Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянен приступили к исследованию южно-вепского диалекта в деревнях Пятино и Радогоща, где первый собирал языковой материал, а второй — произведения фольклора и народной музыки. По сведениям А. О. Вайсянена [8], из поездки были привезены рукописи текстов

и около 50 восковых дисков с зафиксированными при помощи фонографа сказками, песнями, заклинаниями и инструментальными произведениями. А. О. Вайсянен сделал также серию фотоснимков, которые в дальнейшем широко использовались в Финляндии для иллюстрации различных изданий.

Записи Э. Н. Сетяля, хранящиеся в Государственном архиве Финляндии, представляют собой общую тетрадь, в которой на 347 страницах записаны слова и словоформы в основном из Радогощи (с. 23—347), а также из Пятино (с. 1—20). Важно отметить запись от 21 июля, когда впервые для языковеда прозвучало и было зафиксировано самоназвание 'вепс'. В Пятино Э. Н. Сетяля так записал его: *beþsłaiñe**.

В начале зимы 1917 г. в ареал южно-вепсского диалекта отправился Л. Кеттунен. Опубликованные на основе собранного материала «*Lõunaveþsa häälik-ajalugu*» («Историческая фонетика южно-вепсского диалекта») и «*Näytteitä eteläveþsästä*» («Южно-вепсские примеры») уже более 60 лет находятся в распоряжении всех заинтересованных лиц. Свои заметки по синтаксису он пополнил в экспедиции 1934 г., таким образом, изданное в 1943 г. «*Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*» («Исследование синтаксиса вепсских диалектов») не ограничивается данными одного диалекта, а охватывает все вепсские диалекты. Первоначальная рукопись словаря Л. Кеттунена [4: VI; 6: 240—241] найдет, очевидно, применение в работе над составляемым сейчас в Финляндии словарем вепсского языка (правда, конкретные сведения об источниках этого словаря у меня отсутствуют). Л. Кеттунен тоже фотографировал в Радогоще, Чайгине, Кортале и других местах, где языковых записей не делал, причем снимки (31 шт.) хранятся в фотоархиве этнографии Музейного ведомства (*Museoviraston kansatieteen kuva-arkisto*, Хельсинки). Позже они тоже частично нашли применение как иллюстративный материал. Его рукописные заметки имеются на кафедре прибалтийско-финских языков Хельсинкского университета [3: 87].

Каким образом и для чего эти старейшие из доступных исследователям записи по южно-вепсскому диалекту могут быть использованы в настоящее время? Ответ здесь зависит от определения важнейшей на данный момент задачи в исследовании вепсского языка. С моей точки зрения, поскольку до последнего вре-

---

* У средних вепсов на Ояти самоназвание «вепс» А. Алквист обнаружил значительно раньше, еще в середине XIX в. См.: *Muistelmia matkoilta Wenäjällä 1854—1858*. Kirjoitanut A. Ahlqvist. Hameenlinna, 1986. S. 104—105 (Прим. ред.).

мени при сборе материала по этому диалекту без должного внимания оставались проблемы словоизменения, необходимо срочно составить опись тех слов, от которых на сегодня зафиксированы словоизменительные формы, и перечень этих форм. Эта работа одновременно стала бы, во всяком случае, должна стать инвентаризацией всей зафиксированной лексики. Ведь время для сбора материала из-за стремительного процесса ассимиляции следует использовать экономно и оперативно. В южно-вепсских деревнях сейчас насчитывается около 600 вепсов, которые проживают только или почти круглогодично у себя дома. Растет процент пожилых людей, переезжающих на зиму к детям — в центральную усадьбу или в город, где они так или иначе включаются в активное общение на русском языке. Следовательно, для учета лексики должны быть использованы все сколько-нибудь доступные записи.

Учет зафиксированных в письменном виде южно-вепсских слов и словоформ к настоящему времени мною уже завершен. На первом его этапе составлялись описи по всем опубликованным источникам (прежде всего «Lõunavepsa häälik-ajalugu», «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus», «Словарь вепсского языка») и собранному за последние годы в экспедициях материалу (список глаголов [7: 88—150], имен и неизменяемых слов). Дополнения к списку глаголов содержатся в соответствующей картотеке сектора финно-угорских языков Института языка и литературы АН ЭССР.

Сравнение упомянутых списков с рукописными заметками Э. Н. Сетяля и Л. Кеттунена стало вторым этапом учета. Оценивая последние именно с этой точки зрения, следует отметить, что записи как 1916 г., так и 1917—1918 гг., несмотря на то что тетради с систематизированным материалом Л. Кеттунена послужили основой для упомянутых выше публикаций, заметно пополнили имеющиеся данные. Правда, что касается глаголов, то только в виде основ. После того как в итоге анализа около 1840 глагольных форм были установлены словоизменительные типы [7: 36—41], у Л. Кеттунена и Э. Н. Сетяля не встретилось данных, которые опровергли бы полученные мною результаты. Однако в списке отсутствовали имеющиеся в тетрадях Л. Кеттунена глаголы*: а) простые основы: *bučta* 'стирать', *höksä* 'смеяться' (ономат.), *pilskta* 'капать' и т. д.; б) дериваты; *argesta-*, *oñdišta-* 'вягивать'; *paičosta* 'почествовать'; *oñdištu-* 'опустошаться', *pölištu-* 'погибать', *öglestu-* 'стошнить', *bälähtä* 'блеть (разок)', *čihkahta* 'сморгаться', *čudahta-*, *čoksuta-* 'целоваться', *čopita-* 'тыкать',

* В словаре вепсского языка [1] отдельные из перечисленных здесь глаголов приводятся, но не по южно-вепсскому диалекту. От части основ зафиксированы иные производные или же дана лишь основа деривации, причем указывается подчас только средне- или северно-вепсский ареал.

^v
hamskuta 'кусать впустую', **karpota** 'совокупляться' (?), **petata-** 'обманывать', **pilskuta-** 'моросить', **imitōŋta** 'заставить сосать', **koiverdōda** 'извиваться', **ūhtnōdā** 'объединяться'; **kukiče-** 'кудахтать', **napirōta: napirōče-** 'делать подряд' и т. д. (всего 86 глаголов, часть без переводов). Большинство из этих глаголов в диалектном ареале распространено повсюду, некоторые менее известны, есть и такие, значение которых зафиксировать уже не удалось.

Таким образом, наряду с инвентаризацией получаем информацию и по истории того или иного слова.

А вот для определения словоизменительных типов имени (что еще предстоит сделать) добавилось и много существенных словоизменительных форм, в связи с чем собирателю материала в будущем не придется тратить время на образование этих форм с помощью информантов.

Интересно проследить по SKES [9] за словами, добавленными в списки из материалов Э. Н. Сетяля. Выясняются, например, следующие факты:

1. В словарной статье SKES [9] вепское соответствие отсутствует (при наличии людиковского примера):

museva 'темный', *lyyd. muzav, -au 'id'. У Э. Н. Сетяля muzā: muzalad и muzale mbahk = ni must ni vāged* 'ни черный, ни белый'. (В СВЯ [1] на эту основу примеры только из средневепского).

vaka 'уверенный (в чем-то), придерживающийся своего мнения, твердый', etc., *lyyd. vagahine* 'взрослый'. У Э. Н. Сетяля *vaga* 'шест'. (В СВЯ [1] отсутствует).

2. В SKES [9] при заглавном слове вепский пример представлен только из средне- или северно-вепского диалектов:

harjus (g.-uksen) 'хариус', *lyyd. harduz, veps. hařduz, hařgus 'id'. У Э. Н. Сетяля xarijus: xariused* 'хариус'.

liika 'лишний', *lyyd. lig, ligan, veps. lig* 'излишек', *ligaks* 'излишне'. У Э. Н. Сетяля *liga: ligad* 'лишний'. (В СВЯ [1] северно-вепс. Шелтозеро и Каскесручей *liig, -an*).

nurea 'изнанка', *lyyd. murđinaïne, murninaïne, mūrñaine* 'изнаночный', *vepsP murñaiïne* 'изнаночный', *E murğniniškõn* 'кубарем'. У Э. Н. Сетяля *murđñaiïne* 'изнаночная (сторона)'. (В СВЯ [1] средневепс. Пондала и Ярославичи *murğnaiïne*, Озера *murğneiïne*).

runko 'торс' (совр. 'ствол' относительно позднее); *lyyd. runge* 'поясница, торс', *vepsK runğ (g. -un)* 'крестец, позвоночник', *E runge (g. -un)* 'часть мережи'. У Э. Н. Сетяля *runğ:runğud* 'туловище'. (В СВЯ [1] приведено *runğ, -on* общевепского распространения, одно из значений его 'часть от поясицы до лопаток').

3. Заглавное слово в SKES [9] не снабжено ни вепским, ни людиковским соответствиями:

mahti 'сила' и т. д. У Э. Н. Сетяля *maht:mahtōd* 'умение'. (В СВЯ [1] средневепс. Куя и Озера *maht, -on*). Вепские примеры в SKES [9] имеются, правда, под заглавным словом *mahtaa* 'мочь' и т. д.

maiti 'молоки'. У Э. Н. Сетяля *kalamaid* 'молоки'. (В СВЯ [1] значение 'молока' под заглавным словом *maid, -on* 'молоко', хотя зарегистрировано слово только в ареале северного и среднего диалектов).

kaide 'бёрдо'. У Э. Н. Сетяля *kaidōmaz — kaidōmhed:kaidōmhjūd* (значение не отмечено). (В СВЯ [1] средневепс. *kaidelma/z, -sēn* 'пролив').

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проработка обоих собраний материалов оказалась результативной с точки зрения инвентаризации как диалектной лексики, так и зафиксированных к настоящему времени словоизменительных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. (СВЯ).
2. Eisen M. J. Vepslased//Eestlaste sugu. Tartu, 1911. S. 165—177.
3. Castrenianum. Suomen ja sen sukukielten tutkimuskeskus. Helsinki, 1975.
4. Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943.
5. Kettunen L. Tieteen matkamiehenä. Kaksitoista ensimmäistä retkeä 1907—1918. Porvoo; Helsinki, 1945.
6. Kettunen L. Matkapakinoita ja muita muistelmia 1925—1960. Helsinki, 1960.
7. Kährlik A. Verbide muutmismudel lõunavepsa murdes. Tallinn, 1980.
8. Väisänen A. O. Vepsän mailla. Matkamuistoja//Uusi Suomi. 1916. 19.XI.
9. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1954—1981. (SKES).

В. А. Лапин

**ВЕПСЫ И РУССКИЕ В МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ
ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДА
(К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ)**

Чем больше публикуется фольклорно-этнографических материалов по Северо-Западу, тем очевиднее становятся такие факты и явления в музыкально-песенных традициях региона, которые уже не объясняются простым монографическим описанием каждой отдельной традиции. Известно общеметодологическое положение о том, что любые факты или эмпирические наблюдения, независимо от их количества, становятся научными только при их осмыслении в широком концептуальном контексте. В данном случае, когда вся рассматриваемая территория издавна является зоной активных этнических контактов, фольклорные традиции, их специфика и соотношение могут быть до конца поняты только в рамках широкой исторической перспективы и под углом зрения именно этнокультурных контактов. Отсюда следует, что, во-первых, для обеспечения исторической глубины подобных сопоставлений требуется комплексный подход, соотносящий данные фольклористики с данными других смежных дисциплин — истории, лингвистики, этнографии и археологии, а, во-вторых, русские локальные традиции региона необходимо сравнивать и соотносить не только между собой, но и с традициями других этносов, живущих и живших ранее на этих землях. И тогда собственно аналитическая работа должна быть подчинена не просто, скажем, задачам структурной текстологии, но возможности историко-этнической интерпретации материала.

С такой точки зрения публикации по традициям Северо-Запада представляются более чем фрагментарными. В наибольшей степени это относится к музыкальному фольклору вепсов. Тем не менее некоторые существенные для нашей задачи наблюдения и выводы уже имеются.

Как показали исследования Е. Е. Васильевой, прионежская мелострофа-тирада, известная прежде всего по былинам Рябининых и долгое время считавшаяся, так сказать, эталонным типом былинных напевов, зафиксирована только в Заонежье и при-

брежной части Пудожского края. По типу напевов русская эпическая традиция Прионежья «не только отличается от мезенской, печорской, беломорской, но и не входит в систему, которую эти традиции образуют» [4]. Не менее существенно и то обстоятельство, что прионежский тип напевов территориально точно совпадает с ареалом заонежского говора, описанного в свое время Г. Нефедовым [19].

Совпадения на этом, однако, не заканчиваются, а только начинаются. Материалы по музыкально-песенному фольклору карел и ингермандландцев, активно публикуемые в последнее время петрозаводскими фольклористами [6, 9, 18, 21, 22], дают возможность нащупать главный нерв проблемы — специфический музыкально-песенный феномен, «балансирующий на грани определенной структуры и импровизации», но устойчиво существующий в фольклоре прибалтийско-финских народов — карел, велсов, отчасти ижор [3]. Этот интонационно-структурный тип, этнически и жанрово не замкнутый, реализуется в виде напевов свадебных и похоронных причитаний, баллад, лирических песен, колыбельных, а также в карельских ёйгах. Наиболее однозначно и структурно устойчиво этот тип фиксируется, однако, у велсов в качестве свадебных и похоронных причитаний, поэтому и назван автором указанной работы «велсской мелострофой» (VMS).

Для нашей задачи важно подчеркнуть два момента: во-первых, ошеломляюще точное совпадение зафиксированных образцов VMS с типовым напевом русских заонежских и пудожских былин; во-вторых, совпадение северной границы распространения VMS с границей средне- и северно-карельских причитаний [3: 127]. Другими словами, ареал формы VMS в Карелии совпадает с территорией расселения современных велсов и людиков, причем последние, как известно, захватывают контактные зоны и частично территорию Заонежья [2, 8].

Степень взаимодействия двух этнических культур все глубже осознается фольклористами и этнографами. От чисто внешней, можно сказать, номенклатурной фиксации фактов широкого бытования русских песен различных жанров или отдельных элементов обрядности у южных карел и велсов исследователи переходят к наблюдениям и выводам более глубокого, сущностного порядка. Так, для всей территории проживания людиков и прионежских велсов можно считать установленным факт причитывания либо только по-русски, либо на двух языках, причем языковая разница подчеркивает ритуально значимые моменты. Например, территориально широко распространено общее различие русскоязычной свадебной причеты и карельско- или велскоязычной похоронной [14—16]; на свадьбе в русскоязычной причете может выделяться цикл «баенных» причитаний [27] и т. д. В то же время органичное двуязычие проявляется уже не только во

включении отдельных русских слов в карельскую причеть, но и, наоборот, при включении карельских или вепских слов и выражений в русскоязычный текст причитаний [13]. Добавим к этому свободные переводы русских песен, усвоение и развитие песенно-танцевального репертуара и специальной народно-хореографической «лексики» [17], давнюю русскоязычную традицию прозаических жанров — преданий, быличек, заговоров, гаданий [25, 26], а также осознание некоторой части русских песен (например «Из-за лесу, лесу темного», «Что же ты, черемшина» и др.) в качестве «старинных карельских» [21]. Получается достаточно широкий спектр «синтеза культур» в сфере традиционного фольклора и отражения этого синтеза в этническом самосознании*.

И тем не менее абсолютно не изучено главное для этномусикологии — механизм структурно-музыкального взаимодействия, поэтому, если один и тот же автор утверждает, что, например, в песенной культуре западного побережья Онежского озера «сочетаются традиции русской и карельской песенности», а вслед за тем говорит, что объектом его исследования «стал традиционный русский песенный фольклор... сохранившийся в памяти местных жителей» [20], то эти утверждения не только не согласуются между собой, но и свидетельствуют о том, что музыковеды-фольклористы, занимающиеся регионом Обонежья, до сих пор подходят к материалу с привычных и одномерных позиций. Между тем очевидно, что такой подход — изучать здесь только русский песенный фольклор как таковой, особенно после исследований Е. Е. Васильевой, — мало приемлем и бесперспективен.

«Память местных жителей» для нас сейчас особенно драгоценна тем, что она хранит следы совсем недавних, «горячих», процессов этнокультурного взаимодействия. Внешний факт перехода на русскую речь и переориентация этнического самосознания вовсе не означают, что и «по форме напевы причитаний этого района также принадлежат русской традиции» [10]. Внешний и очевидный факт не должен затенять сущность и механизм процесса, тем более что в данном конкретном случае приведенное высказывание относится к традиции Заозерья — Ялгубы — Суйсари (и шире — всего западного побережья Онежского озера), где была обнаружена знаменитая рукопись XVII в. с вепско-людиковскими записями заговоров и жители которого, по свидетельству А. П. Ба-

---

* До сих пор в глубине этнических территорий вепсов и карел фольклористы записывают русские песни и русскоязычные причитания от певиц, которые не знают разговорного русского языка. Однако для понимания сущностной стороны людиковско-вепской песенной культуры и процессов ее развития представляется чрезвычайно важным феномен фольклорного двуязычия, которое, как кажется, до сих пор до конца не раскрыто и не объяснено. Фольклорное двуязычие не тождественно бытовому билингвизму. Аналогичные явления наблюдаются в фольклоре многих народов мира.

ранцева, еще в 1940-е годы, т. е. не более двух поколений назад и на памяти нынешнего старшего поколения, говорили по-люди-ковски и называли себя людиками [1].

Очевидно, что о процессах и результатах этнокультурного взаимодействия народов региона нужно говорить дифференцированно как в собственно этническом, так и в локально-территориальном отношении. Несомненна общая интегрирующая роль русской культуры на всем Европейском Севере. Восточно-славянские племена осознавали свое единство прежде всего и, может быть, исключительно через язык. При всех языково-племенных, а затем и собственно диалектных особенностях, различиях хозяйственно-бытовых и социальных язык оставался стержневым компонентом всех уровней культуры и этнического самосознания. Отнюдь не случайно то обстоятельство, что если археологи, например, до сих пор дискутируют по вопросу о «достоверно славянских» памятниках материальной культуры времен Древней Руси, то первые летописцы при всей этнической пестроте ситуации никогда не сомневались в том, кто есть «словенскъ языкъ суть».

Принятие христианства и укрепление в связи с этим языкового и культурного единства, этноконфессиональное значение формировавшегося на Руси «обыденного православия», способствовавшего, в частности, укреплению русского этнического самосознания, — все это также развивалось прежде всего на языковой основе. При этом постоянные и многочисленные этнокультурные «прививки» органично усваивались, перерабатывались и интегрировались русской культурой. Но если в области профессионального русского искусства этот вопрос уже давно не дебатруется, а исследуется, то в области музыкального народного творчества все еще господствует ложная стыдливость и однозначно русофильский подход. Нужно, наконец, отдать должное, с одной стороны, мощности русской традиционной культуры, которая, перерабатывая и переплавляя эти многочисленные включения, развивалась и продолжала оставаться тождественной самой себе, а с другой — тому реальному вкладу, который внесли финские племена, народности и отдельные этнографические группы в **формирование северно-русского фольклора**.

Иные социально-этнические и этнокультурные судьбы прибалтийско-финских народов — карел, вепсов, ижор, води и др., не прошедших до конца путь этнической консолидации и превращения в нации, но существовавших в постоянных контактах со славянами-русскими, — дали и иные результаты развития их традиционных культур. Давнее и устойчивое двуязычие в одних случаях вело к окончательной русификации, перестройке этнического самосознания и системы традиционной культуры в целом. Эти процессы чрезвычайно важно учитывать, так как в конечном счете они вливались в общий процесс формирования русской куль-

туры, но существенно влияли на ее локальные особенности. В других случаях шел процесс формирования своеобразных местных вариантов прибалтийско-финской культуры, также различающихся по степени и стадиям «поглощения» в них разных объемов и уровней русской культуры.

Публикации фольклорных материалов народов Карелии позволяют хотя бы отдельными фрагментами, но реально увидеть механизм интеграции, на наших глазах превращающийся в историю. Аналитический ракурс, который может дать такую возможность, — выявление ориентации народных исполнителей на **существующие в их сознании структурно-композиционные модели-стереотипы**, отражающие и аккумулирующие устойчивые и **этнически значимые структурно-интонационные типы**. Один из важнейших стереотипов подобного рода — «вепсская мелострофа».

Рассмотренный под таким углом зрения материал заставляет о многом задуматься. Как писал К. В. Чистов, «этнограф и фольклорист, изучающий современные проблемы, всегда остается историком: современность предстает перед ним как результат истории» [29: 6]. Стереотипы сознания отражают его глубинные уровни, обеспеченные и обусловленные длительно существующей традицией. В то же время они помогают обнаружить разную историческую глубину и разную степень интенсивности процессов взаимодействия в различных локальных традициях. Становится ясным, что не только «странный» напев «Вольги и Микулы», но и (что гораздо важнее) типовой напев всех остальных повествовательных сюжетов Рябининых, а в своих мелодических вариантах и всего Обонежья, получает основательный и очевидный контекст — в устойчивом и жанрово не ограниченном интонационно-структурном типе VMS у вепсов и людиков, а отчасти и у всех южных карел*. Таким образом, можно с достаточным основанием говорить об интегрирующем значении веси — вепсов в музыкально-фольклорной стилистике значительной части региона. Во всяком случае, повествовательный (нарративный) песенный фольклор, включающий былины, баллады, духовные стихи, руны, похоронные и свадебные причитания, оказывается в той или иной степени включенным в сферу структурно-стилевого взаимодействия. В русских традициях Посвирья, Заонежья, Пудожья это более или менее давние процессы, результаты которых вполне стабилизировались в сложившихся локальных жанрово-стилевых системах, хотя и эти названные традиции, как можно предполагать, формировались в исторически разное время. В других

---

* По предположению Е. Е. Васильевой, тип VMS, объединяя нерунические жанры с метрически не упорядоченным аллитерационным стихом, может оказаться вообще одной из важнейших структурных констант жанровой системы прибалтийско-финского песенного фольклора [3].

случаях это совсем «горячие» процессы, еще только-только начавшие «остывать» и стабилизироваться, или даже активно продолжающиеся и в наши дни на западном побережье Онежского озера или в зонах активных и непосредственных контактов средних и южных вепсов с русскими.

Мы можем теперь утверждать, что у народов рассматриваемого региона на протяжении длительного периода происходила структурная интеграция не только в сфере традиционной материально-бытовой и части духовной культуры. Подобные процессы происходили и в собственно музыкальном фольклоре, на уровне специфического музыкально-песенного сознания. Очевидно, что, например, заонежские и пудожские сказители осваивали интонационно-структурный тип местного, длительное время жившего бокобоко, дружественного прибалтийско-финского населения. Освоение это было творчески активным и происходило, видимо, достаточно давно. Во всяком случае, ко времени первых собирателей это была уже прочно сложившаяся **русская эпическая традиция**, органично сплавившая в своей музыкально-жанровой системе **этнически разнородные элементы**.

В связи с таким выводом вспомним наблюдения А. Ф. Гильфердинга, сделанные им по поводу соотношения пудожско-заонежской и водлозерской эпических традиций. Записывая былины в 1871 г., он зафиксировал не только различия в сюжетах, в размере и лексике былинных стихов, но и в исторической глубине традиций. По его наблюдениям, на Водлозере былины «только начинают прививаться» и из семи сказителей лишь один перенял былины от отца, остальные — «на чужой стороне» или «от заезжих людей». Поэтому водлозерская традиция, «заносимая с разных сторон», «не имеет никакой определенной физиономии» [5: 35, 48]. А если предположить, что ко времени поездки А. Ф. Гильфердинга «водлозеры» еще совсем недавно не были русскими? Вероятно, здесь, как и в районе Ялгубы, только на полтора столетия раньше происходил тот же активный процесс обрусения, смены этнического самосознания, перестройки всей песенно-жанровой системы и **формирования собственно русской фольклорной традиции на иноэтнической основе**. Если напомнить свидетельства историков, этнографов и лингвистов, то наше предположение может показаться и не таким уж необоснованным [2, 7, 11, 12].

Гораздо более обширную территорию по сравнению с эпическим оказыванием охватывают свадебные и похоронные причитания, в сфере которых процессы взаимодействия и интеграции были, вероятно, еще более активными, а в некоторых локальных очагах не прекратились и до сих пор. Своеобразная структурная «сдвинутость» в сравнении с нормативными напевами дает возможность при анализе отчетливо улавливать структурно и этни-

чески определенные стереотипы (вепсская мелострофа и мелодический тип южно-карельских рун), существующие в сознании современных русскоязычных исполнителей*. Некоторые записи из сопредельных русских районов могут быть прочитаны теперь иначе — как образцы русских традиций, формировавшихся, в частности, на вепсской этнической основе**. Кроме указанных бесспорных можно назвать еще более сложные случаи, например традиции русских свадебных причитаний Карельского и Поморского берегов Белого моря [24], где обнаруживается освоение специфических композиционных принципов карельских причитаний и вепско-людиковской тирадной мелострофы***.

Вопросов и загадок, связанных с этнокультурной историей вепсов, их местом и ролью в традиционной культуре Северо-Запада в целом, много, гораздо больше, чем уже имеющихся ответов. Однако анализ даже фрагментарных материалов, опубликованных к настоящему времени по фольклорным традициям Северо-Запада, позволяет сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, весь — вепсы — людики — южные карелы в целом — это не просто преемственная этногенетическая линия, но и важнейший историко-культурный компонент, в значительной степени определявший и интегрировавший музыкально-фольклорную стилистику многих локальных традиций региона, как прибалтийско-финских, так и славяно-русских. Отсюда следует важнейший методический вывод: многие из вопросов, связанных, казалось бы, только с вепсами, людьмиками или южными карелами, на самом деле оказываются существенными, а то и принципиально важными как для выяснения общей истории русских фольклорных традиций, так и для верного понимания и интерпретации отдельных конкретных фактов и целых комплексов явлений в традиционной культуре Русского Северо-Запада. Не исключено, что этот вывод значим и для всего Русского Севера. Столь же существенно и обратное: проблематика и стилистика русских локальных традиций

---

* См., например, обширную публикацию русскоязычных причитаний, записанных у шелтозерских вепсов [23].

** См., например, свадебные причитания, записанные в Лодейнопольском районе Ленинградской области [28].

*** Здесь мы несколько расходимся во взглядах с авторами опубликованного в этом издании аналитического очерка о свадебных напевах двух поморских сел. Авторы трактуют причитания обеих традиций как однотипные и не считают существенной разницу между своеобразной «кольцевой» однофазовой формой коллежмской причеты и тирадной формой причитаний с. Нюхча. Думается, что влияние типа VMS во второй традиции хотя и опосредованно, но несомненно: подвижная стиховая строка (от 8 до 23 слогов) и собственно мелодическая композиция с вариантами *ав*, *авв*, *вв*, *вс*, *авс*, *аввс* и т. д. (хотя и с размытыми гранями мелодических фраз) — все это относится к важнейшим композиционным признакам «вепсской мелострофы», но не русских однострочных причитаний.

зачастую не могут быть до конца поняты, если не иметь в виду огромного и многослойного поля исторического, территориального и структурно-стилевого этнокультурного взаимодействия славяно-русского и финно-угорского миров.

Во-вторых, верное представление о реальной этнокультурной истории позволяет иначе «читать» музыкально-фольклорный материал как в плане собственно аналитических возможностей изучения механизмов народно-песенного мышления, так и в отношении его историко-этнической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранцев А. П. К вопросу о взаимодействии языков Южной Карелии в первой половине XVII века//Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 110—112.
2. Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа//Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. Вып. 5. С. 15, 21.
3. Васильева Е. Е. Вепсская мелострофа в межжанровых отношениях причетной традиции//Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979. С. 125—130.
4. Васильева Е. Е. Напевы русской эпической традиции Прионежья//Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 172.
5. Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды//Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983. С. 35, 48.
6. Карельские причитания. Петрозаводск, 1976.
7. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1976.
8. Клементьев Е. И., Рягоев В. Д. Некоторые особенности этнокультурного развития карельского народа (до начала XX в.)//Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 86—87.
9. Кондратьева С. Н. Карельская народная песня. М., 1977.
10. Коски Т. А., Краснополская Т. В. Напевы причитаний сегозерских карел и их роль в плачевых традициях Обонежского региона//Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 32.
11. Краснополская Т. В. Традиционное песенное искусство современного Пудожя//Народная музыка СССР и современность. Л., 1982. С. 81—89.
12. Кузнецова В. П. К описанию регионального типа русской свадьбы Пудожского района//Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 65—66.
13. Курагина И. Б. Причетная традиция северных вепсов//Там же. С. 22—23.
14. Курагина И. Б. О некоторых особенностях ритмического строя причитаний средних и северных вепсов//Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма: Тез. докл. Таллинн, 1982. С. 32—33.
15. Лапин В. А. Русские свадебные песни у вепсов//Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М., 1973. С. 37—52.
16. Лапин В. А. Русская песня у вепсов//Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллинн, 1977. С. 183—216.
17. Мальми В. Народные танцы Карелии и Ингерманландии//Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980. С. 65—84.
18. Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.

19. Нефедов Г. Ф. О языке былин//Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941. С. 43—57.
20. Николаева С. Ю. Местные традиции свадебных песен западного берега Онежского озера//Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск. 1981. С. 27.
21. Песни Карельского края/Сост. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.
22. Рода нашего напевы: Избр. песни рунопевческого рода Перттуненов. Петрозаводск, 1985.
23. Росынька. Песни и игры для фольклорных ансамблей/Сост. Т. Белоконова. М., 1982.
24. Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче)/Изд. подгот. А. П. Разумова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1980.
25. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)/Изд. подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978.
26. Сенькина Т. И. К проблеме изучения фольклора в регионе со смешанным русско-карельским населением//Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 25—27.
27. Степанова А. С. О собирании, современном состоянии и некоторых особенностях поэтического языка карельских причитаний//Карельские причитания. Петрозаводск, 1976. С. 11.
28. Сто русских народных песен/Под общей ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970. № 40—42.
29. Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-Запада СССР//Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 6.

И. Ю. Винокурова

ВЕПСКИЕ ЗАВЕТНЫЕ ПРАЗДНИКИ ОХРАНЫ СКОТА

Праздник — явление культуры, противоположное другой фазе жизни коллектива — будням. Во все времена любой существующий народ организовывал свою жизнь как непрерывную смену двух названных фаз: будничной и праздничной [8 : 21]. У вепсов архаичным понятием для обозначения праздника в прошлом служило слово *rühä*, в настоящее время переводимое как 'святой' и 'пост'. Эти значения подчеркивают сакральное содержание праздника, существование в этот период запретов и ограничений на различные действия. Антонимом слова *rühä* в прошлом являлось слово *ag'g'*, обозначающее 'будни'. У многих народов мира также существовали названия праздников, семантические значения которых содержали идею сакральности (ср. рус. 'святки', польск. *swieto*, сербо-хорв. 'свечаник' и т. п. от *svet* 'святой', 'сакральный'; англ. *holiday*: *holy* — 'святой'); незанятости, пустоты от дел (ср. укр. 'неділя'), порожности (рус. 'праздник') [20 : 329]. По точной формулировке В. Н. Топорова, данной для архаической мифопоэтической и религиозной традиции, под праздником понимается временной отрезок, противоположный будням, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий «макси-

мальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институализированное действо» [20: 329].

Длительное сосуществование с русским населением усложнило праздничную систему вепсского календаря, сформировавшуюся в результате воздействия церковно-правительственных постановлений и протонародных святцев. У русских вепсы заимствовали слова 'праздник', 'канун' — *praznik*, *kanun* (канун). По народным представлениям конца XIX — начала XX в., под словом 'праздник' у вепсов подразумевались следующие праздники: *sur'ed* (*voškaifhed*) 'большие/годовые' [10: 640] и *reñed* 'малые'. Такое же деление праздников на большие (главные), годовые и малые существовало у всех восточных славян [6: 136]. Как и у восточнославянских народов, у вепсов к большим относились различные по происхождению общинные праздники: а) церковные — храмовые (престольные), пасха, двенадесятые; б) не установленные церковью — Новый год, масленица, заветные; к малым — праздники, справлявшиеся одной деревней, семейные, праздники отдельных половозрастных групп, иногда религиозно-магические обряды, приуроченные к определенным православным датам.

В настоящей статье мы рассмотрим некоторые вепские заветные праздники конца XIX — начала XX в., посвященные охране скота. Они вызывают интерес, поскольку представляют собой своего рода спрессованное выражение напластований прошлых эпох, связаны с судьбой прежних систем ценностей, историей идей, структурными и функциональными преобразованиями исследуемого этноса. В конце XIX — начале XX в. вепские заветные праздники — *zavetan praznikad* — включали в себя не только церковные ритуалы (крестные ходы, «поднятия» икон, молебны), но и многие элементы древнего народного происхождения, которые сохранились в праздничной терминологии, в предметной, половозрастной, акциональной символике обрядов, в местах и во времени проведения празднеств; они по-разному сочетались в вепских этнолокальных группах.

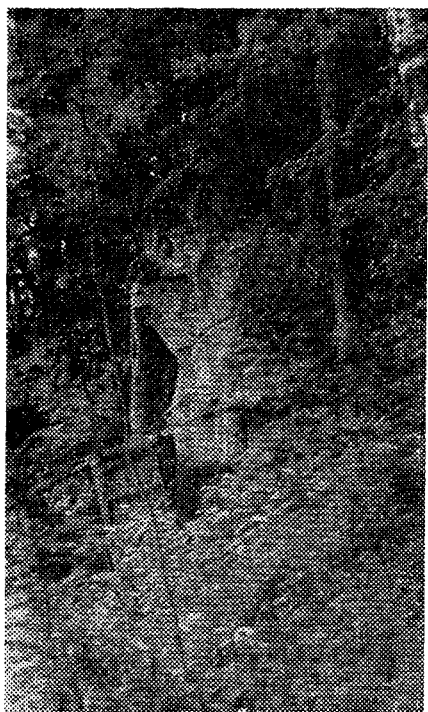
Причины установления заветных праздников и их характеристика объяснены А. В. Светляком: «Особенно интересными и характерными для вепсской деревни остаются все еще бытующие так называемые „заветные“ праздники. Тут сплошь и рядом древнее язычество переплетается с христианством. Какой-нибудь случай чисто местного значения (падеж скота, разлив реки, большой пожар, ураган или что-нибудь в этом роде), имевший место в старину и не находивший тогда достаточно ясного объяснения, объявлялся стариками предлогом для установления „завета“, и в память этого события, а также в предотвращение повторения невзгоды в будущем и учреждался „заветный“ праздник, т. е. такой, какой не предусмотрен никакими догмами, никакими канонами

церкви, а вытекал из событий местной жизни и учреждался самими старейшими лицами деревни» [2: № 343, л. 18]. Заветные праздники, установленные в связи с падежом скота, а также скотоводческие праздники более раннего происхождения выделялись вепсами особыми названиями — živatan praznikad (праздники скота), lehtan praznikad (коровьи праздники), hebon praznikad (лошадиные праздники). Все они приурочивались к календарным датам летне-осеннего периода, т. е. к разгару — концу пастбищного периода, наиболее опасного для скота. Объяснение такой календарной приуроченности скотоводческих праздников содержится в сообщении Н. Ф. Рябчиковой: «Lehtan praznikad всегда летом устраивали, чтобы волки и медведи скот в лесу не трогали» [3: № 681, л. 8].

У северных вепсов на праздниках охраны скота церковные ритуалы преобладали. Жители деревни пригоняли скот к местной церкви или часовне, где поп по случаю праздника служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах [3: № 675, 681, разные листы]. Мимо попа прогоняли животных, которых он окроплял освященной водой. В некоторых деревнях (Матвеева Сельга, Другая Река) известны случаи, когда окропление скота совершалось на перекрестках дорог у крестов, которые у вепсов считались священными местами [3: № 116, л. 5; № 681, л. 9]. Традиция сооружать придорожные кресты была наиболее популярной у северных вепсов, по сравнению с другими группами. К часовням и крестам они во время заветного праздника приносили жертвы (заветы): вышитые полотенца и деньги.

У средних и южных вепсов важным обрядом праздников являлось также приношение заветов к священному месту. Наиболее распространенными видами заветов были полотенца, платки, отрезы материи, продукты животноводства (шерсть, масло, сметана, молоко, творог, яйца), деньги. У средних и южных вепсов сохранились не только места православного культа (часовни, церкви), где совершались жертвоприношения, но и святилища природного происхождения (камни, деревья, ручьи), в основе возникновения их лежали пережитки языческих верований. Так, в д. Пяжозеро в Иванов день, который считался заветным праздником, жители совершали паломничество к ручью, бросали в него серебряные монеты, брали из ручья воду и окропляли ею скот [3: № 679, л. 31]. В д. Крутогор (Озера) в Ильин день крестьяне оставляли заветы около Ильина камня. По местным поверьям, происхождение его связано с возникновением большого столба дыма, на месте появления которого был обнаружен большой камень с отпечатком головы в шлеме [1: 142]. Интересна история происхождения святого места под названием peštor (рус. 'пещера') в д. Холодный Ручей (ярославские вепсы), возникшего в резуль-

тате слияния языческого и христианского культов. Основой появления его послужил огромный камень с выемкой внутри в виде стоящего человека, у которого четко выделялись голова, ряса с крестом и ноги. В связи с этим камнем существовала легенда, что в нем, как в пещере, жил Микола-угодник. Жительница д. Чур-Ручей (1 км от д. Холодный Ручей) видела однажды, как подходил к ее дому Микола в белой одежде (рясе), подпоясанный красным кушаком. На основе этих легенд жители пристроили к камню часовню, в которой каменная выемка со вставленной в нее иконой св. Николая стала служить «алтарем» (рис.). В успе-

Peřtor. Вид снаружи и внутри. Фото автора. 1985 г.

ние (15.08*), которое считалось заветным праздником в д. Холодный Ручей, местные жители приносили в peřtor полотенца, свечи, масло, шерсть, яйца [3: № 985, л. 31]. Помимо жертвоприношений у средних и южных вепсов во время праздников охраны скота происходило окропление, как и у северных вепсов, или купание животных в воде.

* В статье все даты даются по старому стилю.

Одной из дат, отмечаемых в календаре средних и южных вепсов повсеместно как *hebon graznik* (лошадиный праздник), являлся *Макаванпräi(rei)* — Маккавеев день (1.08). В этот день по служил молебен, святил на озере воду, а собравшиеся из разных деревень жители купали в озере лошадей, причем ритуал купания требовал обязательного участия мужчин: «чтобы лошади были здоровыми», мужчины должны были въехать в воду, сидя на них верхом [3: № 674, 675, 677, разные листы; № 985, л. 29]. Как известно, в прошлом в крестьянском хозяйстве забота о лошадях лежала на мужчинах, а о крупном и мелком рогатом скоте — на женщинах. Половозрастное разделение труда в повседневном быту требовало и необходимого соответствия в выполнении обрядовых функций по охране скота, что видно также на примере другого вепского праздника — *етаганпräi* (букв. 'день хозяйки'), отмечаемого в д. Слобода (Пондала), который слился с христианским праздником успения (15.08). В празднике разрешалось принимать участие только женщинам. В этот день они приносили в часовню заветы, некоторые пригоняли коров, обмывали их в реке в специально устроенной по случаю праздника иордани. Святую воду приносили домой и окропляли ею скот [3: № 679, л. 16, 17, 20]. Вызывает интерес название праздника — *етаганпräi*. На вопрос о том, в честь какой хозяйки был назван праздник, информанты отвечали, что «это праздник всех хозяек, женщин, которые занимаются уходом за коровами, домашним хозяйством» [3: № 679, л. 20]. На самом деле, название праздника, безусловно, имеет древнее происхождение. Напомним, что слова *ižand* 'хозяин' и *етаг* 'хозяйка' являлись, как правило, обязательными частями вепских номинаций различных духов-покровителей. В прошлом слово *етаг* в вепском языке, по-видимому, имело еще и другое значение — 'мать'. Об этом свидетельствуют данные прибалтийско-финской лексики. Так, в карельском и финском языках сохранилось старое значение слова *ета* (*etä*, *eto*) 'мать', в современном эстонском языке *ета* 'мать' [7: 64, 21: 66]. В произведениях вепского декоративно-прикладного искусства X—XIII и XIX—начала XX вв. часто встречается изображение всадницы на лесном, а позже на домашнем животном. Это изображение интерпретировалось исследователями как образ матери-прародительницы — хозяйки леса, зверей, птиц и людей, который позже трансформировался в божество домашних животных [15: 116]. Не ему ли в далеком прошлом был посвящен женский праздник *етаганпräi*? Впоследствии праздник и его название были ассимилированы христианскими праздниками, посвященными культу богородицы. Если у куйско-пондалских вепсов термин *етаганпräi* стал означать успение, то у средних (оятских и капшинских) и южных вепсов под *етаганпräi(rei)* понималось 'рождество богородицы' (8.09) — 'пречистая', а успение под влиянием русских получило

другое название — *usreŋ* или *usreŋpäi*(pei) [3 : № 675, л. 14; № 985, л. 10—15; № 988, л. 9, 13]. У родственных вепсам прибалтийско-финских народов название, подобное *eŋagaŋpäi*, *eŋäp-räivä*, было зафиксировано М. Сармела в 19 ливвиковских и людиловских деревнях и в одной северно-карельской деревне Кимас-озеро и означало усмение [27 : 75—81]. Наряду с ним у карел (оло-нецких, сегозерских) для обозначения усмения, так же как и у вепсов, существовало слово, заимствованное из русского языка — *usreŋja* [13 : 116, 119, 137; 27 : 77, 78]. У води усмение под влиянием русских называлось *uspeni bogoröditsa*, *boharöditsa* наряду с такими названиями, как *mäŋja*, *mäŋja päivä* (день Марии), а рождество богородицы — *ripa-mäŋja* (красная Мария), *eŋa mäŋja* (мать Мария), в последнем названии отразилось слияние языческого и христианского культов [26 : 113, 121]. Эти данные свидетельствуют о том, что название праздника *eŋagaŋpäi* по своему происхождению относится к общему дохристианскому прибалтийско-финскому слою культуры.

Уникальные записи и фотографии, сделанные в 1938 г., о южно-вепском скотоводческом празднике, половозрастном разделении на нем обрядовых функций находятся в архиве Н. Н. Волкова [4: ф. 13, оп. 1, л. 85—87; 5]. Праздник, приуроченный к Петрову дню, проходил в д. Килькиничи (ныне не существующей). Центральное место на нем, как сообщали жители, занимал обход скота. Н. Н. Волков дает следующее описание праздника: «В Петров день, после того как женщины потопили печи и напекли калитки, рыбники и другую снедь, коров согнали со двора и женщины оцепили их кольцом. У каждой хозяйки в руках было блюдо, наполненное калитками и яйцами, «чтоб скотинка была круглой как яйцо». Все они принарядились, на ногах у всех была обувь. Одновременно собрались мужчины, держа в левой руке решето с калитками, рыбниками, яйцами и иконой; в правой — топор острием вперед. После этого мужчины один за другим трижды обходили стадо со словами: «Святые апостолы Петра и Павла, Фролы и Лавра! Спасите нашу скотинку!» Женщины расстилали на земле пояса и, образовав узкий проход, пропускали через него скот в поле. При этом замечали, чья скотина заденет ногами пояс. Корова или теленок, задевшие пояс, предполагалось, не останутся в живых. Они станут добычей волков, медведей или заболеют, будут зарезаны на мясо. Мужчины после этого, воткнув топоры в угол избы, шли трапезничать под ольховые деревья, стоящие вблизи деревни; женщины шли под ели и также угощались». До выгона скотины в поле в этот день строжайше запрещалось что-либо делать. Нельзя даже было ходить за ягодами. В противном случае будто бы коровы члена общины, нарушившего правила, становились жертвами несчастных случаев. Как рассказывали жители Н. Н. Волкову, отец бригадира Ф. Бойцев однажды сразу

после обхода еще до обеда пошел на работу. В тот же день коро-ва Ф. Бойцева прибежала с разорванным выменем и год не дава-ла молока.

Обход скота с магическими предметами главами семейств, приносимые заклинания, запрет работы в день праздника, тра-пезы и жертвоприношения у священных деревьев (ольхи и ели) мужскими и женскими группами — все эти компоненты, частично трансформированные, встречаются в составе ритуала первого вы-гона скота на пастбища в Егорьев день у южных вепсов. Эти дан-ные дополняют наши представления о ранней дохристианской форме существования скотоводческого праздника у вепсов.

Заветные праздники охраны скота сохранялись необычайно долго в быту, а впоследствии — в памяти населения. «Секретом их долголетия» являлись постоянные бедствия, происходившие со скотом. Причину возникновения бедствий жители обычно виде-ли в разрушении праздничной традиции и требовали ее возобно-вления и публичного покаяния. Так, традиция проведения празд-ника сохранялась в д. Килькиничи вплоть до конца 30-х годов XX в. А. П. Медведева, которой в 1938 г. было 60 лет, сообщила, что еще до ее замужества жители перестали отмечать Петров день, но начался падеж скота. Тогда старики предложили снова ежегодно обходить скот в Петров день. По словам информанта, падеж сразу прекратился, как только праздник был восстановлен [4: № 6, л. 87].

Большой интерес представляет собой другой южно-вепсский скотоводческий праздник, отмечаемый в д. Сидорово 8 июля в честь казанской иконы божьей матери. Праздник, помимо офи-циального церковного названия — «казанская», имел народное — *siŗpũhãrãi* (букв. 'сырное воскресенье'). В этот день жители при-водили к часовне коров и лошадей, приносили главным образом молочные продукты — творог, масло, молоко, сметану, а также яйца, выпеченные изделия, деньги. Молочные продукты освяща-лись у иконы, а затем складывались в большие ведра и раздава-лись беднякам, у которых не было коров. После этого процессия с иконами шла к озеру. Животных проводили под иконами, а за-тем купали в воде «для здоровья» [3: № 675, 677, 980—984, раз-ные листы]. По рассказам местного населения, праздник возник по случаю падежа скота, который охватил когда-то южно-вепсские деревни. Во избежание этого бедствия жители д. Сидорово на «казанскую» по дорогам, ведущим в деревню, установили дере-вянные кресты и зажгли их огнем, добытым трением [22].

Исследование народного названия *siŗpũhãrãi* наводит на мысль о том, что праздник «казанская», установленный по заве-ту, поглотил какой-то старинный скотоводческий праздник, про-водимый у южных вепсов примерно в это же время. Этот празд-ник, как видно из названия — «сырное воскресенье» (выделено

мной.— И. В.), в прошлом должен был совершаться не в какой-то определенный день недели, например 8.07, а именно в воскресенье. Слова 'сыр' (творог), 'сырный' (молочный), составляющие первую часть названия праздника, были заимствованы вепсами из церковного календаря. У вепсов существуют свои термины для обозначения этих понятий: творог — *saged*, молочный — *maidokaz*. Употребление определения 'сырный' для праздничного воскресенья, вероятно, было связано не только с основным видом жертвоприношений в этот день, но и с временем празднования — между двумя постами: петровским и успенским, когда разрешалось употреблять продукты животноводства. У русского населения слова 'сыр', 'сырный' также чаще всего использовались для различения постной и скоромной пищи, связанной с постами.

Заветный праздник «казанская» вобрал в себя помимо народного названия некоторые обряды старинного праздника: жертвоприношения, распределение продуктов животноводства между бедняками. Как отмечал Д. К. Зеленин, у многих народов мира существовал древний обычай, по которому первые продукты, полученные от любого вида занятий (охоты, скотоводства, земледелия), распределялись между всеми членами общины [12: 130]. У вепсов такое древнее правило сохранилось не только в скотоводческих, но и в охотничьих обрядах [16: 40].

Праздник, подобный *sirpühäpäi*, существовал у ярославских вепсов в д. Нижнеконное (ныне не существующей). Он отмечался в Петров день. В день праздника жители, как и в д. Сидорово, несли к часовне масло, творог, сметану, сливки. Встречавшихся на пути к часовне людей угощали творогом. Принесенные молочные продукты раздавались «бескоровным». В этот же день происходило ритуальное купание коров и лошадей [3: № 986, л. 29].

Среди родственных вепсам народов ритуальное оставление молочной пищи в священном месте было зафиксировано у карел и эстонцев-сету. Так, у сегозерских карел (д. Сельги) существовала традиция отвозить в Петров день на о. Махосоари в часовню масло (обычно в очень больших количествах) [13: 93, 116—117; 14: 86, 87, 95]. В некоторых сетуских деревнях пожертвование молочными продуктами происходило в Иванов день к Иванову камню и в Ильинскую пятницу в Зареченскую церковь, которая в народе называлась *творожной* [23: 12]. У русских также встречаются свидетельства о существовании подобного обычая. Так, в Кичменгском Городке Никольского уезда Вологодской губернии с 29.06 по 2.07 сыры приносили в церковь в честь положения ризы Пресвятой Богородицы, которые затем поступали причту. В народе эта церковь в связи с видом жертвования получила название *церковь сырныя Богоматери*, а отмечаемый в ней храмовый праздник (2.07) — *праздник сырныя Богородицы* [11: 258]. Таким образом, жертвоприношения в виде молочных продуктов

— древнее универсальное явление, свойственное культуре народов, занимающихся животноводством.

У куйско-пондальских вепсов в летне-осенний период отмечались заветные праздники, основным содержанием которых были коллективные трапезы с закланием баранов или быков. Соблюдение их считалось обязательным, иначе, как полагали жители, «наш скот съедят волки и мы останемся без скота», «весь хлеб высохнет, сгорит на поле» [9 : 75]. В этих интерпретациях отражены аграрно-скотоводческие функции праздников: сохранить скот и урожай. Описание одного из таких праздников, отмечаемого в Ильин день в д. Сяргозеро (ныне не существующей), содержится в материалах А. В. Светляка и датировано 1926 годом: «С раннего утра несколько домохозяек, из числа имеющих овец, пригоняют своих „завещанных“ животных на погост к часовне Ильи-пророка. Здесь они побивают своих животных камнями и тут же, вблизи церковной ограды, свежую и варят мясо в больших котлах. Кишки, внутренности и отбросы не разрешается брать никому, и они выбрасываются в озеро. Пока в церкви идет обедня, мясо жертвенных животных успеет свариться. После обедни весь народ во главе со священником идет крестным ходом под звон колоколов к часовне. Сначала служат молебен пророку, а затем все приступают к жертвенной трапезе, причем каждый получает свою долю жертвы» [2, л. 19]. Подобные обряды всегда сопровождала легенда примерно такого содержания: «В стародавние времена в Сяргозеро к Ильину дню приходили два оленя. Одного оленя крестьяне убивали, а другого отпускали, и он уходил неизвестно куда. Пара оленей приходила ежегодно, и ежегодно один из оленей убивался, а другой отпускался на волю. Но вот однажды были убиты оба оленя, и с тех пор приход оленей на праздник Ильи-пророка прекратился. С тех пор для жертвоприношений стали употреблять только домашних животных» [2, л. 18].

В группе пондальских деревень праздник с закланием животных, так же как и в Сяргозере, отмечался в Ильин день. Для заклания выбирали бычков без единого пятна, обязательно красного цвета [3 : № 679, л. 22]. Это правило существовало и в русской деревне Отовозеро Пудожского уезда Олонецкой губернии. Здесь также на Ильин день приносили в жертву нехолощенного быка, непременно красного цвета, полагая, что тогда пророк Илья даст «хорошую ясную погоду для сенокоса и уборки урожая» [24 : 69]. По мнению Р. С. Липец, в этом обычае проступает уже «аграрное значение праздника» [17 : 104]. После забоя скота жители Пондалы варили мясо в котлах и всей общиной съедали его у Ильинской церкви. После трапезы обязательно посещали кладбище.

В деревнях поселений Куя и Войлахта коллективные трапезы с жертвоприношениями животных происходили в летне-осенний период два раза: в первое воскресенье после Петрова дня и в пер-

вое воскресенье после успения. Эти праздники соответственно назывались *peñ slabad* (малая слободская) и *suñ slabad* (большая слободская) по месту совершения их — Слободе, занятой хуторами, где была расположена Коршунская церковь. Иногда эти праздники назывались по народному названию церкви — *малая коршунская* и *большая коршунская*. Словами «малый» и «большой» подчеркивалась значимость праздников, которая проявлялась в формах проведения их. На *peñ slabad* было принято ходить пешком, а на *suñ slabad* обязательно ездили на лошадях. Там в этот день, кроме заклания животных, устраивалась ярмарка. По рассказам жителей, в прошлом каждый хозяин брал из своего хозяйства животное для принесения в жертву на одном из праздников, «чтобы все его стадо весь год было в целости и сохранности». Скот хозяева пригоняли к церкви и забивали, а затем варили мясо в котлах. На длинные столы ставили большие деревянные чаши с бульоном и мясом и «всем миром» черпали из них деревянными ложками [3 : № 674, 679, разные листы]. В поселениях Куя, Пондала, Войлахта обряд заклания сопровождался также легендой о двух оленях [3 : № 679, л. 20]. Подобная легенда и связанный с ней обряд зафиксированы еще у ряда народов финно-угорского происхождения: коми-зырян и пермяков, удмуртов, эстонцев-сету, южных и верхневолжских карел, а также у русских [14 : 86, 87, 95; 19 : 244]. Г. Г. Шаповалова выделила центральный район бытования этой легенды и обряда: Новгородская губерния (Тихвинский, Белозерский уезды), а также примыкающие к ней периферийные районы: Каргопольский уезд Олонецкой губернии, Кадниковский, Вельский и Тотемский уезды Вологодской губернии, Архангельская губерния, Поволжье [25 : 216]. Исследовательница доказала, что легенда о жертвенных оленях (вариант: об одном олене), связанная с языческим обрядом, представляет собой «типологическое явление как для северных племен, у которых олень был тотемом, так и для античного мира, позднее Запада, где олень был также в числе ритуальных животных». Новгородчина в силу своего этнического своеобразия явилась местом пересечения двух генетических источников [25 : 220].

Приведенная легенда об оленях указывает на то, что некогда жертвоприношению домашними животными предшествовало заклание диких оленей. Об этом свидетельствуют также и другие факты. На Ладожском озере в карельской деревне Манчин-Сари существовал обряд жертвоприношения оленем (вариант: лосем) в первое воскресенье после Ильина дня у часовни св. Ильи, где устраивались общественная варка и поедание мяса. В конце XIX в. олень или лось в обряде были заменены быком [18 : 94]. По сведениям В. Крохина, в Карелии рога и кости лоса или оленя приносились в жертву в священной роще [18 : 94]. Г. Г. Шаповалова, анализируя легенду, по которой к месту жертвоприноше-

ния приходят два оленя и человек берет одного, а другого отпускает, пришла к выводу о том, что эта легенда своими корнями уходит в охотничьи обряды размножения и воскрешения зверей, существовавшие на общинно-родовой стадии развития человеческого общества. Дальнейшая трансформация легенды и обряда, замена оленя быком или бараном, свидетельствует о приспособлении их к быту земледельцев и скотоводов. Таким образом, легенда об оленях и обряд осветили нам один из моментов сложения земледельческо-скотоводческих культов у вепсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовская Л. П. О верованиях вепсов//Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 140—152.
2. Архив Географического общества СССР (ГО СССР). Р. 119, оп. 1, № 343.
3. Архив Карельского филиала АН СССР (АКФ). Ф. 1, оп. 50, № 116; 675—681, 980—988 — полевые материалы автора.
4. Архив Ленинградской части Института этнографии (ЛЧИЭ). Ф. 13, оп. 1, № 6.
5. Архив Музея истории религии и атеизма (МИРА). Ф. 1, оп. 1, № 69.
6. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX—начало XX в.)//Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120—153.
7. Богданов Н. И. Лексика как источник истории народа//Тр. Кар. Фин. филиала АН СССР, 1954. Вып. 1. С. 60—67.
8. Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985. 335 с.
9. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. 296 с.
10. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. 745 с.
11. Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1. 483 с.
12. Зеленин Д. К. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая. Л., 1928. 7 с.
13. Конкка А. П. Традиционные сельские праздники//Духовная культура сегозерских карел. Л., 1980. С. 89—137.
14. Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда)//Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 77—95.
15. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984. 198 с.
16. Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.
17. Липец Р. С. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах//Славянский фольклор. М., 1972. С. 82—109.
18. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел//Тр. Института этнографии. М., 1951. Т. II. 139 с.
19. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 264 с.
20. Топоров В. Н. Праздник//Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 329.
21. Финско-русский словарь. М., 1975. 810 с.
22. Фонотека ИЯЛИ, № 2888/8 (зап. автора).
23. Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983. 19 с.

24. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии//Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346.

25. Шаповалова Г. Г. Северно-русская легенда об олене//Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 209—223.

26. Ariste P. Vadjä rahvakalender. Tallinn, 1969. 158 s.

27. Sarmela M. Reciprocity systems of rural society in the Finnisch-Karelian culture area//FFC. No 207. Helsinki, 1969. 347 s.

А. Петерсон

ОРУДИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ВЕПСОВ

В Национальном музее Эстонской ССР в 1960-х годах началось планомерное и систематическое исследование вепсов. В 1962—1963 гг. А. Воолма побывала в районах расселения средних и северных вепсов. Она привезла в музей 50 предметов и 147 фотографий. С 1965 по 1983 г. под руководством автора экспедиции к вепсам проводились ежегодно. Основным районом исследований и сбора материалов стали южно-вепские деревни (Сидоровский и Радогощинский сельские советы), хотя были поездки и к средним вепсам (Озерской и Алексеевский сельские советы). Всего в результате экспедиций к вепсам в музей поступило 424 предмета, 1834 фотографии и 694 рисунка [6 : 5].

Успешную собирательскую работу обеспечило включение в состав полевых отрядов, кроме научных сотрудников, фотографов и художников. С 1966 г. в вепских деревнях стали производиться и киносъемки. Были засняты пейзажи, бытовые сцены, способы изготовления старинных предметов, проведение традиционных обрядов и праздников, различных работ — жатва, молотба, сенокос, изготовление долбленой лодки, теса, прядение, плетение из бересты и даже мытье в печи. Но самое значительное место в киносъемках заняло воспроизведение старинных приемов и способов земледелия: подготовка подсеки, ее дальнейшая обработка с помощью сохи и бороны-суковатки. По нашей просьбе работы были проведены под руководством стариков вблизи д. Сидорово. Нам удалось заснять, как палили подсеку, обрабатывали почву и засеивали поле. К настоящему времени смонтирован этнографический документальный фильм о старинном быте южных вепсов, который неоднократно демонстрировался на региональных и международных симпозиумах и конференциях как у нас в стране, так и за рубежом.

Наблюдения за работами по земледелию вепсов и материалы киносъемок явились основой для написания данной статьи. В ней мы ограничимся кратким описанием способов и орудий традиционного вепского земледелия: сохи и бороны-суковатки. Их конст-

рукция, а также сведения о технике обработки почв, составе возделываемых культур, которые удалось исследовать, свидетельствуют о сходстве вепсского земледелия с таковым у соседнего русского и карельского населения, а также прибалтийско-финских народов*.

Вепсы в прошлом выращивали ячмень (ozg), рожь (rugiz), пшеницу (kagr), из овощей — репу (nizu), технических культур — лен (rõuvaz), а из огородных — хмель (himal).

У южных вепсов, судя по информации старожилов, трехполье, видимо, не практиковалось. А при распространении паровой системы земледелия наиболее эффективным считалось подсечное земледелие. Оно, несмотря на многочисленные правительственные запреты (с 1779 г.), у вепсов сохранялось вплоть до 30-х годов нашего столетия**. Вепсы уверенно говорят о его пользе и считают, что только оно обеспечивало достаточный урожай зерновых. Они хорошо помнят и один из старейших способов валки деревьев на подсеке: у деревьев снимали кору на высоту в рост человека, в результате чего те высыхали. На следующий год их валили. Есть сведения о дополнительном обжигании почвы прокатыванием подсеки, когда лес был редким и подсечный огонь не мог испепелить корни деревьев. Такое прокатывание подсеки обязательно производилось на полях, предназначенных под лен. Для этого доставляли на место двух-, трехметровые сухие расколотые бревна, устанавливали их на катки, поджигали и с помощью длинных жердей проталкивали вперед. Таким же способом готовили будущую пашню в древности в Эстонии и Финляндии.

Под пашню леса сжигались на сухих высоких местах — брусничниках, а под покосы — на сырых. Пашни и покосы часто приходилось устраивать в значительном отдалении от деревень.

Для работы на подсеках вепсы, как и соседние народы, пользовались двухзубой сохой. Как сообщается в литературе начала XIX в., «самая простая соха состоит вся из дерева, без железных сошников» и ею «падут обыкновенно на три, а наибольше на четыре пальца в глубину, каков бы под ней слой земли не был» [2 : 21].

Древнейшим типом вепсской сохи (рис. 1), вероятно, следует считать kaskadr (букв. 'соха для подсеки'). Она не имела полицы, рассоха ее была расположена почти под прямым углом к оглоблям, сошники — короткие и тупые. При вспашке такой сохой разрывались только корни мелких кустарников. Регулировали глуби-

* Об этом см. [3, 7].

** Так, З. П. Малиновская, проводившая исследования вепсов в 1926—1927 гг., пишет: «Еще и сейчас в некоторых обществах, как Каргинском, Тукозерском, Озерском, Ладвинском и Немжинском, существует во всей полноте подсечная система» [1 : 191].

ну пахоты нажимом на рукоятки, а также изменением положения рассохи путем подтягивания подвоев и закладывания клина между верхним концом рассохи и брусом, на который он опирается. Но основным приемом регулировки является укорачивание или удлинение гужей. Как показывает практическая работа с *kaskadr*, такая конструкция себя вполне оправдывает при вспашке на каменистых и на очищенных от древесных корней и пней почвах: она с легкостью перескакивает через многочисленные камни, корни деревьев и пни. Использование на таких землях более совершенных орудий типа рало, как и предполагали некоторые ученые, практически невозможно.

Вторым видом сохи для вспашки подсеки у вепсов была *hāmezadr* (букв. 'соха для вспашки полядки'— см. рис. 1). Ее име-

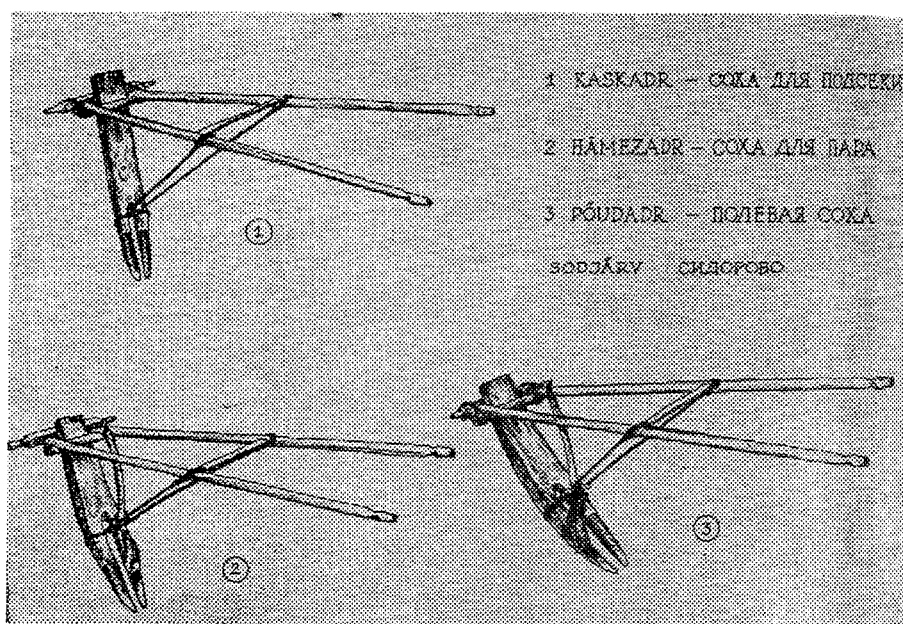

Рис. 1. Вепские сохи

новали по названию участков (*hāmez*), предназначенных после подсеки под пашню. Эта соха уже имела полицы, угол между рассохой и оглоблями был у нее меньше, чем у *kaskadr*, вырез между сошниками — глубже, а рассоха внизу загибалась немного вперед. Кроме того, рассоха и сошники у нее были длиннее, чем у *kaskadr*. Полица служила для поднятия и переворачивания

подрезанной сошниками почвы и представляла собой железную продолговатую лопатку.

Наиболее распространенной и совершенной по конструкции была полевая соха *rõudagr* (см. рис. 1). Она служила для вспашки постоянных полей и в отличие от предыдущих имела более длинную и изогнутую рассоху, вырез между сошниками доходил почти до ее середины. С помощью сохи можно было выполнять различные работы. Сохой пахали на небольших и узких участках, причем работал один человек с лошадью. Соха *rõudagr* и сейчас используется вепсами. Ею пропахивают картофельные поля, запахивают навоз, окучивают.

Одним из старинных почвообрабатывающих орудий является и борона-суковатка. Борону-смык делали из самородных еловых и сосновых сучьев. Несколько таких сучьев связывались вместе посредством лыка так, что их ветки оказывались обращенными к земле и заменяли собой зубья. У вепсов борона изготовлялась так же, длинные эластичные сучья-зубья у нее достигали 50—60 см (рис. 2). С помощью бороны-суковатки размельчали вспаханную землю, закрывали посеянные семена, боронили почву.

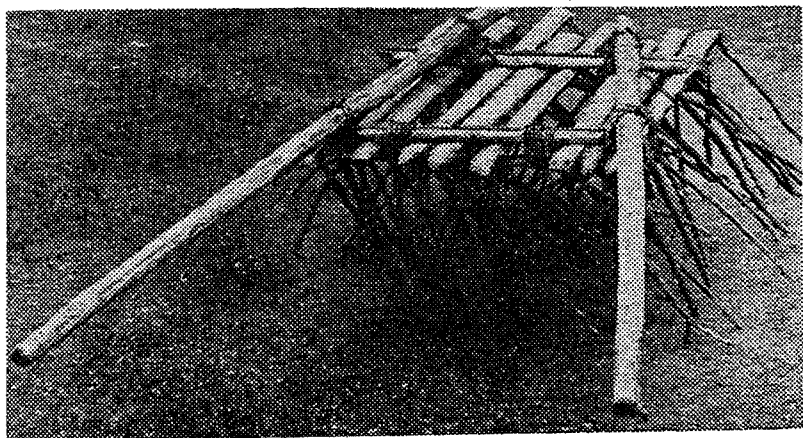

Рис. 2. Борона-суковатка

У северных и средних вепсов использовалась и более совершенная рамная борона (четыреугольная рама, внутри которой укреплены брусья с зубьями). После войны деревянные зубья у рамной бороны стали заменять железными, однако для обработки картофельных полей продолжают до сих пор применять бороны-суковатки или бороны с деревянными зубьями, чтобы не помять ботву.

Сравнение конструкции этих землеобрабатывающих орудий у вепсов, несмотря на их сходство с подобными у народов севера европейской части нашей страны, все же дало основание считать их более близкими по устройству к бытовавшим в прошлом орудиям прибалтийско-финских народов. Показательна сравнительная терминология этих орудий. Соха у вепсов называется *adr*, у эстонцев — *ader*, у финнов — *auga*, *atra*, *aatra*, у собственно карел — *adra*, *uatra*, у людигов — *adru*, у ливвиков — *adrj*, *addjis*; сошник у вепсов — *vadnas*, эстонцев — *vannas*, карел — *vannas*. По мнению лингвистов, эти термины древнегерманского происхождения и заимствованы из древнешведского в первой половине I тысячелетия н. э. [5].

Название бороны у вепсов — *ägez* сходно с финским *äes*, людиговским *ages*, эстонским *äke* и коми *agas*. Считается, что термин имеет балтийское происхождение — ср. литовское *akeguos* [3]. Это обстоятельство позволяет предположить, что двухзубая соха применялась у прибалтийско-финских народов не в начале II тысячелетия, как считалось до настоящего времени, а значительно раньше, по-видимому, уже в начале I тысячелетия, когда между этими народами поддерживались еще тесные связи.

Можно утверждать, что у восточных прибалтийско-финских народов (вепсов, карел, води, юго-восточных эстонцев и восточных финнов) первым пахотным орудием была двухзубая соха, в которую впрягалось тягловое животное — лошадь. Такой первоначальной формой у вепсов могла быть сходная по типу с сохой *kaskadr*, которая предшествовала пахотному орудью типа рало.

В заключение отметим, что исследование сельскохозяйственных орудий и способов обработки почвы у вепсов чрезвычайно важно для изучения древнейших периодов земледелия у других прибалтийско-финских народов, а также в плане сопоставления его с традициями земледелия у славянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов//Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 191.

2. Новое продолжение трудов Вольного экономического общества экономии. СПб., 1808. Ч. 10. С. 21, 70.

3. Петерсон А. О некоторых чертах эстонско-вепсской традиционной культуры на основе земледельческих материалов//Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. VI. С. 399—405.

4. Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat//SKST 202. Helsinki, 1936. S. 184.

5. Karsten T. E. Finnar och germanen. Folkmålstudier IX—X. Helsingfors, 1944. S. 587.

6. Peterson A. Vepslaste materiaalse kultuuri kogumisest ja uukimisest// Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi. Tallinn, 1982. S. 5—7.

7. Peterson A. Zur Entwicklungsgeschichte des Gabelpflugen der Esten und Wepsen//Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, 1970. S. 41—61.

Т. Г. Зимина

ПОДПОРОЖСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Подпорожский краеведческий музей вначале был народным музеем и размещался в Подпорожском районном Доме культуры. Инициатором его создания выступил Подпорожский горком КПСС. В 1964 г. районная газета поместила объявление о сборе экспонатов. Жители города очень хотели иметь свой музей, они стали приносить все, что считали нужным.

Уже к 1967 г. в музее собралось небольшое количество фотоснимков по истории строительства Верхне-Свирской ГЭС, о Великой Отечественной войне, памятниках деревянного зодчества края. Из Эрмитажа были взяты на временное хранение предметы археологии. Собрали два десятка предметов домашней утвари и одежды. Все это было соответствующим образом оформлено, и 5 ноября 1967 г. народный музей принял первых посетителей. Общественным директором стал краевед, ветеран партии и труда И. С. Толстой.

Подпорожский район расположен на таких важнейших путях Северо-Запада страны, как р. Свирь, являющаяся частью Волго-Балтийского водного пути, железная дорога Москва—Ленинград—Мурманск, автомагистраль Ленинград—Петрозаводск—Вологда. В прошлом земли севернее р. Свирь входили в состав Петрозаводского и Олонецкого уездов, а южнее Свири—в Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии. После революции границы неоднократно менялись. Так, к 1965 г. в состав Подпорожского района вошла территория Вознесенского и Винницкого районов. Площадь его в настоящее время занимает 7,7 тысячи квадратных километров. Таким образом, по территории район находится на втором месте в Ленинградской области.

В 1971 г. Подпорожский музей включили в государственную музейную систему, и он стал филиалом Выборгского межрайонного музея. При реорганизации были определены темы поисковой и собирательской работы, среди них основная—«Вепсы». Это было обусловлено тем, что вепсы проживают в 16 сельских советах Карельской АССР, Вологодской и Ленинградской областей

и 5 из этих сельсоветов находятся на территории Подпорожского района. Ленинградское областное управление культуры уже в то время ориентировало районные отделы культуры на сбор изделий прикладного искусства, фольклора, старинных предметов быта. Лучшие образцы народного искусства выставлялись в Подпорожье и Ленинграде на смотрах художественной самодеятельности, фестивалях, на конкурсе «Земляки», проводимом Ленинградским телевидением. Тогда же фирма «Мелодия» выпустила грампластинку «Родные напевы» в исполнении фольклорного ансамбля д. Ладва Курбинского сельского совета (солистки О. Герасимова, М. Микшина, Ф. Минина). Песни исполнялись на вепском («Плач невесты», «Плач по умершему» и «Частушки») и русском языках. Тираж 10 тысяч разошелся мгновенно. В Подпорожском музее хранятся три пластинки.

Есть в Подпорожском музее и фотографии и документы Героев Советского Союза — вепсов. Все знают вепсянку А. М. Лисицыну, но мало кто знает И. Ф. Смирнова, уроженца д. Средняя Ярославского сельского совета.

Иван Федорович родился 19 октября 1919 г. в семье крестьянина, вепса по национальности. Учился в сельской школе, работал в колхозе. В октябре 1939 г. был призван в Красную Армию и служил в пограничных войсках на Украине. 22 июня 1941 г. принял первый бой. С начала военных действий он все время был на линии огня. Узнал горечь отступления и радость побед. Особенно отличился в боях при освобождении Советской Украины осенью 1943 г., за что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Но получить эту высокую награду И. Ф. Смирнову не пришлось. 18 декабря 1943 г. он героически погиб. Похоронен в с. Степанки Черкасской области. На его родине в д. Средняя Ярославского сельского совета Подпорожского района сооружен обелиск, а на здании школы, в которой учился И. Ф. Смирнов, установлена мемориальная плита. Пионерские дружины г. Подпорожья, с. Винницы Подпорожского района, г. Черкассы носят имя И. Ф. Смирнова. В г. Подпорожье в аллее Героев установлено его скульптурное изображение.

В канун 45-летия совершения подвига И. Ф. Смирнова его брат В. Ф. Смирнов передал семейные реликвии Подпорожскому музею: Почетную грамоту Президиума Верховного Совета, фотографии, личные документы Героя Советского Союза И. Ф. Смирнова.

К 1971 г. в фондах музея насчитывалось 300 единиц хранения. На 1 января 1989 г. уже имелось более 17 тысяч, в том числе предметов быта и этнографии — 549. В основном (95%) это экспонаты, собранные в вепских деревнях.

Каждый выезд автоклуба на село с лекциями дает возможность привозить дары музею от сельского населения. Музей непрерывно пополняется экспонатами.

В 1974, 1975, 1978, 1983, 1984 гг. проводились плановые экспедиции. Наставниками в первых экспедициях были сотрудники отдела фондов Русского музея и Эрмитажа. Так, в 1975 г. с сотрудниками Эрмитажа мы обошли пешком всю северную половину Подпорожского района. Во время войны этот край подвергся наибольшему разорению, так как почти три года здесь хозяйничали оккупанты, что, понятно, отразилось и на сборе экспонатов. Все же кое-что удалось собрать. Наиболее интересные вещи были получены от жительницы д. Юковичи (Кишковщина) М. В. Мухиной: вышитое полотенце, становицы и солонка, выдолбленная из капокорня. В той же деревне нашлась солонка, искусно сделанная из четырех слоев бересты, по краям украшенная зубцами, время изготовления — конец XIX в. В д. Гимрека Р. М. Неелова подарила расписную прялку, изготовленную ее отцом М. Н. Черняевым в начале XX в. Житель д. Шустручей (Шустручейский сельсовет) Т. Б. Богданов, переселенец из д. Кленозеро Вологодской области, вепс, передал музею балахон из льняного холста, окрашенного в голубой цвет. Он сшит в конце XIX в. В этой же деревне А. В. Кирикова, переселенка из д. Шимозера Вологодской обл., вепсянка, подарила нам становицу, вышитую строчкой по перевитию белой нитью. Становицу шила мать А. В. Кириковой В. Д. Устинова в конце прошлого века. И. А. Трошкова из д. Заяцкая (быв. Кара), Винницкий сельсовет, подарила детские свистульки, сделанные в 1950-х годах. В д. Ладва (Курбинский сельсовет) от семьи И. П. Чарандова наш музей получил станок для точки веретен, бруснуху для обработки льна, мотовила и бабку для намотки ниток.

В 1978 г. состоялась комплексная экспедиция по Тихвинскому, Лодейнопольскому и Подпорожскому районам. Во время экспедиции взяты на учет деревни с вепским населением, выявлены народные умельцы: ткачихи, вышивальщицы, мастера по работе с берестой. Для Подпорожского музея приобретено около 40 предметов одежды, домашнего обихода, кухонной утвари, предметов культа. Участники экспедиции обследовали в Тихвинском районе Алексеевский и Пашозерский сельсоветы, в Лодейнопольском — Подборский и Хмелезерский сельсоветы, в Подпорожском — Курбинский, Озерской, Ярославский и Юковский сельсоветы.

Все последующие экспедиции Подпорожский музей проводил только в своем районе. Кроме того, дирекция Объединения музеев, памятуя о вепском направлении нашей поисковой и собирательской работы, передавала на постоянное хранение предметы, собранные среди вепсов в Ленинградской области и Карельской АССР.

Среди экспонатов, поступивших в дар музею от населения, особую ценность представляют газета «Вепсская правда» на русском языке (1936 г.), учебники на вепском языке: «Букварь» (1932 г.) и к нему разрезная азбука, «Естествознание» для 4 класса (1936 г.), некоторые документы довоенных вепских колхозов.

В 1986 г. мы открыли стационарную экспозицию — «Древнейшее прошлое нашего края», которая включает следующие разделы:

1. Древнее расселение веси.
  2. Взаимоотношения между весью и славянами.
  3. Хозяйство веси.
  4. Культура вепсов; одежда, скотоводство, охота и рыболовство, поселения, жилища, средства передвижения, землепользование.
- Следующий этап — оформление экспозиции по теме «Ремесла»: обработка льна (включая прядение, ткачество); шитье, вышивка; сапожничество; изготовление валяной обуви; плетение из бересты, корней сосны.

Музей ведет большую научно-просветительскую, массовую, шефскую работу среди городского и сельского населения по популяризации культуры вепской народности. Чтение лекций сопровождается показом фотоснимков, документов, слайдов, короткометражных фильмов народной киностудии подпорожского Дома культуры «Звуки старины», «Здесь в Подпорожье» и других.

К 60-летию образования СССР Подпорожский музей в Доме культуры г. Лодейное Поле развернул выставку «Материальная культура вепсов», на которой были представлены предметы быта вепсов, одежда, документы колхозов довоенного времени, газеты «Вепсская правда», книги на вепском языке.

Дирекция Объединения музеев Ленинградской области систематически заслушивает отчеты по научной работе музеев-филиалов, проводит конференции по различным актуальным проблемам. На первой научно-практической конференции по проблемам сохранения языка и культуры вепсов в 1981 г. Подпорожскому музею была предложена тема выступления: «Материальная культура вепсов в собрании Подпорожского музея». Вторая историко-географическая конференция из серии, посвященной городам и районам Ленинградской области, была организована Тихвинским горкомом КПСС, Комиссией по изучению Ленинграда и Ленинградской области Географического общества СССР, Центральным государственным историческим архивом в 1987 г. В ней приняли участие представители 24 научных, проектных исследовательских организаций и музеев Ленинграда, Новгорода, Тарту, Череповца, Тихвина, Пикалева. Было заслушано 47 докладов и сообщений. Конференция обобщила проделанную работу по изучению истории Тихвинского и Бокситогорского районов и в то же время выявила

неравномерность в изученности различных ее аспектов и периодов.

Участники конференции подчеркивали необходимость образования вепсского административного района и предлагали организовать издание газет и радиовещание на вепсском языке, ввести преподавание его в школах, интенсивнее развивать художественную самодеятельность и т. д.

Сотрудники музея помогают школам г. Подпорожья и района в краеведческой работе, в систематизации собранных ими материалов, в создании школьных музеев. С нашим участием возник школьный музей в пос. Важины, которому присвоено звание народного, на пути к этому школьный музей в пос. Курба.

Народная киностудия совместно с сотрудниками Подпорожского музея создает короткометражный фильм о Герое Советского Союза А. М. Лисицыной. Съемки проводились во время похода красных следопытов из школы № 4 на родину героини.

Проведение фольклорных праздников «Древо жизни» в с. Винницы становится традиционным. Первый праздник состоялся в 1987 г., на него съехались многочисленные гости из Карелии, Эстонии, Мурманской и Вологодской областей, а также все фольклорные коллективы Ленинградской области. Подпорожский музей подготовил три выставки: «Истоки» — литература о народности «вепсы», «Археология края» — находки из раскопок на Чикозере и «Предметы быта вепсов». Выставки вызвали большой интерес у хозяев и гостей праздника.

В соответствии с научным обоснованием целей и задач развития Объединения музеев Ленинградской области на период до 2005 г. Подпорожский краеведческий музей, являющийся головным филиалом Объединения, будет продолжать изучение и пропаганду культуры и истории вепсского народа.

Р. П. Лонин

О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ ВЕПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В С. ШЕЛТОЗЕРО

Шелтозеро — село древнее, известное уже в конце XV в. Давно пришли сюда наши предки, расселились по берегам рек и озер, богатых лесом и рыбой.

Название села вошло во все большие географические словари России и Европы. И хотя жизнь вокруг совершенно изменилась, но много еще старых загадок хранит Шелтозеро и вся наша вепсская сторона.

Мысль о создании вепсского этнографического народного музея в старинном селе Шелтозеро возникла у меня в 1964 г. Я тогда увлекался сбором вепсского фольклора, и мне много приходи-

лось ходить по деревням Карелии и Ленинградской области. В своих экспедициях встречался с людьми старшего поколения, которые помнили о том, как жили вепсы раньше, чем занимались. Одновременно узнавал историю своего народа. Хотелось собрать все это: фольклор, рассказы стариков, предметы быта — в единый музей, который бы со всех сторон отразил жизнь вепсов в до-революционный и советский период, чтобы молодое и будущие поколения могли зримо представить, как жили вепсы прежде, могли сравнивать прошлое с настоящим. Порой досадно становилось, что современная вепсская молодежь почти не знает истории своего древнего народа, не интересуется родным языком, самобытными песнями, именами славных мастеров-вепсов. Незнание порождает равнодушие, а ведь старых людей становится все меньше и меньше и вместе с ними уходит, ускользает живая связь прошлого с будущим.

Через районную газету «Коммунист Прионежья» и местное радиовещание я обратился к землякам с просьбой отыскать, принести различные предметы старины для будущего музея.

Появились активисты, которые стали передавать мне различные предметы быта, вышедшие из употребления. Это трактористы совхоза «Шелтозерский» из деревень Каскесручей и Залесье В. Захарин и А. Слемзин, пенсионерки О. И. Климова, Ф. П. Лопина (моя мать), П. И. Рямзина, из Шелтозера — П. Е. Шишов и многие другие. В свободное от работы время я собирал старинные вещи по всем окрестным селениям. Не все верили, что будет народный музей в Шелтозере. Но я твердо решил добиваться создания в селе первого народного музея по истории моего народа. Вскоре набралось свыше трех сотен различных предметов из дерева, железа, стекла, ткани. Все это хранилось в сарае, на чердаке дома.

В 1967 г. выделили, наконец, две маленькие комнаты в здании сельской библиотеки. И вот в свободное время я занялся обустройством музея.

Обо всем этом узнал заместитель директора Карельского государственного краеведческого музея в Петрозаводске Е. Д. Рыбак и приехал в Шелтозеро. Увидев помещение музея, сказал, что здесь невозможно ничего показать. Я стал убеждать его в том, что музей необходим. Да и музея такого, рассказывающего об истории вепского народа, нет нигде в мире. Даже в больших этнографических музеях Ленинграда и Тарту нет экспозиций по вепсам. Понял он, что я не отступлюсь от своих замыслов. Затем я показал коллекцию, он удивился ее богатству, просмотрел мою переписку по делам музея с другими собирателями, прочитал мои газетные заметки и решил, что музей может получиться. Дал много полезных советов, разъяснил, как правильно вести учет экспонатов.

Я распределил материал, получилось два отдела — дореволюционный и современный. В первом отделе предметы народного быта и культуры показывали нам прошлое — как вепсы раньше жили, трудились. В следующем — советском — экспонаты рассказывали о жизни после Великой Октябрьской социалистической революции. В этом же отделе был установлен стенд с материалами о подвигах наших земляков в Великой Отечественной войне и среди них — портрет славной дочери вепсского народа Героя Советского Союза А. М. Лисицыной, уроженки д. Житноручей.

Работа по оформлению музея подошла к концу, 28 октября 1967 г. он был открыт. Вскоре музей стал известен не только в районе, в Карелии, но и далеко за ее пределами. В музей стали приходить письма из разных концов нашей страны, в частности от писателей и историков Москвы, Ленинграда, Вологды, от краеведов г. Новочебоксарска (Чувашская АССР), от научных сотрудников Тартуского государственного университета. Вот что написала из Узбекистана сотрудница геолого-разведочной экспедиции М. Маркова: «Как-то в газете „Советская Россия” я прочитала рубрику, что рабочий Рюрик Лонин собрал свыше трех тысяч различных предметов истории и быта вепсов — маленькой народности. Я живу в Самарканде. Нас разделяют тысячи километров. Если можно, опишите, кто такие вепсы, чем они занимаются, какой город или селение их центр. Каков их быт, каково их прошлое? Где можно достать литературу, касающуюся вепсов...»

А житель Новочебоксарска, краевед А. С. Мочалов, инвалид Великой Отечественной войны, предложил установить у входа нашего народного музея текст такого содержания: «Уважаемый посетитель! Прояви свое благородное участие в пополнении народного музея предметами вепсской старины. Все, что будет передано Вами, будет служить памятью навсегда о Вас и о тех, кто своими трудовыми крестьянскими руками делал, приобретал, пользовался». Этот текст был мною красочно оформлен и в специальной рамке установлен у входа в музей. Посетители музея останавливаются возле него, читают, а после осмотра экспозиции кто-то из них обязательно что-нибудь предложит.

Некоторые авторы писем приглашали меня в гости. И хотя не довелось мне съездить ни на Кавказ, ни в десятки городов нашей страны, куда меня приглашали, у меня завязалось много новых знакомств с интересными людьми нашей страны. Впоследствии, в годы преобразования общественного народного музея в государственный, стали приходить письма и из-за рубежа: Финляндии, Норвегии, Дании. Вот что пишут жители из местечка Кеиги (Финляндия): «Мы с радостью прочитали в советском журнале „Пуналиппу”, как создавался музей, а также о Вашей поездке к оятским вепсам в поисках жемчужин народной поэзии. Ведь мало кто умеет так хорошо понимать значение фольклора.

Какой уникальный музей Вы создали! Мы не знаем у нас таких людей, кто взялся бы на общественных началах создавать музей».

Из Норвегии и Дании приходили письма совершенно другого характера. Писали научные работники-языковеды и историки. Они просили ответить, например, на вопросы: Существует ли у вепсов представление о сотворении мира (двумя божествами)? Как объяснить название вепсов «кайваны» или «кайбаны»? Что это обозначало первоначально?

Писем приходило очень много и у меня прибавилось еще работы с отправкой музейной корреспонденции. Ясно, что при таком объеме работ и таком притоке посетителей мне понадобились помощники. В течение четырех лет мне помогал вести экскурсии И. Н. Полин — учитель труда Шелтозерской средней школы. Затем в качестве экскурсоводов на общественных началах работали в музее два года девятиклассники А. Яршина, А. Спиркова, Л. Курганова и Т. Спиркова. Я их ознакомил с основами музейного дела, с учетом и научным описанием фондов музея, с собирательской работой. Приступив к более подробному изучению фондов, они многое узнали и о своих родных. А. Спиркова на одном снимке увидела своего дедушку — Г. А. Спиркова — первого большевика — организатора Советской власти в Шелтозерье, А. Яршина — своего отца среди лучших трактористов совхоза «Шелтозерский», а Т. Спиркова — своего отца А. И. Спиркова в списке занесенных на Доску почета в 1969 г. Девушки были приятно удивлены тем, что их близкие «попали» в музей родного села.

В 1974 г. проводился смотр народных музеев Карелии. На этом смотре Шелтозерский музей был признан самым лучшим среди всех народных музеев Карелии и награжден Почетной грамотой Министерства культуры Карельской АССР и обкома профсоюзов.

1 января 1980 г. решением Министерства культуры Карельской АССР наш музей был преобразован в вепсский этнографический отдел Карельского государственного краеведческого музея. С того дня у нас появились штатные должности и я стал научным сотрудником.

В октябре 1987 г. музею исполнилось 20 лет. Самое ценное в нем — предметы старинного быта вепсов, которые теперь только в музее и можно увидеть. В одной из комнат экспозиция посвящена промыслам, которыми занимались в старину северные вепсы, — охоте и рыболовству. Здесь и капканы на волка, лисицу, медведя, различные амулеты. И рыболовные принадлежности — основное богатство древнего вепса: самодельные крючки, лесы, озерная карта (кусочек карельской березы с вырезанным по краю «профилем» береговой линии). По этой карте ориенти-

ровались рыбаки на большом Онего. Достойна восхищения смелка рыбака-вепса, сотворившего такую непромокаемую карту! В экспозиции помимо промысловых экспонатов представлен также ткацкий станок. На таких станках ткали полотно, полотенца, половики. Рядом со станком висит люлька детская, изготовленная из лыка, на длинном очепе, прикрепленном к потолку избы, цветной ситцевый полог над ней, соска, сделанная из коровьего рога. На полках медная и глиняная посуда, в углу — иконы с лампадкой, дальше — обгорелая с одного конца лучина на самодельном светце. Тут же рабочий сарафан из грубого дотканого полотна, лоскутное теплое одеяло. Такова картина вепсской крестьянской избы, жизни и быта ее обитателей до революции.

В центре с. Шелтозеро на пригорке горделиво стоит украшенный затейливой резьбой красавец-дом Мелькиных, словно терем старинный, чудом попавший в наш двадцатый век из сказки. У этого дома своя история. Рассказывают, что жила в нем когда-то большая семья Мелькиных, как водилось в старину, под одной крышей отец с матерью, сыновья с женами... Дому этому больше ста лет. Строил его И. И. Мелькин, шелтозерский мастер, вепс, принадлежавший к старинному роду земледельцев и горных мастеров-каменотесов. Дом свой сработал на славу. И последний хозяин дома, И. В. Мелькин, был очень бережлив. Частенько по утрам односельчане видели, как он прохаживался вокруг своего старого дома с палочкой да постукивал ею по углам, по нижним венцам, проверяя на слух, крепок ли еще дом да не завелись ли в древесине черви-вредители... А по вечерам тщательно проверял и двери, спать ложился последним, сберегая дом от неосторожного огня или случайной порчи.

В последние годы в районе ходили слухи о том, что дом этот будут перевозить на о. Кижь. Я считал, что замечательное наследие вепсской архитектуры — дом Мелькина, должен стоять и охраняться на вепсской земле, и не раз выступал на эту тему на краеведческих конференциях.

Наконец из президиума республиканского отделения ВООПИК пришло сообщение о предстоящей реставрации дома-памятника на месте с последующей передачей его под шелтозерский музей.

Вскоре приехали специалисты-реставраторы из Петрозаводска, и оделся старый дом Мелькиных в леса. Недалек тот день, когда вепсский этнографический музей, ныне филиал Карельского государственного краеведческого музея, переедет в добротный двухэтажный крестьянский дом. В свой дом! Он стоит на перекрестке трех дорог. Так некогда на погостах ставили древние мастера церкви.

О РАБОТЕ МУЗЕЯ ВЕПССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ноябре 1987 г. жители с. Шелтозеро, общественность отмечали 20-летний юбилей единственного в Карелии этнографического музея вепсской культуры. На этот праздник приехали гости из Петрозаводска, Вологды, Таллинна, Тарту. Все выступающие отметили огромные заслуги Р. П. Лони́на в деле создания уникального музея и пропаганды истории вепсов и их культуры. Об этом же говорят и сотни восторженных записей в Книге отзывов посетителей. Вот одна из них, сделанная в августе 1977 г.: «Карельские этнографы восхищены неукротимой энергией и упорством создателя и руководителя Шелтозерского народного музея Рюрика Петровича Лони́на. Отрадно, что в его бескорыстной работе большую помощь оказывают и население, и руководство местных органов власти. Результаты общественной деятельности Рюрика Петровича имеют уже сейчас огромное воспитательное значение. Кроме того, музей имеет исключительную научную ценность как средоточие и хранилище материалов по истории одного из самых малых, но от этого не менее значительных народов нашей страны...».

В результате 13-летней работы Р. П. Лони́ну удалось собрать около 3 тысяч экспонатов, в том числе и уникальных. Особенно ценными из них были предметы вепсской старины: утварь, инструменты, орудия труда, одежда, иконы и т. д. По насыщенности, содержанию фондов Шелтозерский музей стал лучшим среди народных музеев Карелии. Это обстоятельство позволило в начале 1980 г. преобразовать его в этнографический отдел Карельского государственного краеведческого музея. Р. П. Лони́н стал штатным научным сотрудником музея, автор статьи — руководителем отдела.

Важной работой музея является пополнение музейных фондов. Р. П. Лони́н к этой работе сумел привлечь десятки школьников и взрослых. Основными принципами собирательской работы стали: системность, планомерность, научность. В результате удалось восполнить прежние пробелы, «белые пятна» в изучении истории, занятий и быта вепсов.

Собирать материалы для музея с каждым годом становится все труднее, поэтому собирательская работа и сегодня не обходится без добровольных помощников, особенно школьников. Мы, работники музея, учим их, ориентируем. Общими силами с 1980 по 1988 г. собрано 2527 единиц хранения. Все музейные предметы проходят научную инвентаризацию и обработку согласно требованиям музейной работы. Отрадно отметить, что почти все эк-

спонаты музея, в том числе бесценные, уникальные, переданы жителями вепсских сел безвозмездно.

Экспозиционные залы (их общая площадь 70 м²) музея находятся в непригодном для полуподвального помещении, некоторые из них имеют площадь всего 5—6 м². В музее нет места для организации выставок, проведения массовых мероприятий, поэтому эти виды музейной работы мы проводим в домах культуры, Шелтозерской средней, Шокшинской и Рыборецкой восьмилетних школах.

Наш музей внес заметный вклад в проведение таких праздников, как, например, 40-летие освобождения Шелтозера от финских захватчиков, первый вепсский праздник, посвященный памяти В. И. Кононова в Шелтозере (1987 г.), День Победы, праздник улицы (ул. Лисицыной) и др. В настоящее время ни один праздник в Шелтозере не обходится без участия музея. За 8 лет проведено 28 таких мероприятий.

Существенной частью музейной работы являются лекции и беседы. Тематика большинства выступлений связана с вепсами: «Занятия и промыслы вепсов до Октябрьской революции», «Установление Советской власти в Шелтозерье», «Первые коммунисты и комсомольцы вепсского края», «Вепсский народный хор», «Вепсская культура — реальности и проблемы», «Подвиг А. Лисицыной и М. Мелентьевой» и т. п. За 8 лет прочитано 128 лекций и бесед, на которых побывало более 9 тыс. человек. Уже несколько лет мы практикуем перед концертом нашего хора выступление по теме: «Вепсы. Вепсский народный хор». Такие лекции-концерты прошли в Новой Вилге, Кондопоге, Кемии, Ивангороде, в Коми АССР и за рубежом — в Финляндии и Норвегии. Все это прекрасно и полезно. А как провозжали нас жители вепсской деревни Ярославичи Ленинградской области летом 1987 г. в дни первого вепсского праздника «Древо жизни!» Представьте себе, жители деревни, которые до этого почти ничего не знали о прионежских вепсах, впервые услышали песни на вепском языке в исполнении Вепсского народного хора. Этот концерт стал праздником как для жителей д. Ярославичи, так и для нас самих. Мы никогда не чувствовали себя такими счастливыми, как там.

У нас сложилось прочное сотрудничество с Шелтозерской средней школой. Мы проводим для учащихся экскурсии, увязывая общешкольный курс истории, изучаемый по программе, с историей Карелии, Шелтозерья, даем тематические уроки в классе с использованием музейных экспонатов.

Значительно расширяет возможности музейной работы организация передвижных выставок. За 8 лет их организовано и проведено 17. Вот далеко не полный перечень тем: «Археологические памятники Шелтозерья», «Рукоделье вепсов», «Они были первы-

ми» (к 60-летию комсомола), «Новь велсского края» (к 60-летию образования СССР), «Делегаты партийных съездов», «Участие жителей Шелтозерья в Великой Отечественной войне», «Велсскому народному хору — 50 лет» и т. д. Наши выставки посетили 4276 человек. И все же в организации выставок встречаются большие трудности, связанные с их перевозкой, охраной.

Таковы в общих чертах основные итоги массовой работы музея.

Ни один музей не может жить полнокровной жизнью без рекламы. Чем больше людей знает о музее, его фондах и работе, тем больше посетителей. К сожалению, у нас с каждым годом число посетителей уменьшается. Большинство местных жителей уже побывали в музее, а школьники — даже не один раз. Основная категория посетителей сегодня — гости, приезжие. Каждый из них считает своим долгом побывать в музее, известность которого перешагнула границы района, республики. За эти 8 лет сотрудники музея написали 44 статьи в газеты и журналы Карелии. Материалы о нашем музее публиковали многие центральные газеты и журналы страны. Только по районному и карельскому радио мы выступили за эти годы 16 раз. Десятки передач по карельскому радио и телевидению провели журналисты и корреспонденты Карелии, используя материалы музея. Сотрудники музея тоже не раз выступали по карельскому телевидению, в том числе на велском языке.

Частые гости в музее — журналисты, ученые, писатели Карелии, Эстонии, Финляндии. И мы оказываем им посильную помощь. У нас теплые взаимоотношения с учеными Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Они консультируют нас по многим вопросам, снабжают литературой о велсах, и мы им за это благодарны.

Есть у нас и проблемы, и самая главная из них следующая. В центре Шелтозера стоит удивительной красоты дом застройки начала XIX в., известный как дом Мелькина. Ценой неимоверных усилий Р. П. Лонину удалось добиться того, чтобы этот дом, который разваливался на глазах, был отремонтирован и передан нашему этнографическому музею. Но вот уже почти 10 лет этот дом-красавец уныло ожидает того счастливого дня, когда гостеприимно распахнутся его двери для посетителей: строители провели реставрационные работы очень некачественно. Так что предстоит сделать еще немало. Согласно планам Карельского государственного музея, завершение реставрационных работ, монтаж пожарной и охранной сигнализации, электроотопления намечались на 1988 г., а монтаж экспозиций — на 1989. В реализации этих планов должна быть твердая рука одного хозяина. Этого-то как раз, по моему мнению, и нет. В условиях перестройки многие научились, но многим еще предстоит научиться считать деньги.

По самым скромным подсчетам, взимая плату с посетителей, мы могли бы получить 3 тысячи рублей, а если учесть, что по сравнению с нашим нынешним помещением в новом здании музея побывало бы в несколько раз больше посетителей, доход государства составил бы около 30 тысяч рублей.

Впрочем, есть вещи более ценные, чем деньги. Это моральный ущерб, который мы понесли из-за неимоверной тесноты, не позволяющей показать экскурсанта́м сотни уникальных экспонатов.

Музей — важный центр идеологической, политической работы. И отношение к нему, его нуждам должно быть соответствующим.

В. Мальми

БАЛЕТМЕЙСТЕР В. КОНОНОВ (1905—1983)

Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист Карельской АССР Василий Кононов, вепс, родился в д. Другая Река Прионежского района КАССР.

Детство, отрочество, юность В. Кононова прошли в вепсской деревне. Там он усвоил нормы поведения, принятые в деревне, обычаи и обряды своего народа. Свою трудовую деятельность начал камнетесом, как и отец. После Великой Октябрьской социалистической революции включился в движение синематистов, был активным участником самодеятельных бригад, стал избачом, создал в Шелтозере хор, поставил там свои первые танцы [7]. Газета «Красная Карелия» в 1937 г. писала: «17 марта ленинградская кинофабрика „Союзкинохроника“ произвела съемку карельских песен, танцев, музыки в исполнении участников декады. Были сняты: „Шестерка“ и „Вепские частушки“, исполненные хором колхозниц Шелтозера под руководством В. И. Кононова» [2]. В том же году состоялась встреча с П. Гудковым, создателем профессионального ансамбля «Кантеле». П. Гудков пригласил В. Кононова в ансамбль и поставил перед ним задачу создать профессиональный танцевальный коллектив. Уже в 1939 г., когда «Кантеле» выступил на смотре ансамблей песни и пляски РСФСР, газета «Правда» писала: «...хороши танцы в постановке В. И. Кононова. Особенно пленяют своей непосредственностью, живостью и пластичностью... „Кумардус“ и „Восьмерка“» [3].

Работа в ансамбле захватила В. Кононова. У него не было специального образования, его «университетами» стали бесчисленные поездки по республике с П. Гудковым, ленинградским композитором Н. Леви и с ансамблем «Кантеле». Во время поездок он знакомился со старожилами сел. Сумский Посад подарил ему тему для «Уточки», север Карелии — «Так ткнут сукно» и «Лучинки», Олонецкий район — «Ристу-кондру» и «Молодицу». В на-

чале Великой Отечественной войны В. Кононов с ансамблем был эвакуирован в Среднюю Азию. В 1943 г. он возвращается в Карелию и становится участником фронтовых бригад Карельского фронта.

С 1946 по 1949 г. В. Кононов поставил «Проводы», «Встречу», «Женихи», «Колхозную пляску» и многое другое. В 1951 г. танцевальный коллектив ансамбля «Кантеле» с танцами «Уточка», «Рыбачья пляска», «Заонежская кадрили», «Молодица» выезжает на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлин, где удостоивается звания лауреата. В этом же году ансамбль выступает в Москве. Народный артист РСФСР Р. Захаров откликнулся на выступление артистов ансамбля большой статьей «Танцы „Кантеле“» [1], где каждому номеру посвятил несколько строк. В 1951 г. В. Кононов награждается орденом Трудового Красного Знамени. Второй орден Трудового Красного Знамени ему вручили в 1971 г.

В нашей стране, пожалуй, не найдется такого балетмейстера-народника, который не использовал бы опыт работы Василия Ивановича Коконова. Заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Эльяш писал: «Балетмейстер В. Кононов не боится сценического преувеличения, вымысла, острых мизансцен, ярких броских приемов, и вместе с тем во всех его композициях есть подлинно народное начало, есть правда человеческих характеров» [6]. Именно эта народная основа творчества В. Коконова побудила И. Моисеева пригласить его в Ансамбль народного танца СССР, где В. Кононовым были поставлены «Ристу-кондру» и «Круугу». Но его творческий путь был непрост. Становление В. И. Коконова как балетмейстера (1938—1950 гг.) совпадает с расцветом художественной самодеятельности в республике. Однако на искусстве начали сказываться перекосы в национальной политике. Это мы можем отнести и к народной хореографии. Если первые годы В. Кононов работал над фольклором, который прекрасно знал, то потом «защажал» в ногу с требованием постановок на сюжетную тему трудовых будней с восхвалением вождя. В этот период были поставлены «Шили девушки ковер», где в конце выносили вышитый портрет Сталина, «Лесорубы», «Строители» и др.

Газета «Советское искусство» справедливо указала, что ансамбль некритически следует далеко не лучшим образцам хореографического искусства, это выражается в излишней увлеченности пантомимой, в использовании производственных атрибутов (топоры, багры и пр.), в танцах сквозит стремление к украшательству, к стилизации [5].

В. Кононов, разумеется, понимал, что идет не по своему пути. 50-е годы явились переломными в творчестве мастера. Он вновь возвращается к родному фольклору, но уже работает через переосмысление пройденного. Сюжетную канву он выносит за рам-

ки собственно танца, как было и в фольклорных танцах, и сосредоточивается на образах, исполняющих тот или другой танец. Так, в 1951 г. им поставлена «Круугу», 1952 — «Шестерка в тройках», 1953 — «Северная кадриль», 1954 — «Свадебная повозка», 1955 — «Танец с ложками» и т. д. Эти танцы — золотой фонд кононовских танцев. Именно в эти годы рождается неповторимый кононовский стиль. К этим танцам В. Кононов возвращался неоднократно. Он любил их. Каждый раз находил в них что-то новое. Повторяя их, он как бы обретал новую силу, через них проверял творческий потенциал. Это они подсказали тему к «Старинному вепсскому», «Олонецким ребятам», «Заонежской проходочке».

Он ставит свои танцы, опираясь на персонажи, которые их танцуют. В его танцах нет пародии, образы чрезвычайно сильны, достоверны, преувеличение прочитывается как выявление сочного характера персонажа. Все созданное В. Кононовым в эти годы и после легко узнаваемо, ибо персонажи действуют в определенной лексической партитуре. Лексика кононовских танцев предельно проста — обыкновенный шаг с множеством оттенков: беговой, плавный, крадущийся, синкопированный, корпус, который резко поворачивается то в ту, то в другую сторону, угловато и беспрерывнодвигающиеся руки. Все это вместе создает сложный непрерывный рисунок, придает его танцам неповторимый колорит.

Сегодня необходимо говорить о В. Кононове как о создателе вепсского сценического танца. Самой большой заслугой В. Кононова, писал М. Гаврилов, является то, что «он поднял на профессиональную высоту вепскую танцевальную культуру» [7]. На родине В. Кононова любовно и трогательно называют: «Наш Василий Иванович!» Земляки гордятся тем, что их Василий Иванович достиг таких высот, они много говорят о его щедрости, доброте. Никогда не забывал Василий Иванович свой Шелтозерский хор. Многим большим танцевальным коллективам помогал В. Кононов: «Руне», Слюдяной фабрики, Олонца и Сегежи. Его влияние на руководителей танцевальных коллективов было огромным. В работе над балетом «Сампо» заслуженный деятель искусств И. Смирнов неоднократно обращался за советами к В. Кононову, он внимательно следил за его работой, ценил и любил его танцы. Нельзя не согласиться с мнением И. Смирнова о том, что Кононов-балетмейстера отличает удивительное чувство поэзии и что, «когда смотришь его постановки, тебя не покидает ощущение близости его художественного мышления к народным представлениям о красоте, любви, верности» [4].

На родине Василия Ивановича с 1987 г. стали проводить фольклорный праздник его имени. Это и дань памяти ему, великому труженику, но это и праздник всего вепсского народа. Мы обязаны сохранить все лучшее, что создано им. Хорошо бы на ро-

дине В. И. Кононова создать высокопрофессиональный танцевальный коллектив, который сохранит и передаст его наследие дальше. Не должно повториться того, что случилось, например, с Олонецким народным, танцевальными коллективами Сегежи и Слюдяной фабрики г. Петрозаводска. С их закрытием «канули в Лету» многие кононовские постановки.

Василий Кононов всегда будет примером преданного служения своему народу. Хочется верить, что его земляки и ученики сделают все, чтобы имя Кононова осталось долго жить на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров Р. Танцы «Кантеле»//Огонек. 1951. Сентябрь.
2. Красная Карелия. 1937. 20 марта.
3. Правда. 1939. 19 августа.
4. Смирнов И. В. Танцует Карелия. Петрозаводск, 1977. С. 31—34.
5. Советское искусство. 1951. 13 октября.
6. Советское искусство. 1951. 16 октября.
7. Gavrilov M. Kansantantuhujen elvyttäjä Vasili Kononov//Punalippu. 1989. No 2. S. 153—155.

Л. Л. Мелентьева

ИСТОРИЯ ВЕПСКОГО НАРОДНОГО ХОРА

Карелия — край богатой, самобытной культуры. Здесь до наших дней сохранились складывавшиеся веками фольклорные традиции.

Многочисленные озера и реки, обширные болота и дремучие леса, разделявшие поселения, способствовали сохранению самобытности песенного фольклора и даже стилевых особенностей, присущих творчеству отдельных деревень.

Живое народное искусство и народная поэзия служат крепким фундаментом профессионального искусства. К известным словам М. Глинки: «Музыку создает народ, а мы, художники, только ее аранжируем», вряд ли что можно добавить. Вот почему и сегодня, при высоком уровне профессионального искусства, народное творчество не умирает. Напротив, оно развивается, обретая новую жизнь и новые формы.

Более полувека из уст в уста передаются самобытные вепские песни. В них и глубокая старина, и свет новой жизни. Одно поколение сменяет другое, а песня остается, она не умирает. Говорят, что когда поют шелтозерцы, смиреют онежские волны, приглушеннее становятся голоса птиц. И в это трудно не поверить. Хорошо поют на земле шелтозерской, заслушаешься...

В 1936 г. приехал в Шелтозеро после недолгой разлуки с родиной Василий Кононов. Быстро облетела весть о его желании

создать хор. Одни восприняли ее радостно, другие настороженно. Раньше пели на посиделках, коротали вечера за прялкой, и вдруг — петь вместе, на сцене. Василий Иванович ходил по домам, уговаривал... Много пришлось поработать, пока, наконец, удалось собрать вокруг себя нескольких талантливых песенниц. Они были исполнителями тех песен, что слышали от своих матерей и бабушек, и унаследовали сами песенный дар. Самодеятельный хор быстро пополнялся. С большим желанием шли после трудового дня женщины в сельский клуб, где при свете керосиновой лампы или свечей лилась протяжная «Росынька». Выходили на сцену в долгополых юбках, станушках, расшитых узорами, взятых из бабушкиных сундуков. Пение первых певиц: П. Антиповой, М. Горбачевой, П. Мошкиной, Н. Кургановой, А. Игнатовой и других — поражало слушателей своим мастерством, глубиной самобытностью, простотой.

Выступление весной 1937 г. в Ленинграде на Декаде карельского искусства принесло хору первый большой успех. Вот что писала в те дни газета «Красная Карелия»: «Вчера тысячная аудитория, заполнившая огромный зал Дома культуры промкооперации, вновь восторженно приветствовала участников Декады карельского искусства... Долго не хотели отпускать с подмостков сцены Вепсский хор колхозниц Шелтозерского района, завоевавших уже на первом выступлении самые горячие симпатии слушателей...» А вот мнение заслуженного артиста РСФСР И. Немцова: «Вепсский хор колхозниц Шелтозерского района интересен не только в этнографическом отношении. Колхозницы, выступающие без дирижера, исполняют подлинно народные песни. Мы слышим яркую народную мелодию, сопровождаемую подголосками — это подлинный народный полифонический стиль» [1].

В 1937 г. В. И. Кононова как талантливого руководителя переводят на работу в Петрозаводск в ансамбль «Кантеле» балетмейстером, но на протяжении всех последующих лет он не прерывал связи с коллективом Вепсского народного хора, руководил постановками танцев, хороводов. Его яркая, сильная личность наложила свой отпечаток на стиль и дух коллектива.

Война прервала деятельность Вепсского хора. Уехали многие энтузиасты хорового пения. Но люди надеялись, ждали, что скоро понесут в народ песню, рожденную на вепсской земле.

Послевоенный период работы коллектива связан с именем А. Е. Никонова. Увлекательной, но непривычной была работа для нового руководителя. Он баянист-самоучка, а работа с хором требовала особого умения. Много сил и энергии приложил этот человек для того, чтобы хор приобрел еще большую популярность. Он проводил огромную работу по сбору фольклорного материала, немало и сам создал песен, развивающих народные традиции, таких, например, как «Вепсская земля», «Песня об Анне Лисицы-

ной», «На берегу озера» и др. Хор тогда пел больше под аккомпанемент баяна, в репертуар входили мелодически оформленные варианты, более понятные широкому слушателю.

Шли годы, росла известность Вепсского хора. В 1967 г. он снова, через тридцать лет, встретился с ленинградцами во время Дней карельского искусства. В этом же году на Всероссийском смотре художественной самодеятельности в Ленинграде, посвященном 50-летию Великого Октября, хор завоевал почетное звание лауреата смотра.

Весной 1968 г. в Финляндии проводится «Неделя Калевалы» — один из престижных праздников в культурной жизни этой страны. Участвовать в этом празднике Общество Калевалы пригласило и самодеятельных артистов Вепсского народного хора. «Сенсацией недели» называли финляндские газеты выступления Вепсского хора. В течение восьми дней участники хора встречались с финляндскими учеными, побывали у студентов университета и в Доме культуры демократических организаций. Они исполняли песни и танцы, рассказывали о жизни своего села, о его культурных традициях, о своих творческих планах. При встречах особенно тепло принимали таких ветеранов хора, как М. Н. Богомолова, О. И. Коттина, П. М. Мошкина. Много внимания уделили хору финляндские ученые. Песни были записаны на пленку и пополнили учебный фонд Хельсинкского университета. Вепсский хор был приглашен на телевидение. В актовом зале университета состоялся заключительный праздник недели народной песни. Более половины программы заняло выступление Вепсского хора [2].

В 1969 г. хор принимает участие в съемках телевизионного фильма «Музыкальная Карелия» (производство СССР — ФРГ).

В 1970 г. Вепсскому хору присваивается звание «Народный самодеятельный коллектив».

Хор живет интенсивной концертной жизнью, его выступления проходят в селениях своего района, в столице нашей республики г. Петрозаводске. Каждый концерт превращается в праздник народного искусства. К успехам хора начали привыкать. И не сразу стало ясно, что самодеятельному коллективу нужны новая высота, новые творческие решения. Из хора ушел прежний руководитель. Необходимо было преодолеть временные трудности.

В октябре 1975 г. хор «повели» преподаватели Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории С. Н. Легков и Г. В. Туровский. Новые руководители прежде всего думали о возрождении и умножении лучших традиций одного из уникальнейших народных хоров. Много на этом пути стало удаваться. Хор снова зазвучал выразительно. Успех был основан на бережном отношении к подлинной народной песне. Изменился репертуар, стал привлекаться подлинный народный фольклор. С. Н. Легков стили-

стически удачно выполнил обработку велссских народных песен с применением характерных для народного многоголосия подголосочности, вариантности, свободного развертывания мелодических линий. Такова, например, композиция «Праздничный хор-вод» на темы велссских народных песен в постановке В. И. Кононова, «Баю-баю», «Ту-ту-тан лу-ту-тан». Слушая Велсский хор, невольно возвращаешься к истокам его успеха, к трудностям роста, которые так или иначе испытывают все хоровые коллективы.

С приходом новых руководителей усиливается работа над профессиональной стороной исполнения. С. Н. Легков много сделал для того, чтобы слитно, в единой манере звучал хор. Он пополнился мужскими голосами. Создаются обработки для смешанного хора, что значительно обогатило и расширило репертуар. Современная велсская песня начинает звучать в хоре вместе со старой.

В 1976 г. хор снова в городе на Неве, где проходил смотр самодеятельного творчества трудящихся всего Северо-Запада нашей страны. Дни зонального фестиваля будут навсегда памятни каждому участнику многотысячного конкурса народных талантов. Выступление Велсского хора вызвало большой интерес музыкальных этнографов, фольклористов. Восторженно и тепло говорил председатель жюри зонального смотра, народный артист СССР В. И. Стржельчик: «Велсский хор — это великолепно. Это красота. Какие замечательные люди! Какому чудесному искусству они себя отдают!» [3]. Велсский хор завоевал высшие награды, став дважды лауреатом РСФСР и СССР, Всероссийского и Первого всесоюзного смотра художественной самодеятельности, посвященных 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и дипломантом Первого всесоюзного фестиваля художественного творчества. В 1977 г. Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Песни Велсского народного хора».

С 1978 г. работу в хоре продолжили Г. В. Туровский и Л. Л. Мелентьева. Встают проблемы, связанные со спецификой концертной формы исполнения произведений фольклора. Начались поиски новых сценических средств, пополнился репертуар. Стало очевидным, что современный Велсский хор, перенося на сцену старинный велсский обряд, деревенский быт, должен носить форму концертного воплощения фольклора и произведений, созданных на народной основе. В мае 1980 г. хор по приглашению Ленинградского хорового общества едет в Подпорожье на IV областной праздник народной песни и духовой музыки.

С огромным волнением встретили участники хора в ноябре 1980 г. известие о предстоящей поездке на Дни литературы и искусства Карельской АССР в г. Москве. Это и большая честь, и большая ответственность выступить перед взыскательной мос-

ковской публикой. Участники хора и его руководители прекрасно это понимали. И снова успех.

Успех... Короткое слово, за ним стоит упорный труд десятков людей, влюбленных в свой край, в самобытное песенное и танцевальное искусство древнего маленького народа, людей, которые отдают этому искусству все свободное время.

В 1982 г. Центральное телевидение Советского Союза впервые познакомило телезрителей нашей страны с фильмом «Песни и танцы вепсов».

В 1982 г. автор данной статьи становится единственным руководителем хора. С разного рода проблемами сталкивались участники коллектива и его руководитель. Ясно было одно — современный народный хор должен в концертной форме воплощать фольклор и произведения, созданные на его основе. Любой художественно-исполнительский коллектив интересен тогда, когда он имеет свое индивидуальное лицо, которое отражается, прежде всего, в его репертуаре. Все это в полной мере относится к Вепсскому народному хору — пропагандисту народной песни, имеющей удивительную и своеобразную историю. Интересно, что вепские песни по характеру исполнения подразделяются на те, что исполнялись на улице, и те, что пели в помещении. В первом случае песни звучали зычно, им присуща полетность, архаичность, во втором же были более лиричными, задушевыми. Причем в ряде вепских песен главенствует мелодия, а не слово. С возникновением хорового коллектива появились песни, созданные руководителями хора В. И. Кононовым и А. Е. Никоновым, однако и эти песни можно считать народными, ибо они написаны композиторами-самородками, представителями вепского народа.

Год от года растет мастерство хорового коллектива. Он продолжает решать сложную задачу сохранения музыкальной национальной традиции. Ведутся поиски новых сценических форм. По-прежнему фольклорные номера служат основой хорового репертуара. За последнее время коллектив стал больше работать над фольклорными композициями, петь в движении. Так, в постановке В. И. Кононова осуществлена жанровая сцена «Вепская беседа», в которой сюжет народных посиделок облечен в песни, танцы, игры. Особое место в ней заняла «Вепская кадрили». По крупицам, с помощью старожил и по собственной памяти восстанавливали элементы старинного сценического действия, без которого когда-то не обходился ни один праздник на селе. С большим интересом и увлеченностью собиралась и деревенская сцена — «Деревня на деревню», куда вошли вепские частушки, дразнилки и старинный танец «Ланчик». Поставлена «Вепская свадьба», которую тоже собирали не один год. Здесь и венок народных девичьих песен, плачей, причитаний, хороводы, сцены выкупа и величания молодых — все сливается в одну общую карти-

ну. В репертуаре хора старинные народные песни в их подлинных распевах, обработки народных песен. Особенно любимы в хоре обработки С. Н. Легкова: «Баю-баю», «Харагэйне», «Кукэй-кана», свадебные хороводы в обработке Л. Л. Мелентьевой «Виноград в поле цветет», «Пастушок» и вепских песен «Колыбельная», «Хяркин ий». Вошли в репертуар и песни, записанные у вепсов Ленинградской области: «Из-за лесуку», «При гулянии гулянии», «Травы мои, травы». Новое время — новые песни. Есть в репертуаре песни о Родине, о жизни и труде сельчан, но в исполнение их вносится собственная трактовка, которая выражается, прежде всего, в своеобразной манере исполнения, свойственной коллективу.

Поет хор, в основном, без сопровождения и это очень много дает коллективу в отношении совершенствования исполнительского мастерства. Вепский хор — постоянно выступающий коллектив. Всегда рады концертам земляки — жители Шелтозера, Рыбреки, Вехручъя, Шокши, Ладвы.

В 1986 г. Вепский хор отмечал свой золотой юбилей. Этот год был очень насыщен выступлениями. Прошел целый ряд юбилейных концертов в районе, состоялись поездки по городам нашей республики, хор принял участие в Днях культуры Прионежского района в г. Петрозаводске. Но особо запомнилась поездка участников хора в г. Харстад (Норвегия) на фестивале фольклора скандинавских стран Nord—Norge 20—28 июня. Вепское народное искусство было там встречено с восторгом. Подзаголовком «Гигантская культура микроскопического народа» газета «Nordlis» опубликовала на первой полосе статью о Вепском хоре и его исполнителях.

Свое мастерство Вепский народный хор в очередной раз продемонстрировал на первом вепском празднике «Древо жизни» в 1987 г. в с. Винницы Подпорожского района Ленинградской области. С большим успехом прошли концерты на вепской земле Ленинградской области и в других селах: Ярославичах, Озерах, Курбе, Немже. Трудно передать глубокое волнение участников хора от теплых встреч со своими соплеменниками.

Вепский хор — участник фольклорных праздников в г. Олонце и на о. Кижы, с честью представлял искусство своего народа на Первом международном фестивале фольклора в г. Москве.

С 1987 г. стали традиционными в с. Шелтозеро праздники вепской культуры, посвященные памяти создателя Вепского народного хора — В. И. Кононова.

Замечательные энтузиасты собрались в этом коллективе. Всех их объединяет одно главное качество — удивительная преданность делу. Это представители разных поколений — от старейших до молодежи. Невзирая на занятость по работе и семейные заботы, они остаются верными своему любимому занятию. Большим ува-

жением и вниманием пользуются в коллективе ветераны хора. В 1946 г. пришел в хор Н. С. Мелькин, и в том же году он в составе танцевальной группы от КАССР выступал на сцене Большого театра СССР. Сколько помнит себя, всегда пел и танцевал. За самоотверженный труд он удостоен высокой правительственной награды — ордена «Знак Почета», а за многолетнее участие в художественной самодеятельности и пропаганду национального искусства награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карельской АССР. Почетное место среди ветеранов хора занимает и его жена Муза Тимофеевна. У нее богатый голос, большая певческая практика. Она ведущая певица хора. Ее скромный облик, огромное трудолюбие оказывают большое влияние на молодых участников хора. Музе Тимофеевне удается практически все: и частушка, и лирические напевы, и танец, и монолог. Во всем — непосредственность, национальное своеобразие, артистизм. Много почетных наград, сувениров хранится в семейном архиве этой пары. Более сорока лет поют они в хоре, доставляя людям радость и истинное наслаждение. Преданы певческому коллективу и старейшие участницы хора — С. Г. Кирилина и В. П. Курганова. Не одно поколение прошло перед ними за многолетнее пение в хоре, а они до сих пор остаются ревностными хранительницами истоков народной песни. Так, благодаря самобытному тембру голоса Венеры Петровны вновь зазвучала уникальная «Росынька», а огромная любовь к вепсскому фольклору Серафимы Григорьевны помогла возродить не один старинный танец. С 1957 г. украшает хор красивое сопрано солистки хора Э. В. Коттиной. Заслуженный учитель Карельской АССР, она обладает большим даром — умением вложить душу как в дело педагогики, так и в вепскую песню. Отличает ее и особая специфичность, вдохновение и задор в танце. Восемнадцатилетней девушкой пришла в хор Т. В. Герчина. Обладая яркими вокальными данными, она быстро овладела искусством народного пения. И вот уже более тридцати лет спешит она после работы на репетицию хора, чтобы продолжали жить неповторимые вепские песни. Р. П. Лонин в хоре как живая частица вепской земли. Более десяти лет он ищет и обрабатывает материалы о жизни вепсов. Собирает народные сказки и исполняет их на сцене. Его искусство жеста, интонации привлекают большое внимание зрителей. За многолетнее участие в художественной самодеятельности он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Карельской АССР. Занятие в хоре требует не только артистического таланта, но и самодисциплины, выдержки. Примером здесь может служить К. И. Наволоцкая. Много лет поет в хоре эта скромная, трудолюбивая женщина, приезжая на репетиции из соседнего вепского села Вехручей. Легко вживается она в вепскую песню и танец. Ее участие в самодеятельности отмечено По-

четной грамотой Президиума Верховного Совета КАССР. Большим уважением в коллективе пользуется А. П. Максимов, заведующий шелтозерским вепским этнографическим отделом Карельского государственного краеведческого музея. Он охотно помогает тем, кто пришел в хор недавно. С такой же увлеченностью и заинтересованностью поет в хоре и его жена, Роза Фомина, директор средней школы, заслуженный учитель Карельской АССР. Их сочные голоса, удивительная музыкальность, сценичность радуют зрителей много лет. Нельзя не отметить артистизм и обаяние на сцене Г. Н. Быковой, Т. А. Востриковой, сестер Ивановых, В. М. Гуркиной, В. С. Мелентьева, А. Ф. Коротяева и А. Калинина. С неменьшим энтузиазмом занимаются в хоре и те, кто пришел недавно: А. В. Большунов, А. П. Зайцева, В. М. Шагалина, В. И. Коротяева, Н. И. Евстафеева, Н. К. Степанова, А. Н. Костылев, Е. М. Зыль, Н. А. Попова. Концертмейстер хора С. А. Ульбаков — уроженец вепского края.

Новой формой пропаганды народного творчества стали концерты-лекции, где выступление хора сопровождает рассказ об истории вепского края о людях, что трудятся здесь и поют в этом хоре. Такие концерты прошли в Кондопоге, Петрозаводске, Нарве, Беломорске, Кемь, в селах и городах Коми АССР. В постоянных встречах со зрителем участники черпают вдохновение, получают подтверждение того, что их самодеятельное творчество необходимо людям.

Впереди у коллектива новые дела, новые рубежи. Энтузиасты народной песни, участники Вепского народного хора, приложат все усилия, чтобы коллектив и дальше нес в народ песню, рожденную на старой вепской земле, песни своих предков и новые песни, воспевающие мирный труд своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красная Карелия. 1937. 11 марта.
2. Ленинская правда. 1968. 5 марта.
3. Вечерний Ленинград. 1976. Декабрь.
4. Nordlis. 1986. 25 июня.

И. И. Муллонен, Ю. Ю. Сурхаско

О СОВЕЩАНИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ВЕПССКОЙ НАРОДНОСТИ

В октябре 1988 г. в Петрозаводске состоялось региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки».

Совещание, посвященное обсуждению проблем дальнейшего развития вепсской народности, явилось важным свидетельством возвращения внимания общества и государства к судьбам малых народов нашей страны. Как известно, в годы отхода от принципов ленинской национальной политики особенно беззащитными оказались небольшие по численности народности или национальные группы, лишенные или не имевшие своей автономии. Именно такие народы являются объектом заботы созданного в апреле 1988 г. Научно-общественного совета по сохранению и развитию культур малых народов СССР Советского фонда культуры. Одними из первых с просьбой о помощи в национальном возрождении обратились в Совет представители вепсского народа. По инициативе Совета, поддержанной Советом Министров РСФСР, было проведено указанное совещание. В его подготовке и проведении приняли участие Совет Министров КАССР, Ленинградский и Вологодский облисполкомы, Карельский филиал АН СССР, различные министерства и ведомства.

С основным докладом «Проблемы современного социально-экономического положения народности и задачи хозяйственного и культурного строительства в регионе ее проживания в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции» выступил председатель оргкомитета совещания, заместитель председателя Совета Министров КАССР А. Н. Трофимов. В его докладе был дан анализ чрезвычайно сложного современного социально-экономического и этнокультурного состояния вепсской народности, высказана мысль о необходимости изменения административно-территориального устройства в регионе проживания вепсской народности, создания автономных объединений в виде Вепсского округа или национальных районов, срочного воссоздания вепсской письменности, предлагалось начать активное возрождение хозяйственной

деятельности в обезлюдевших и мелких деревнях на основе арендных отношений, безотлагательное строительство объектов жилья и социально-экономической сферы. Чрезвычайно важным признавалось усиление культурно-просветительской работы среди вепского населения для его ознакомления с историей, культурой вепсов, воспитания чувства национального самосознания.

Содокладчик — секретарь Ленинградского облисполкома В. В. Пылин признал, что фактическая численность вепского населения (4 тыс. чел.) в Ленинградской области намного превышает официальные данные. Он сообщил, что в августе 1988 г. принято специальное решение «О мерах по ускорению развития мест проживания в Ленинградской области населения вепской национальности на 1988—1995 годы», реализация которого позволит улучшить социальное и культурное обслуживание в данном регионе. Однако облисполком считает нецелесообразным создание единого самостоятельного административного района из десяти сельсоветов с вепским населением, находящихся в настоящее время в четырех районах области. Основные аргументы против его организации — крайне низкий экономический потенциал этой довольно большой территории (6 тыс. кв. км), малочисленность населения (около 8 тыс. чел.), бездорожье. В. В. Пылин сослался также на результаты исследования, проведенного по заданию облисполкома накануне совещания Ленинградским научно-исследовательским центром Северо-Западного отделения советской социологической ассоциации, которые показали, что идею об автономии вепсы не поддерживают: большинство опрошенных (43%) заявили, что не видят необходимости в ее создании, 19% были «за» и 38% уклонились от ответа.

Заместитель председателя Бабаевского райисполкома Вологодской области Л. В. Кабат и председатель Прионежского райисполкома Карельской АССР Н. С. Жгун дополнили основной доклад сообщениями о разработанных в их районах мерах по улучшению жизни в вепских деревнях. Они предложили самим вепсам-делегатам с мест высказаться по поводу автономии.

Выступление заместителя председателя Подпорожского горисполкома А. И. Бакулина выявило большее понимание сути проблем, однако вопрос о создании сейчас автономии для вепсов кажется ему преждевременным. Остальные выступающие подвергли резкой критике нежелание руководства Леноблисполкома с ответственностью отнестись к судьбе народности, оказавшейся на грани исчезновения вследствие ошибочной социально-экономической и национальной политики, проводимой им в течение нескольких десятилетий. С предложением изменить отношение к вепским проблемам выступил заместитель председателя Научно-общественного совета по сохранению и развитию культур малых народов СССР Советского фонда культуры Л. Г. Быстров. Он сказал,

что «территория, о которой идет речь, истари принадлежит велсам, и от этого нужно отталкиваться в первую очередь». Предоставление велсам автономии, а также специальных льгот, направленных на возрождение края, или распространение на велсов льгот народов Севера, будет, по его мнению, основным стимулом для возрождения народности, улучшит социально-экономические условия населения всего региона.

Предпочтительным способом решения велсской проблемы профессор В. В. Пименов, заведующий кафедрой этнографии Московского государственного университета, считает создание национальных велских районов и сельсоветов в качестве подготовки к образованию на их основе Велсского автономного округа. Для этого необходима подготовка общественного мнения, обязательное обсуждение рекомендаций конференции в Ленинградском облисполкоме, со стороны которого идея автономии для велсов встречает наибольшее сопротивление. Он особо остановился на социологическом обследовании, результаты которого были использованы в выступлении В. В. Пылина, выразив сомнение в правильности проведения обследования и интерпретации его данных. Истинные результаты могут быть получены лишь при участии всех компетентных и заинтересованных учреждений. Заведующая отделом Государственного музея этнографии народов СССР О. М. Фишман критиковала руководство Леноблисполкома за одностороннее истолкование результатов обследования, проведенного Ленинградским научно-исследовательским социологическим центром. Данные указывают на резкое ухудшение демографической ситуации, на тенденцию к культурной ассимиляции, на совершенно неудовлетворительные условия труда в традиционных сферах занятости, наконец, на безразличие властей к велским проблемам и незаинтересованность в их решении. Один из существенных выводов обследования — стремление населения и, прежде всего, его более образованных групп к культурной и социальной консолидации. В этом контексте высокий процент уклонившихся от ответа на вопрос об автономии (38) должен рассматриваться не как безразличие, а как результат непросвещенности, незнания своих истоков, своей культуры (лишь около 15% опрошенных относительно хорошо знают историю и культуру велсов).

На совещании выступил директор Национального музея Эстонской ССР А. Ю. Петерсон. Ежегодно бывая в экспедициях в течение двух десятилетий, он был свидетелем постепенного запустения велских деревень. Выход из критического положения он видит в создании велсского национального района, в активном распространении на велсской земле арендного подряда с перспективой полного перехода на него. В целях сохранения народа и его культурного наследия выступающий предложил создать Общест-

во вепсской культуры, задачей которого должно стать приобщение народа к своему языку и культуре.

О том, что нынешняя критическая ситуация с вепсской народностью является итогом серьезных просчетов в национальной политике ленинградских и вологодских властей, приведших к ускорению ассимиляции вепсской народности, говорили многие выступающие (редактор журнала «Советская этнография» членкорр. АН СССР К. В. Чистов, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР З. И. Строгальщикова, писатели А. В. Петухов и Г. Горышин). Во избежание подобного, указывали они, должна быть разработана система мер, закрепляющая права малых народов на их этнической территории. Необходимо также конституционно подтвердить право национальных групп на самоопределение, представительство в органах власти, создать комиссии по межнациональным отношениям при Советах. К. В. Чистов, поддерживая идею образования национальных районов и сельских советов, особенно подчеркнул полезность создания институтов, обеспечивающих культурную автономию вепсского народа.

Вопросы о воссоздании вепсской письменности и преподавания вепсского языка в школе в наиболее развернутом виде были освещены в выступлении старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Н. Г. Зайцевой (см. статью в наст. сб.). Заместитель директора Института языкознания АН СССР Ю. С. Елисеев отметил необходимость создания единой графической основы для вепсского и карельского языков.

Во многих выступлениях были предложены свои программы по сохранению и развитию вепсской народности. Наиболее четкая, аргументированная программа была изложена А. В. Петуховым (см. статью в наст. сб.). Представители вепсского народа — Н. В. Карпов (с. Ошта Вологодской области), Н. П. Соколов (д. Радогоща Ленинградской области), Р. П. Лонин и А. П. Максимов (с. Шелтозеро Карельской АССР) поддержали идею организации Вепсского национального района или округа. Слова Н. В. Карпова: «Вепсы — трудолюбивый народ, дайте нам автономию и мы возродим наш край» нашли на совещании самый живой отклик.

С. И. Балабанов, заведующий отделом по вопросам развития экономики и культуры народов Севера Управления делами Совета Министров РСФСР, сообщил, что после письменного обращения вепсов Вологодской области в Совет Министров РСФСР его отделу было поручено исследовать состояние народности. Были обнаружены серьезные недостатки — по существу многие годы местные власти не уделяли вепсам должного внимания, что привело к таким последствиям. Но результаты совещания обнадежи-

вают. Рекомендации, выработанные на нем, позволят исправить положение. Представляется целесообразным на их основе подготовить специальное правительственное постановление, которое будет более надежной гарантией реализации высказанных здесь предложений.

Итоги совещания подвел инструктор отдела межнациональных отношений ЦК КПСС В. Н. Степанов. Он поддержал идею С. И. Балабанова о подготовке правительственного постановления по ускорению развития экономики и культуры в районах проживания вепсской народности. Нельзя, однако, забывать и о том, отметил он, что многие постановления правительства и ЦК КПСС по малым народам не были полностью выполнены, нужна заинтересованность руководства региона и самого народа в их реализации. Важно, чтобы все предложения, прозвучавшие здесь, были обсуждены вновь Ленинградским и Вологодским облисполкомами, Советом Министров КАССР, горисполкомами и доведены до населения на местах не только через средства массовой информации, но и при прямом контакте с народом. Пришло время начать претворять в жизнь записанное в нашей Конституции требование фактического равноправия народов, независимо от их численности.

После завершения совещания были приняты рекомендации.

РЕКОМЕНДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ «ВЕПСЫ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Исходя из решений XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС, региональное межведомственное совещание пришло к единому мнению о срочной необходимости принятия мер по коренному улучшению социально-экономического развития и культурной жизни вепсской народности, ее национально-административного устройства.

Вепсы расселены в Прионежском районе Карельской АССР (Шокшинский, Шелтозерский, Рыборецкий сельские советы), на соседних территориях Подпорожского (Шустручейский, Винницкий, Ярославский, Озерской, Курбинский сельские советы), Лодейнопольского (Подборский, Хмелезерский сельские советы), Тихвинского (Алексеевский сельский совет), Бокситогорского (Сидоровский, Радогощинский сельские советы) районов Ленин-

градской области и в Вытегорском (Оштинский сельский совет), Бабаевском (Куйский и Пяжозерский сельские советы) районах Вологодской области.

В нарушение ленинских принципов национальной политики географически единая территория расселения вепсов оказалась включенной в разные административно-территориальные образования, что имело самые негативные последствия: нарушены экономические связи, в результате бездорожья прекратилось естественное общение населения. Нависла реальная угроза существованию и единству вепсской народности, ее культуре и языку. Развитие сельсоветов с вепским населением, оказавшихся на окраинах семи районов двух областей и республики, не уделялось должного внимания, особенно в Ленинградской и Вологодской областях. В этих районах крайне слаба экономика, не развита социальная сфера, неудовлетворительно организовано жилищно-коммунальное, торговое, бытовое, медицинское, социально-культурное обслуживание населения. В силу сложившихся условий усилилась миграция вепсов из сел и деревень в города, обезлюдели многие сельские населенные пункты, что привело к выпадению из хозяйственного использования крупных (по местным условиям) массивов земельных угодий.

Имеет место сильно выраженная тенденция к депопуляции вепсской народности, искусственно ускоряются ассимиляционные процессы, снизилась продолжительность жизни вепсов. В результате этого данные Всесоюзной переписи населения, касающиеся вепсов, оказались сильно заниженными. Местными органами Ленинградской и Вологодской областей искажались данные переписи населения. Имели место многочисленные факты записи вепсов в паспортах русскими по национальности. Вследствие этого в настоящее время, по сведениям официальной статистики, здесь, в местах своего исконного проживания, вепсы не числятся, хотя, по данным специального массового обследования, они составляют от 4 до 4,5 тыс. человек. Общая численность вепсов сейчас равна примерно 12 тыс., из них 7,5 тыс. проживает в указанных выше сельских советах.

В годы культуры личности и в более поздний период были ликвидированы вепские национальные районы, преподавание вепского языка (и на вепском языке) в школах, а также вепская письменность. Отсутствуют газеты, книги, учебники, радио- и телепередачи на вепском языке. Вепских представителей нет среди депутатов Ленинградского и Вологодского областных советов народных депутатов, их крайне мало и среди депутатов районных советов.

В целях ускоренного развития экономики и культуры в районах проживания вепсов Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областях региональное межведомственное совещание

считает целесообразным осуществление следующих мероприятий:

1. Совету Министров Карельской АССР, Ленинградскому и Вологодскому облисполкомам с участием научных организаций рассмотреть предложение о создании в районах проживания вепсской народности национальных вепских районов с обязательным включением в их состав вышеназванных сельских советов как подготовку для образования на их основе Вепского автономного округа.

2. Просить Совет Министров РСФСР выделить в порядке исключения Ленинградскому и Вологодскому облисполкомам в 1989—1990 годах дополнительные капитальные вложения для строительства твердых (гравийно-щебеночных) автомобильных дорог с целью соединения автомобильным сообщением всех сельских советов с вепским населением; в Ленинградской области: Радогоща — Сидорово — Красный Бор — Корвала — Корбиничи — Хмелезеро — Вонозеро — Пелдуши — Ярославичи; в Вологодской: Пондала — Пяжозеро.

3. Рекомендовать партийным, советским и хозяйственным органам Ленинградской и Вологодской областей, КАСР:

— активно осуществлять возрождение хозяйственной деятельности обезлюдевших и мелких деревень, в том числе бывших сельскохозяйственных угодий Государственного земельного фонда, за счет местного коренного и привлеченного со стороны вепского населения на основе арендного, индивидуального и семейного под-
рядов;

— в деревнях, имеющих перспективу на возрождение, продавать пустующие дома постоянно проживающему в этих селах населению, а также лицам вепсской народности, возвращающимся в возрождаемые деревни;

— разрабатывать специальный комплекс мероприятий по укреплению Алексеевского сельсовета (Тихвинский район), который является связующим звеном между Хмелезерским сельским советом (Лодейнопольский район) и Сидоровским сельским советом (Бокситогорский район) и находится в критическом демографическом и социально-экономическом состоянии.

4. Рекомендовать Карельскому филиалу АН СССР, Научно-исследовательскому институту экономики сельского хозяйства Нечерноземья, Институту географии Ленинградского государственного университета в 1988—1989 г. разработать и обосновать перечень льгот для вепсов, проживающих в КАСР, Ленинградской и Вологодской областях, или распространение на вепсов, являющихся в этом регионе коренным населением, льгот и преимуществ, предусмотренных для народностей Севера. При этом учесть предоставление ряда особых льгот многодетным матерям и семьям (пособия, первоочередное предоставление благоустроенной жилой площади, первоочередное и льготное медицинское, торговое и бы-

товое обслуживание и др.). В целях ускорения индивидуального строительства жилья, восстановления заброшенных сел и деревень, а также стимулирования возвращения вепсов в свои прежние поселения предусмотреть бесплатный отпуск строевого леса и предоставление долгосрочных ссуд.

5. Госплану Карельской АССР, плановым комиссиям Ленинградского и Вологодского облисполкомов при разработке планов экономического и социального развития районов проживания вепсов на 1989—1990 годы, а также на XIII пятилетку учесть предложения и перечень строительных объектов, представленные на настоящее совещание райисполкомами и сельскими советами (переданы в Совет Министров КАССР, Ленинградский и Вологодский облисполкомы).

6. Карельскому филиалу АН СССР (т. И. М. Нестеренко), Научно-исследовательскому институту экономики сельского хозяйства Нечерноземья (т. А. И. Костяев), Институту географии Ленинградского государственного университета (т. А. И. Чистобаев):

— не позднее IV квартала 1989 г. совместно с плановыми органами КАССР, Ленинградской и Вологодской областей разработать долгосрочную концепцию и основные направления экономического и социального развития районов с проживанием вепсов на период до 2005 года;

— обеспечить научно-методическое руководство разработкой планов комплексного экономического и социального развития районов с проживанием вепсов на период до 1991—2005 годов с выделением XIII пятилетки. При разработке планов комплексного развития районов особое внимание уделить повышению уровня жизни вепсов и ускоренному развитию социальной инфраструктуры в местах их проживания;

— разработать рекомендации по доведению обеспеченности вепского населения и населения, проживающего в этих районах, услугами сферы обслуживания до показателей, предусмотренных научно обоснованными нормами и нормативами.

7. Территориальным объединениям бытового обслуживания населения КАССР, Ленинградской и Вологодской областей обеспечить доступность всех бытовых услуг при неуклонном повышении их качества и культуры обслуживания. Довести к 2000 году уровень обеспеченности бытовыми услугами до показателей, предусмотренных рациональными потребительскими бюджетами этих регионов.

8. Территориальным объединениям капитального строительства республики и областей в текущей пятилетке закрепить за районами проживания вепсов строительные управления и механизированные колонны с целью ускоренного строительства в них объектов производственной и социальной инфраструктуры. Укре-

пить материально-техническую базу этих строительных организаций.

9. Просить Госстрой РСФСР, Госстрой КАССР, проектные организации Вологодской и Ленинградской областей:

— разработать в 1989—1990 годах экспериментальные проекты районных планировок в местах проживания вепсов (Прионежский район КАССР, Подпорожский, Лодейнопольский, Тихвинский, Бокситогорский Ленинградской области, Бабаевский, Вытегорский районы Вологодской области);

— разработать проект планировки первичной единицы расселения (центральной усадьбы, колхоза, совхоза, центра отделения или бригады), формируемой в районах проживания вепсов КАССР, Ленинградской и Вологодской областей;

— разработать с учетом традиций народной архитектуры каталог жилых и общественных зданий для населенных пунктов проживания вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей;

10. Просить Совет Министров РСФСР, Госплан РСФСР, Государственный комитет по труду и социальным вопросам отнести к 1990 году Карельскую АССР, а также районы проживания вепсов Ленинградской и Вологодской областей к территории, приравненной к Крайнему Северу с выплатой районного коэффициента 1,4 и 60% северных надбавок.

11. Просить Госплан РСФСР, Агропром РСФСР, Роспотребсоюз, плановые органы и агропромы Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей:

— принять кардинальные меры по преодолению отставания жилищного строительства в районах проживания вепсов Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей, по обеспечению опережающих темпов его развития с целью обеспечения каждой семьи отдельной квартирой или индивидуальным домом, обратив особое внимание на благоустройство и комфортность вводимой жилой площади. Опережающие темпы жилищного строительства учесть в планах экономического и социального развития районов на 1989—1990 гг.

12. Кареллеспрому, объединениям «Вологдалеспром», «Ленлес», управлениям лесного хозяйства Ленинградской и Вологодской областей:

— в XIII пятилетке принять эффективные меры по упорядочению рубок и рациональному использованию лесных ресурсов, полному освоению всего отводимого в рубках лесосечного фонда, решить вопросы об организации потребления и переработки лиственной древесины на предприятиях в районах проживания вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей;

— в установленном порядке уточнить по предприятиям размер

расчетных лесосек с учетом непрерывного неистощительного лесопользования;

— повысить качество лесохозяйственных работ, особенно при проведении рубок ухода за лесом и санитарных рубок, лесовосстановлении.

13. Министерству народного образования КАССР, отделам народного образования Ленинградского и Вологодского облисполкомов:

— открыть детские ясли-сад в комплексе с начальной школой во всех населенных пунктах вышеуказанных сельских советов, где имеются дети дошкольного и школьного возраста;

— ввести с 1990 учебного года в районах проживания вепсов изучение в начальных классах и детских дошкольных учреждениях вепского языка; решить вопрос о выделении школам необходимых педагогических ставок;

— ежегодно с 1989 года направлять выпускников средних школ из числа вепсов в Петрозаводский государственный университет им. О. В. Куусинена, Ленинградский сельскохозяйственный и Вологодский молочный институты, Ленинградскую лесотехническую академию для подготовки преподавателей по вепскому языку и квалифицированных специалистов для народного хозяйства республики и региона;

— рекомендовать Институту языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР совместно с шелтозерской школой и музеем вепской культуры:

а) в 1989 году объявить конкурс на создание вепского букваря;

б) в 1989 году подготовить к выпуску вепский букварь, считать целесообразным в экспериментальном варианте создание букваря на основе кириллицы;

в) ввести в школах Прионежского района с 1990 г. курс нового предмета «Народоведение»;

— решить вопрос о введении на уроках труда с 1 сентября 1989 г. в школах районов проживания вепсов обучение детей основам вепского декоративно-прикладного искусства и вепских промыслов;

— решить вопрос об обучении вепских детей музыке, пению, хореографии, изобразительному искусству, систематически выявлять и направлять более одаренных детей в музыкальные, художественные и хореографические школы и училища страны;

— рекомендовать отделам народного образования райисполкомов, преподавательскому составу школ усилить работу с вепсами — родителями и учащимися по вопросам профессиональной ориентации, воспитания у школьников национального самосознания, любви и бережного отношения к родному вепскому языку и национальной культуре.

14. Рекомендовать республиканскому и областным комитетам по радиовещанию и телевидению с 1989 г. проводить систематические радио- и телевизионные передачи о жизни, трудовой деятельности и культуре вепсов как на русском, так и на вепском языках.

15. Просить комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли КАССР:

— подготовить в 1989 г. русскоязычный вариант журнала «Пуналиппу» (1989 г. № 2), посвященного вепской народности, для распространения его среди вепского населения. Финансирование этого издания возложить на долевой основе на Совет Министров КАССР, Ленинградский и Вологодский облисполкомы, Советский фонд культуры;

— решить вопрос о регулярном выпуске вепской страницы на русском и вепском языках во всех местных газетах районов проживания вепсов.

16. Министерству культуры КАССР, управлениям культуры Ленинградского и Вологодского облисполкомов:

— разработать и осуществить с 1989 года конкретные мероприятия по укреплению материально-технической базы сельских учреждений культуры;

— обратить особое внимание на подготовку специалистов для культурно-просветительной работы из числа вепсов, окончивших среднюю школу, для чего систематически направлять их с 1989 г. в Ленинградский институт культуры, а также в культурно-просветительные училища городов Петрозаводска, Ленинграда и Вологды;

— создать в районах проживания вепсов вепские фольклорные ансамбли. Обеспечить участие в 1990 г. вепских фольклорных ансамблей во Всесоюзном фестивале культур малых народов СССР;

— разработать и осуществить целевую комплексную программу укрепления культурных, побратимских связей вепского населения Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей. Предусмотреть регулярное проведение дней культуры, спортивных и других мероприятий, способствующих активному общению вепсов, проживающих в указанных районах;

— подготовить выставку вепской культуры для представления в 1989 г. на ВДНХ на Всесоюзную выставку культур малых народов СССР;

— создать при Карельском фонде культуры вепское культурное общество на правах головного и соответствующие филиалы при отделениях Советского фонда культуры Ленинградской и Вологодской областей.

17. Министерству здравоохранения КАССР, отделам здравоохранения Ленинградского и Вологодского облисполкомов:

— с учетом суровых природно-климатических условий, крайней рассредоточенности и отдаленности поселений в районах проживания вепсов в XIII пятилетке значительно укрепить материально-техническую базу здравоохранения, довести к 1995 г. уровень обеспеченности населения больничными койками, врачами, средним медицинским персоналом, больничными учреждениями до размеров, предусмотренных научно обоснованными нормами;

— поручить научно-исследовательским институтам и вузам г. Ленинграда, медицинскому факультету Петрозаводского государственного университета провести в 1988—1989 гг. медико-биологическое и санитарно-гигиеническое исследования вепсского населения и по результатам исследований направить в IV квартале 1990 года в Совет Министров РСФСР, Совет Министров КАССР, Вологодский и Ленинградский облисполкомы научные доклады и рекомендации по улучшению здравоохранения населения, проживающего в национальных районах.

18. Просить Госкомстат СССР, Госкомстат РСФСР, республиканское и областные управления статистики:

— включить с 1989 года в статистическую отчетность показатели по районам проживания вепсов КАССР, Ленинградской и Вологодской областей, а также проводить единовременный учет рождаемости, смертности и естественного прироста вепсского населения;

— обеспечить проведение переписи 1989 года с участием в качестве счетчиков представителей вепсской народности и членов Научно-общественного совета по сохранению и развитию культур малых народов Советского фонда культуры.

19. Рекомендовать Министерству внутренних дел КАССР, управлениям внутренних дел Вологодской и Ленинградской областей совместно с управлением статистики руководствоваться принципами самоопределения при выборе национальности населения.

20. Просить Президиум АН СССР, Ленинградский и Вологодский облисполкомы:

— в целях научного обеспечения решения проблем социально-экономического и культурного развития вепсской народности укрепить кадрами Карельский филиал АН СССР (Институт языка, литературы и истории — 3—4 чел., отдел экономики — 4—5 чел.), НИИ географии Ленинградского государственного университета (4 чел.);

— ускорить решение вопроса о заключении договора с Научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства Нечерноземья РСФСР о проведении научно-исследовательских работ по развитию районов проживания вепсов Ленинградской области.

21. В связи с расширением плановых научных исследований де-

мографических, социально-экономических, социально-культурных, лингвистических, медико-биологических и экологических проблем развития вепсской народности создать при Президиуме Карельского филиала АН СССР Научно-общественный совет по координации этих исследований.

22. Совещание поручает оргкомитету войти в комиссию по обобщению предложений и замечаний к проекту изменений Конституции СССР. От имени совещания внести дополнения и замечания о представительстве народов СССР, не имеющих национально-государственных образований, в Советах народных депутатов на всех уровнях, о возможности включения автономных округов в состав автономных республик, о статусе национальных районов и национальных сельских советов.

23. Считать целесообразным создание на всех уровнях Советов народных депутатов комиссий по межнациональным вопросам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В. В. Пименов, З. И. Строгальщикова. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития	4
З. И. Строгальщикова. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности	27
В. Н. Бирин. Демографическая ситуация у вепсов Карелии в 1950—1970-е годы	43
А. В. Петухов. Административная разобщенность — фактор ускорения ассимиляции вепсов	55
С. И. Кочуркина. Древние вепсы по археологическим материалам	64
М. Йоалайд. Этническая территория вепсов в прошлом	76
И. Муллонен. Вепсы Прионежья по данным топонимии	84
В. Агапитов. Освоение Заонежья древними вепсами	91
Н. Г. Зайцева. Вепсский язык и проблемы его развития	95
М. Муллонен. Из истории вепсской лексики	102
А. Кяхрик. Ранние записи по южно-вепсскому диалекту и их значение для современной диалектологии	106
В. А. Лапин. Вепсы и русские в музыкально-фольклорных традициях Северо-Запада (к проблеме историко-этнической интерпретации)	111
И. Ю. Винокурова. Вепские заветные праздники охраны скота	119
А. Петерсон. Орудия традиционного земледелия у вепсов	130
Т. Г. Зимина. Подпорожский краеведческий музей	136
Р. П. Лонин. О создании музея вепсской культуры в с. Шелтозеро	140
А. П. Максимов. О работе музея вепсской культуры	145
В. Мальми. Балетмейстер В. Кононов (1905—1983)	148
Л. Л. Мелентьева. История Вепсского народного хора	151
И. И. Муллонен, Ю. Ю. Сурхаско. О совещании по проблемам вепсской народности	159
Рекомендации регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки»	163

Проблемы
истории
и культуры
вепсской
народности

Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского филиала АН СССР

Редактор Л. С. Баранцева
Технический редактор Г. В. Козлова
Корректоры: И. Г. Варваровская, Л. В. Кабанова

Сдано в набор 26.06.89 г. Подписано в печать 23.11.89 г. Е-00488. Формат
60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 1000 экз. Изд. № 19.
Заказ № 2208. Цена 1 р. 80 коп.

Карельское республиканское объединение полиграфической промышленно-
сти Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.